

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА**

2024 Том 29 № 2

**АФРИКАНСКИЕ МЕДИА В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
ПЕРЕПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ МЕДИАИССЛЕДОВАНИЙ**

**Приглашенный редактор *И. Базье*
Научный редактор *М.Г. Шилина***

**DOI 10.22363/2312-9220-2024-29-2
<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>**

**Научный журнал
Издается с 1996 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волкова И.И., доктор филологических наук, профессор,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Борхес-Рей Э., доктор в сфере медиакоммуникаций, адъюнкт-профессор по программе журналистики, Северо-Западный университет в Катаре, Доха, Катар

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Дрок Н., PhD, профессор, президент Европейской ассоциации преподавателей журналистики (ЕЖА), заместитель председателя Всемирного совета по журналистскому образованию (WJEC), профессор школы медиа, Университет прикладных наук Виндсхайма, Зволле, Нидерланды

Жаккар Ж.-Ф., профессор кафедры средиземноморских, славянских и восточных языков и литератур, Женевский университет, Женева, Швейцария

Желтухина М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

Киссель В.С., ведущий научный сотрудник международной лаборатории изучения российского и европейского интеллектуального диалога, профессор восточноевропейской литературы и культуры, Бременский университет, Бремен, Германия

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия

Лободенко Л.К., доктор филологических наук, профессор, директор Института медиа и социально-гуманитарных наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Меррилл Дж., PhD, профессор русского языка, Университет штата Мичиган, Ист Лэнсинг, США

Низматуллина К.Р., доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой цифровых медиакоммуникаций, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Панасенко Н., доктор филологических наук, профессор кафедр языковой коммуникации, факультет массмедиакоммуникации, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Трнава, Словакия

Саймонс Г.Дж., PhD, профессор, адъюнкт-профессор департамента государственного управления, научный сотрудник Института исследований России и Евразии, Университет Упсалы, Упсала, Швеция

Сколари К., доктор лингвистики и коммуникаций, профессор, адъюнкт-профессор факультета медиакоммуникаций, Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания

Тилак Г., PhD, доктор литературы, доктор менеджмента, профессор, декан факультета современных наук и профессиональных навыков, профессор департамента массовых коммуникаций, Университет Тилак Махараштра Видьяпит, Пуна, Махараштра, Индия

Флейшман Л., профессор кафедры славянских языков и литературы, Стэнфордский университет, Стэнфорд, США

Шилина М.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА**

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» – периодическое научное издание в области филологических исследований. Международный состав редакционной коллегии и экспертного совета обеспечивает отбор, рецензирование и публикацию авторских материалов на русском и английском языках представителей различных научных школ и регионов мира.

Цели журнала – осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала – ознакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и медиаведческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Принимаются материалы, соответствующие следующим специальностям номенклатуры ВАК: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, 5.9.2. Литературы народов мира, 5.9.3. Теория литературы, 5.9.4. Фольклористика, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т. д.

Редакционная коллегия журнала приглашает литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, к участию в подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Электронный адрес редакции журнала: litj@rudn.ru

Редактор *Н.В. Малаховская*
Редакторы англоязычных текстов *К.Ю. Каплявик, Н.В. Рабкина, О.В. Спачиль*
Компьютерная верстка *М.Н. Заикиной*

Адрес редакции:
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Подписано в печать 21.06.2024. Выход в свет 28.06.2024. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 18,55. Тираж 500 экз. Заказ № 619. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

2024 VOLUME 29 NUMBER 2

AFRICAN MEDIA IN THE NEW REALITY: RE-POSITIONING OF MEDIA STUDIES

Guest Editor *Isaac Bazie*

Scientific Editor *Marina G. Shilina*

DOI 10.22363/2312-9220-2024-29-2

<http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Irina I. Volkova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Mass Communications, RUDN University, Moscow, Russia
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Anna E. Bazanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism, RUDN University, Moscow, Russia

Eddy Borges-Rey, PhD in Media and Communication, Associate Professor in Residence Journalism Program, Northwestern University in Qatar, Doha, Qatar

Niko Drok, PhD, President of European Journalism Training Association (EJTA), Vice Chair of the World Journalism Education Council (WJEC), Professor of Media & Civil Society, Windesheim University of Applied Sciences, Zwolle, Netherlands

Lazar Fleishman, Professor of the Department of Slavonic Languages and Literature, Stanford University, Stanford, USA

Michail M. Golubkov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Jean-Philippe Jaccard, Professor of the Department of Mediterranean, Slavic and Oriental Languages and Literatures, University of Geneva, Geneva, Switzerland

Liubov G. Kikhney, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russia

Wolfgang Stephan Kissel, leading research fellow of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Professor of East European Literatures and Cultures, University of Bremen, Bremen, Germany

Lidiya K. Lobodenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Jason Merrill, PhD in Russian Literature, Professor of Russian, Michigan State University, East Lansing, USA

Kamilla R. Nigmatullina, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Digital Media Communications, Institute "Higher School of Journalism and Mass Communications", St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nataliya Panasenko, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Language Communication, Faculty of Mass Media Communication, University of SS Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovakia

Carlos Alberto Scolari, PhD in Applied Linguistics and Communication Languages, Professor, Associate Professor of the Faculty of Communication, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain

Marina G. Shilina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Advertising, Design and Public Relations, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Gregory John Simons, PhD, Professor, Associate Professor at the Department of Government, researcher at Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Uppsala, Sweden

Geetali Tilak, PhD, DLit, DM, Professor, Dean of the Faculty of Modern Sciences and Professional Skills, Professor of the Department of Mass Communication, Tilak Maharashtra Vidyapeeth, Pune, Maharashtra, India

Marina R. Zheltukhina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed by Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising.

The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary Studies" and "Journalism".

Materials that correspond to the following specialties: Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation, Literature of the Peoples of the World, Literary Theory, Folkloristics, Media Communications and Journalism are accepted.

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/literary-criticism>

Copy Editor *N.V. Malakhovskaya*

English Texts' Editors *K.Yu. Kashlyavik, N.V. Rabkina, O.V. Spachil*

Layout Designer *M.N. Zaikina*

Address of the editorial office:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

АФРИКАНСКИЕ МЕДИА В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ПЕРЕПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ МЕДИАИССЛЕДОВАНИЙ

ОТ РЕДАКЦИИ

- Шилина М.Г., Базье И., Джамии М.М., Волкова И.И., Морева А.Н.** Медиа Африки в новой реальности: от медиации к медиатизации в контексте африкологии 201

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Бесолова Ф.К.** Мужики и «мужикое» в фокусе зрения Л. Толстого, А. Чехова, П. Романова, В. Шукшина: проблема коммуникации 213
- Свиридов В.Ю.** Полемика М.Л. Слонима и З.Н. Гиппиус о двух ветвях развития русской литературы 226
- Аров Я.И.** История рассказа И.А. Бунина «Новый год» (1901) – от ранних публикаций до Полного собрания сочинений (1915): биографический аспект 235

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

- Щепалина Е.А.** «Обитель» Захара Прилепина: осмысление опыта христианской жертвенности в романе 243

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ

- Романов Ю.А.** Отражение творчества Ф.М. Достоевского в романе У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» 251
- Шулятьева Д.В.** «Расходящиеся тропки» как принцип конструирования пути героя: вариации в «Стекланном городе» П. Остера 260
- Галай К.Н., Ананьева С.В.** Вещная деталь: говорящие функции предметов одежды в изображении персонажей Ги де Мопассана 270
- Kamat M.M.** Henry Miller's "Black Spring": a journey of sexuality from childhood to adulthood («Черная весна» Генри Миллера: путешествие сексуальности из детства во взрослую жизнь) 278
- Pawar P.N.** Terry McMillan's "It's Not All Downhill from Here": black women discharging interpersonal conflicts (Терри Макмиллан «Отсюда не все так плохо»: разрешение межличностных конфликтов чернокожими женщинами) 289

ЖУРНАЛИСТИКА

АФРИКАНСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ГЛОБАЛЬНОЙ МЕДИАПОВЕСТКЕ

- Vazie I.** Political journalism on China-Africa in a changing world order: Canada, France, Francophone Africa (Политическая журналистика о Китае и Африке в условиях меняющегося миропорядка: Канада, Франция, франкоязычная Африка) 297
- Vartanova E.L., Dunas D.V., Gladkova A.A., Kireeva P.A., Maluchenko D.O.** Media representations of conflicts in Africa: the case of Russian newspapers (Медиапредставления конфликтов в Африке: кейс российских изданий) 306

МЕДИАЦИЯ ВНУТРЕННИХ КРИЗИСОВ В АФРИКЕ: НОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ

- Stoica D.S.** Images on journalism and the power of media to turn the page in the history of crises: a Malian case (Представления о журналистике и силе медиа: перевернуть страницу в истории кризисов: пример Мали) 315
- Adeitan M.A.** African newspapers reportage of sanctions: analysis of framing and agenda setting (Репортажи в африканских газетах о санкциях: анализ фреймов и повестки дня) 325
- Valima R.D., Sawadogo C. dit P.** The effects of polls on Burkinabe populations during election periods (Влияние публикаций опросов на население Буркина-Фасо в электоральный период) 337

МЕДИЙНЫЕ РАМКИ РЕЛИГИОЗНЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

- Adisa R.M., Segbefia S.K., Mohammed S., Trofimova G.N.** Misinformation and disinformation in ethno-religious conflicts: a comparative study of media in Ghana and Nigeria (Неточная информация и дезинформация относительно этнорелигиозных конфликтов: сравнительное исследование медиа Ганы и Нигерии) 346
- Bukar A.A., Bala B., Omoloso I.A., Bulgarova V.A.** Peace journalism practice in Nigeria: war language and blasphemy conflicts (Практика мирной журналистики в Нигерии: язык войны и религиозные конфликты) 358

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

- Kinfu Z.T., Volkova I.I.** Africa and media paradigms – the view of an African expert from Russia: interview with Zenebe T. Kinfu (Африка и медийные парадигмы – взгляд африканского эксперта из России: интервью с З.Т. Кинфу) 367

ОБЗОРЫ

- Фатеева И.А., Гаврилов А.С.** Синкретичность творчества М.Ю. Левидова 372
- Султанова Х.** Категория мифопоэтики в трудах российских и азербайджанских исследователей 381
- Ван Ц.** Исследование пушкинских сказок в Китае: история и современность 390
- Султанова Ж.О.** Стихотворения А.С. Пушкина на кыргызском языке: эквивалентность, вольность и адекватность переводов Омора Султанова 397

CONTENTS

AFRICAN MEDIA IN THE NEW REALITY: RE-POSITIONING OF MEDIA STUDIES

EDITORIAL COLUMN

- Shilina M.G., Bazie I., Jamiu M.M., Volkova I.I., Moreva A.N.** African media in the new reality: From mediation to Afrikological mediatization 201

LITERARY STUDIES

HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

- Besolova F.K.** Peasants and the “peasantly” in the focus of L. Tolstoy, A. Chekhov, P. Romanov, V. Shukshin: the problem of communication 213
- Sviridov V.Yu.** The controversy between M. Slonim and Z. Gippius on two branches of the development of Russian literature 226
- Arov Ya.I.** The history of I.A. Bunin’s short story “New Year” (1901) – from early publications to the Complete Works (1915): biographical aspect 235

CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

- Shchepalina E.A.** “The Abode” by Zakhar Prilepin: understanding the experience of Christian sacrifice in the novel 243

FOREIGN LITERATURES

- Romanov Yu.A.** Reflection of the works of F.M. Dostoevsky in W. Faulkner’s novel “Absalom, Absalom!” 251
- Shulyatyeva D.V.** “Forking Paths” as a principle for constructing the hero’s path: variations in P. Auster’s “City of Glass” 260
- Galay K.N., Ananyeva S.V.** Material detail: the communicative functions of clothing items in depicting characters by Guy de Maupassant 270
- Kamat M.M.** Henry Miller’s “Black Spring”: a journey of sexuality from childhood to adulthood 278
- Pawar P.N.** Terry McMillan’s “It’s Not All Downhill from Here”: black women discharging interpersonal conflicts 289

JOURNALISM

AFRICAN PROBLEMS IN GLOBAL MEDIA AGENDA

- Bazie I.** Political journalism on China-Africa in a changing world order: Canada, France, Francophone Africa 297
- Vartanova E.L., Dunas D.V., Gladkova A.A., Kireeva P.A., Maluchenko D.O.** Media representations of conflicts in Africa: the case of Russian newspapers 306

MEDIATION OF INTRA-AFRICAN CRISES: NEW REFLECTION

- Stoica D.S.** Images on journalism and the power of media to turn the page in the history of crises: a Malian case 315
- Adeitan M.A.** African newspapers reportage of sanctions: analysis of framing and agenda setting 325
- Balima R.D., Sawadogo C. dit P.** The effects of polls on Burkinabe populations during election periods 337

MEDIAFRAMES OF RELIGIOUS AND ETHNIC CONFLICTS

- Adisa R.M., Segbefia S.K., Mohammed S., Trofimova G.N.** Misinformation and disinformation in ethno-religious conflicts: a comparative study of media in Ghana and Nigeria 346
- Bukar A.A., Bala B., Omoloso I.A., Bulgarova B.A.** Peace journalism practice in Nigeria: war language and blasphemy conflicts 358

INTERVIEW

- Kinfu Z.T., Volkova I.I.** Africa and media paradigms – the view of an African expert from Russia: interview with Zenebe T. Kinfu 367

REVIEWS

- Fateeva I.A., Gavrilov A.S.** Syncretic nature of M.Yu. Levidov’s creativity 372
- Sultanova Kh.** The category of mythopoetics in works of Russian and Azerbaijani researchers 381
- Wang Q.** The study on Pushkin’s fairy tales in China: history and modernity 390
- Sultanova Zh.O.** Poems by A.S. Pushkin in Kyrgyz language: Equivalence, freedom and adequacy of Omor Sultanov’s translations 397

ОТ РЕДАКЦИИ EDITORIAL COLUMN

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-201-212

EDN: UOEYLF

Редакционная статья / Editorial article

Медиа Африки в новой реальности: от медиации к медиатизации в контексте африкологии

М.Г. Шилина^{1,2}, И. Базье³, М.М. Джамму⁴,
И.И. Волкова⁴, А.Н. Морева^{4,5}

¹Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва,
Российская Федерация

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

³Университет Квебека в Монреале, Квебек, Канада

⁴Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

⁵Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация
 marina.shilina@gmail.com

Ключевые слова: медиасистема, бифуркация, медиатрансгрессия, конфликт, эмерджентность, РУДН

Для цитирования: Шилина М.Г., Базье И., Джамму М.М., Волкова И.И., Морева А.Н. Медиа Африки в новой реальности: от медиации к медиатизации в контексте африкологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 201–212. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-201-212>

African media in the new reality: from mediation to Afrikological mediatization

Marina G. Shilina^{1,2}, Isaac Bazie³, Mustapha M. Jamiu⁴,
Irina I. Volkova⁴, Anna N. Moreva^{4,5}

¹Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

³University of Quebec at Montreal, Quebec, Canada

⁴RUDN University, Moscow, Russian Federation

⁵Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

marina.shilina@gmail.com

© Шилина М.Г., Базье И., Джамму М.М., Волкова И.И., Морева А.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Keywords: media system, bifurcation, media transgression, conflict, emergence, RUDN University

For citation: Shilina, M.G., Bazie, I., Jamiu, M.M., Volkova, I.I., & Moreva, A.N. (2024). African media in the new reality: From mediation to Afrikological mediatization. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 201–212. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-201-212>

Постколониальная Африка оказалась одним из мировых очагов конфликтогенности, континентом военных столкновений (часто перерастающих в войны) и внутренних социальных конфликтов – этнополитических, межэтнических, религиозных. Конфликты становятся медиатизированными, и медиа вовлекаются в них все глубже (Wasserman, 2019). Изменения в медиасистемах африканских стран после обретения независимости становятся все более значительными, медиа влияют на дискурс политики и демократические процессы. Однако насколько существенно их влияние на социум? Иными словами, переходит ли *медиация* на более сложный уровень *медиатизации* (Hepp, 2012) или медийной трансгрессии (Шилина, 2022)? Означает ли деколонизация также и девестернизацию в медиаисследованиях? Фокусируются ли исследователи на конкретных афроцентрических парадигмах?

На начальных этапах доминировали СМИ, подконтрольные государству. Медиа Африки отражали колониальные интересы, занимаясь различными формами политической пропаганды. Поворотным моментом в развитии стало появление в 1990-е гг. частных СМИ: начался переход к более открытой медиасреде (что совпало по времени с массовыми демократическими движениями). XXI век принес дальнейшие изменения: с появлением Интернета и социальных сетей информация получила свободное распространение, но появились новые вызовы, например, фейковые новости (Gupta et al., 2023) и дезинформация (Humprecht et al., 2023), которые существенно влияют не только на общественное мнение, но и экологию человека (Петрова, 2017; Волкова, Лазутова, 2017).

Развитие цифровых медиа ускорило процесс «информационного загрязнения» в мире и Африке в том числе (Дружилов, 2013; Mustapha et al., 2022). Основными каналами распространения ложной информации стали платформы социальных сетей благодаря легкости обмена контентом, «информационной всеядности» аудитории, «потребительской неразборчивости в условиях тотальной медиатизации» (Соловьев, Морева, 2018) в сочетании с неэффективной нормативно-правовой базой (Поляков, 2023).

Распространение фейковых новостей, которое усиливается особенно в период выборов, обусловлено низким уровнем медийной и цифровой грамотности. Подобный сложный симбиоз политической власти и свободы цифровых технологий существенно повлиял на общество, определил эволюцию развития африканского медийного ландшафта и специфику национальных медиасистем, что представляется специфическим парадоксом медиатизации в Африке.

Исторические связи России с африканскими странами в советские времена возродились сегодня в процессе формирования многополярного миро-

вого порядка, концепции усиления стран глобального Юга (Яковлев, 2021). Правительства африканских стран, таких как Южная Африка и Египет, становятся ближе к Москве в формате БРИКС+. Российское влияние в Африке воспринимается как дружественное и конструктивное, российско-африканское взаимодействие крепнет.

Научное и медийное сообщество анализирует африканские проблемы в контексте медиации и медиатизации. Как сегодня медиа африканских стран отражают специфику новой реальности, кризисные и конфликтные явления? Каково воздействие медиа на кризисы и конфликты в политике и обществе в Африке?

Ответить на эти исследовательские вопросы призван специальный выпуск, посвященный посредничеству в разрешении проблемных конфликтов и кризисов в африканских странах. Авторы из африканских и европейских государств, России и Канады, представляющие различные научные школы, стремятся внести свой вклад в медиадискурс об африканских СМИ, особенно в отношении конфликтов и кризисов. Они используют разнообразные исследовательские методологии для критического анализа существующих теорий, вводят новый эмпирический материал в научную дискуссию.

Статьи основаны на классических парадигмах исследований, однако при этом демонстрируют афроцентричную перефокусировку академического дискурса об африканских медиа, что соответствует нарастающей тенденции поиска «внутриафриканских» основ (Mutsvauro, 2018; Nyamnjoh, 2020) в новой реальности.

Афроцентричность как интеллектуальная концепция делает центром изучения исторический опыт африканцев. При этом африканизация вне рамок «западной парадигмы» означает не отрицание западных культур, но поиск африканской идентичности (Mano, Milton, 2021).

Появление африканоцентричных концепций в исследованиях вдохновлено идеями афрологии как афроцентрической концепции исследования африканских явлений и африкологии как исследовательского метода их анализа и оценки (Asante, 1980; Uzong, 1969). Эти концепции широко используются учеными не только в области медиа и коммуникативных исследований, но и во многих других областях, таких как история, социология, образование и т.д. Например, в медиаисследованиях начала 1960-х гг. ученые сосредоточили внимание на основах африканской журналистики, базирующейся на медиаэтике, и этот процесс еще не завершен (Skjerdal, 2012).

Последняя концепция – афрокология – является первой, родившейся непосредственно в Африке (Nabudere, 2006). Афрокология представляет целостное видение, которое выходит за рамки критики маргинальности предыдущих африканских подходов в исследованиях средств массовой информации и коммуникации (Mano, Milton, 2021). Речь идет не только о знаниях и исследованиях, но и о конструировании медиа (Nyamnjoh, 2020). Для афрокологии важны различные источники знаний и междисциплинарный диалог.

Надеемся, что идеи авторов этого специального выпуска вызовут продолжение диалога и дискуссии по теме в контексте афроцентричности и афрокологии.

Африканские проблемы в глобальной медийной повестке дня. В первом разделе рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются африканские медиа и журналисты в условиях эскалации политических конфликтов. Афро-канадский исследователь Исаак Базье исследует особенности политической журналистики, посвященной китайско-африканским отношениям в меняющемся мировом порядке. Автор уверен, что политическая журналистика играет решающую роль в формировании общественного мнения по политическим вопросам, особенно в отношении спорных тем, таких как китайско-африканские отношения. Профессор Базье исследует тенденции политического анализа на франкоязычном пространстве Африки, Франции и Канады, высвечивая нюансы не только журналистики, но и национальных и зарубежных идеологий.

Исследование, проведенное учеными факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова Еленой Вартановой, Денисом Дунасом, Анной Гладковой, Полиной Киреевой и Дарьей Малюченко, посвящено медийным репрезентациям конфликтов в африканских государствах. Авторы, изучив публикации в ведущих российских ежедневных периодических изданиях («Комсомольская правда», «Известия» и «Коммерсантъ») в 2023 г., выявили тенденцию изображать континент через призму России, подчеркивая политические сдвиги на глобальной арене и позиционируя Африку как влиятельного сторонника России. Несмотря на конфликты в регионе, российские медиа склонны показывать Африку позитивно, даже если контекст негативен.

Медиация внутриафриканских кризисов: опыты новой рефлексии. Диана Стойка из Центра африканских исследований Ubuntu в Румынии переосмыслила традиционные представления о журналистике и силе медиа. Автор на примере Мали предлагает читателю поразмышлять о взаимозависимости реальности, ее отражения журналистами и медиа и их способности или неспособности «коммуницировать кризис». Диана Стойка, критически переосмысливая функции журналиста и медиа в кризисный период, предлагает начать историю медиатизации кризисов с чистого листа.

Исследователь из Высшей школы экономики в Москве Мустафа Адейтан исследует повестку дня и заголовки в газетных репортажах о санкциях, введенных против Зимбабве, Мали и Республики Нигер. Используя теории фрейминга и повестки дня, автор проанализировал 204 заголовка, связанных с санкциями, в пяти средствах массовой информации в каждой стране и выявил следующее: в Зимбабве, Мали и Нигере преобладает использование общего фрейм-подхода, при этом фреймы ответственности и конфликта постоянно доминируют.

Авторы из Буркина-Фасо Реджис Балима и Казимир Савадого рассматривают распространение результатов опросов во время избирательных циклов. На примере опросов общественного мнения Института исследований и опросов (по заказу газеты «Бендре») в преддверии президентских и законодательных выборов в ноябре 2015 г. в Буркина-Фасо авторы выявляют причины, по которым опросы подверглись серьезной критике из-за проблем с доверием. Как показало исследование, опросы оказали ограниченное влияние на избирателей, что объясняется их слабым освещением в медиа и негативным восприятием в целом их роли в политической жизни.

Медиафреймирование религиозных и этнических конфликтов. Влияние дезинформации и недостоверных новостей на этнорелигиозные конфликты в Гане и Нигерии выявляют ученые ведущих университетов Западной Африки и России Расак Адиса, Самуэль Сегбефия, Садик Мохаммед и Галина Трофимова. Глубинные интервью помогают раскрыть механизмы, с помощью которых ложная информация формирует искаженное восприятие и углубляет разногласия в двух африканских странах. Следует особо отметить тщательную проработку методологии этого исследования.

В статье «Практика мирной журналистики в Нигерии: язык войны и религиозные конфликты» представлены результаты контент-анализа и фрейм-анализа текстов 306 выпусков газет Daily Trust и The Punch. Выявлено большое количество случаев использования так называемых военных лексических индикаторов при освещении богохульства; при этом наиболее распространенной оказалась демонизированная лексика. Абубакар Букар и его соавторы из Африки и России (Аиша Омолосо, Башир Бала, Белла Булгарова) предлагают журналистам, которые освещают этнорелигиозные кризисы, обучаться принципам мирной журналистики по Йохану Галтунгу.

В традиционном разделе специального выпуска публикуется интервью с медиаэкспертом и редактором Зенебе Кинфу. Раскрывая детали, полезные для понимания сути кризисных и конфликтных ситуаций, он анализирует медийную презентацию конфликтов в Африке, рассуждает о современных медиасистемах и особенностях медиации в африканских странах.

Процессы медиации в странах Африки демонстрируют глубокие изменения не только в производстве и потреблении новостей, но и в самих медиасистемах. Если проводить аналогии в рамках теории систем, то африканский медиаландшафт демонстрирует переход от простых форм эмерджентных структур, которые обеспечивают медийные связи внутри общества, к более сложным: эмерджентная структура медиасистемы показывает последовательное и продолжительное взаимодействие участников, ведущее к существенным изменениям. Прослеживаются предпосылки развития и более сложных структур, в которых (по аналогии с человеком) есть свой генетический код, своя особая уникальная ДНК, что определяет внутреннее воспроизводство форматов взаимодействия и их формат в целом.

Представленные в специальном выпуске исследования доказывают, что медийные системы африканских стран эволюционируют, усложняются и все активнее влияют на общество – *медиация* обретает эффекты *медиатизации*. Решение обозначенных проблем, как отмечают авторы, требует междисциплинарных исследований, развития медиаграмотности, создания надежных механизмов проверки фактов. Необходимо укреплять журналистские этические ценности и формировать сбалансированную нормативно-правовую базу, активизировать сотрудничество медиа, образовательных учреждений, учебных и гражданского общества. Специальный выпуск журнала вносит свой вклад в эти сложные и крайне значимые процессы. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы – ведущий, признанный мировым сообществом, образовательно-исследовательский центр подготовки специа-

листов для Африки, активно развивает совместные научные проекты¹, опираясь, в том числе, на медийные ресурсы. Редакция готовит к публикации результаты новых исследований по проблемам медиатизации глобального Юга.

ENG

Postcolonial Africa has turned out to be one of the world's hotbeds of conflictogenicity, a continent of military clashes (often escalating into wars) and internal social conflicts – ethno-political, inter-ethnic, religious. Conflicts are becoming mediatised and the media are becoming more deeply involved (Wasserman, 2019). Changes in the media systems of African countries after independence are becoming more and more significant, with the media influencing the discourse of politics and democratic processes. However, how significant is their impact on society? In other words, is mediation moving to a more sophisticated level of mediatisation (Hepp, 2012) or media transgression (Shilina, 2022)? Does de-colonization also mean de-westernization in media studies? Do the researchers focus on specific Afrocentric paradigms?

Initially reflecting colonial interests, state-controlled media dominated the landscape, serving political propaganda in various forms. However, the 1990s marked a turning point with the emergence of private outlets and a shift towards a more open media environment, coinciding with broader democratization movements. The 21st century brought further changes with the advent of the internet and social media, democratizing information dissemination but also posing challenges such as fake news (Gupta et al., 2023), misinformation and disinformation (Humprecht et al., 2023), which significantly affect not only public opinion but also human ecology (Petrova, 2017; Volkova, Lazutova, 2017).

The development of digital media has accelerated the process of “information pollution” in the world and Africa as well (Druzhilov, 2013; Mustapha et al., 2022). Social networking platforms have become the main channels for the dissemination of false information, due to the ease of sharing content, the “information omnivore” of the audience, “consumer promiscuity in conditions of total mediatisation” (Soloviev, Moreva, 2018) combined with an ineffective regulatory framework (Polyakov, 2023).

Compounded by low levels of media literacy and digital literacy, the dissemination of fake news intensifies, particularly during election periods. Significantly impacting societies, this complex interplay between political power, media freedom, and technological advancement has shaped the evolution of the African media landscape, media systems – which seem to be a specific paradox of mediatisation in Africa.

Russia's historical ties with many African countries, especially during Soviet times, have seen a resurgence in recent years with efforts to build a multipolar world order, the concept of strengthening the countries of the global South (Yakovlev,

¹ РУДН и Африка: эпоха отношений. URL: <https://rudn-africa.rudn.ru/> (дата обращения: 18.02.2024).

2021). Some African governments, including South Africa and Egypt, are aligning closer with Moscow within the BRICS+ format. Russian influence in Africa is perceived as friendly and constructive, and Russian-African interaction is growing stronger. Various types of problems and conflicts are reflected by Russian media and researchers.

Academia and media continue to analyse problems in Africa amidst these challenges of mediation and mediatization. How do the media of African countries reflect the specifics of the New Reality, crisis and conflict phenomena? What is the “quality” of media impact on crises and conflicts in politics and society in Africa today?

To answer these research questions this special issue focuses on mediation of problems conflicts and crisis in African nations. Our contributors from African and European countries, Russia and Canada, from different scientific schools aim to contribute to the media discourse on African media, particularly regarding conflicts and crisis. This special issue explores various aspects of this theme, utilizing diverse research methodologies to critically examine existing theories and frameworks. The authors introduce new empirical material into the scientific discussion.

The researches of this special issue are grounded on well-known classical paradigms, but also demonstrate redirection of the academic discourse on African media to africacentric frameworks which corresponds to a growing repositioning of African media studies aiming to find the “domestic” fundamentals of the research in the new reality (Mutsvairo, 2018; Nyamnjoh, 2020).

Afrocentricity as an intellectual concept privileges the centrality of Africans within the context of their own historical experiences. Africanisation “outside the Western paradigm” does not mean excluding Western cultures, but finding the African identity (Mano, Milton, 2021).

The rise of Africa-centered concepts in research was inspired by the ideas of Afrology as the Afrocentric study of African phenomena, and Africology as a research method of its analysis and evaluation (Asante, 1980; Uzung, 1969). These concepts are widely used among academics not only in media and communication studies, but in many other fields, such as history, sociology, education, etc. F.e., in media studies, since the early 1960s scholars have concentrated on fundamentals of African journalism based on media ethics, and this process is not finished yet (Skjerdal, 2012).

The latest concept of Afrokology is the first from Africa (Nabudere, 2006) and presents the holistic vision that goes beyond critiques of the marginality of previous African approaches in media and communication studies (Mano, Milton, 2021). It is not only about knowing and researching, but doing media (Nyamnjoh, 2020). Afrokology recognises different sources of knowledge and needs dialogue between and among them.

We do hope that the ideas of the contributors of this special issue will provoke further Africa-centered, Afrokological dialogue and discussion on the topic.

African problems in global media agenda. The opening section of this special issue addresses the new challenges facing African media and journalists in escalating political conflicts. African and Canadian researcher Isaac Bazie examines the characteristics of political journalism on China-Africa relations in a changing global order. The author declared that political journalism plays a vital

role in shaping public opinion on political issues and actors, particularly concerning contentious topics such as China-Africa relations. Professor Bazie explores trends in political analysis in the Francophone space in Africa, France, and Canada, shedding light not only on journalism but on the intersection of national and foreign political ideologies.

Research conducted by Elena Vartanova, Denis Dunas, Anna Gladkova, Polina Kireeva, and Daria Maluchenko, from the Faculty of Journalism at Lomonosov University, scrutinizes publications in leading Russian daily periodicals such as “Komsomolskaya Pravda”, “Izvestia”, and “Kommersant” newspapers in 2023. Their study focuses on media representations of conflicts in African states. It highlights the tendency of Russian newspapers to portray Africa through a Russia-centric lens, emphasizing political shifts in the global arena and positioning Africa as a significant supporter of Russia. Despite conflicts in the region, Russian media tends to depict Africa positively, even amidst negative contexts.

Mediation of intra-African crises: new reflection. Diana Stoica from Ubuntu Centre for African Studies in Romania, in her paper re-thought the images of journalism and the power of media and their provoking roles in crisis in Mali. The author invites the reader to more reflection on the interdependencies between the reality, the journalistic reality, and the journalist’s power or non-power to coin the two, to create and recreate new crises from the old ones. This management of crisis through deflection should be considered a new page turned in the history of crises.

Mustafa Adeitan (Higher School of Economics, Moscow) delves into the framing and agenda setting induced by newspapers' reportage on sanctions imposed on African countries. Specifically, his research focuses on Zimbabwe, Mali, and Niger Republic, examining how the media in these countries frames political and economic sanctions. By employing the Framing and Agenda Setting theories, Adeitan analyzed 204 sanction-related headlines from five media outlets in each country. The findings indicate a prevalent use of a generic framing approach across all three countries, with the responsibility and conflict frames consistently dominating.

The article entitled “The Impact of Opinion Polls on the Burkinabe Population during Election Periods”, authored by R.D. Balima and C.P. Sawadogo, provides a comprehensive analysis of the dissemination of opinion polls during electoral cycles. The study examines polls commissioned by the newspaper *Bendre* and conducted by the Institute of Research and Polling ahead of the November 29th, 2015 presidential and legislative elections in Burkina Faso, which faced significant public scrutiny and criticism for their perceived lack of credibility. The findings suggest that opinion polls had a limited influence on voters, attributed to low exposure and negative perceptions of their role in shaping political life.

Mediaframes of religious and ethnic conflicts. The article, authored by Rasaq Adisa, Samuel Segbefia, Sadiq Mohammed and Galina Trofimova, delves into the impact of misinformation and disinformation on ethno-religious conflicts in Ghana and Nigeria. The study aims to understand how misinformation and disinformation contribute to the escalation of ethno-religious conflicts, employing qualitative methods such as in-depth interviews to uncover the mechanisms through which false information shapes perceptions and deepens divisions. We especially note the methodology of this study.

Bukar's and co-authors study, “Peace Journalism Practice in Nigeria: War Language and Blasphemy Conflicts”, through quantitative content analysis and framing theory, examines the language used in 306 editions of Daily Trust and The Punch newspapers. The researchers found a significant use of war-related lexical indicators in the reporting of blasphemy incidents, with demonizing language being the most prevalent. The authors suggest that journalists covering ethno-religious crises should learn the principles of peace journalism as advocated by Johan Galtung.

The traditional section of the special issue features an interview with media expert and editor Zenebe Kinfu. Revealing details useful for understanding crisis and conflict situations, he analyses the media presentation of conflicts in Africa, discusses modern media systems and the peculiarities of mediation in African countries.

Mediation processes in Africa demonstrate profound changes not only in the production and consumption of news, but also in the media systems themselves. To draw analogies within the framework of systems theory, the African media landscape demonstrates the transition from simple forms of emergent structures that provide media connections within society to more complex ones: the emergent structure of the media system shows the consistent and continuous interaction of actors leading to significant changes. The preconditions for the development of more complex structures are traced, which (by analogy with humans) have their own genetic code, their own special unique DNA, which determines the internal reproduction of interaction formats and their forms as a whole. The research presented in this special issue proves that media systems in African countries are evolving, becoming more complex and increasingly influencing society – mediation is acquiring the effects of mediatisation. According to the authors, solving these problems requires interdisciplinary research, the development of media literacy, and the creation of reliable fact-checking mechanisms. It is necessary to strengthen journalistic ethical values and form a balanced legal framework, to intensify co-operation between media, educational institutions, scientists and civil society. This special issue of the journal contributes to these complex and highly significant processes.

RUDN University – Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, a leading internationally recognised educational and research centre for training specialists for Africa, is actively developing joint research projects², that draw, among other things, on media resources. The Editorial Board is preparing for publication the results of new research on the mediatisation of the Global South.

Список литературы

Волкова И.И., Лазутова Н.М. Экранные массмедиа и экология человека: от зачарования к присоединению // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 12 (212). С. 105–111.

² RUDN University and Africa: the era of relations. Retrieved February 18, 2024, from <https://rudn-africa.rudn.ru/>

- Дружилов С.А. «Загрязненность» информационной среды и проблемы психологического здоровья личности // *Современные наукоемкие технологии*. 2013. № 4. С. 89–92.
- Петрова Е.В. Информационная среда и ее воздействие на человека: проблемы экологии человека в информационном обществе // *Философские науки*. 2017. № 5. С. 98–114.
- Поляков М.Л. Взаимодействие цифровых платформ и государств: события и явления 2019–2022 гг. // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*. 2023. № 1. С. 116–120.
- Соловьев В.А., Морева А.Н. Медиатизация как фактор политического воздействия на массовую аудиторию // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки*. 2018. Т. 794. № 1. С. 89–102.
- Шилина М.Г. Медиатизация в новой нормальности как трансгрессия: от метафоры к концепции? // *Российская пиарология: тренды и драйверы: сборник научных трудов в честь профессора В.Н. Степанова*. СПб., 2022. С. 68–72.
- Яковлев П.П. Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14. № 2. С. 6–27.
- Asante M.K. *Afrocentricity: the theory of social change*. New York: Amulefi Publishing Co., 1980.
- Gupta M., Dennehy D., Parra C.M., Mäntymäki M., Dwivedi Y.K. Fake news believability: The effects of political beliefs and espoused cultural values // *Information & Management*. 2023. V. 60. № 2. P. 103745.
- Hepp A. Mediatization and the ‘moulding forces’ of the media // *Communications*. 2012. Vol. 37. No. 1. Pp. 1–28.
- Humphrecht E., Esser F., Aelst P.V., Staender A., Morosoli S. The sharing of disinformation in cross-national comparison: Analysing patterns of resilience // *Information, Communication & Society*. 2023. Vol. 26. No. 7. Pp. 1342–1362.
- Mustapha M., Lasisi M.I., Mustapha L.K., Trofimova G.N. Headlines and misinformation in the Nigerian newspapers: evidence from herder-farmer crisis and ENDSARS protests // *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*. 2022. No. 3. Pp. 46–68.
- Nabudere D.W. Towards an Afrology of knowledge production and African regeneration // *International Journal of African Renaissance Studies*. 2006. Vol. 1. No. 1. Pp. 7–32.
- Nyamnjoh F.B. *Decolonising the academy*. Basler Afrika Bibliographien, 2020.
- Petrova E.V. Information environment and its impact on human: the problems of human environment in the information society // *Philosophical Sciences*. 2017. No. 5. Pp. 98–114.
- Routledge handbook of African media and communication studies* / ed. by W. Mano, V.C. Milton. Routledge, 2021.
- Skjerdal T.S. Communication and media ethics in South Africa // *Ecquid Novi: African Journalism Studies*. 2012. Vol. 33. No. 2. Pp. 107–109.
- The Palgrave handbook of media and communication research in Africa* / ed. by B. Mutsvairo. Springer Nature Publ., 2018.
- Uzong E. Africology: an introductory descriptive review of disciplinary ancestry // *Africology. The Union Academic Council Series, African Studies* (vol. 1, p. 159). London: Union Academic Council for African Studies, 1969.
- Wasserman H. Media, conflict and democratization in Africa: political communication by other means // *Media Linguistics*. 2019. Vol. 6. No. 4. Pp. 429–440.

References

- Asante, M.K. (1980). *Afrocentricity: The theory of social change*. New York: Amulefi Publishing Co.
- Druzhilov, S.A. (2013). “Pollution” of the information environment and the psychological health problems of personality. *Modern High Technologies*, (4), 89–92. (In Russ.)

- Gupta, M., Dennehy, D. Parra, C.M., Mäntymäki, M., & Dwivedi, Y.K. (2023). Fake news believability: The effects of political beliefs and espoused cultural values. *Information & Management*, 60(2), 103745. <https://doi.org/10.1016/j.im.2022.103745>
- Hepp, A. (2012). Mediatization and the ‘moulding forces’ of the media. *Communications*, 37(1), 1–28. <http://doi.org/10.1515/commun-2012-0001>
- Humprecht, E., Esser, F., Aelst, P.V., Staender, A., & Morosoli, S. (2023). The sharing of disinformation in cross-national comparison: Analysing patterns of resilience. *Information, Communication & Society*, 26(7), 1342–1362. <http://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2021.2006744>
- Mano, W., & Milton, V.C. (Eds.) (2021). *Routledge handbook of African media and communication studies*. Routledge.
- Mustapha, M., Lasisi, M.I., Mustapha, L.K., & Trofimova, G.N. (2022). Headlines and misinformation in the Nigerian newspapers: Evidence from herder-farmer crisis and ENDSARS protests. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, (3), 46–68. <http://dx.doi.org/10.30547/worldofmedia.3.2022.2>
- Mutsvairo, B. (Ed.). (2018). *The Palgrave handbook of media and communication research in Africa*. Springer Nature. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-70443-2>
- Nabudere, D.W. (2006). Towards an Afrokology of knowledge production and African regeneration. *International Journal of African Renaissance Studies*, 1(1), 7–32.
- Nyamnjoh, F.B. (2020). *Decolonising the Academy*. Basler Afrika Bibliographien.
- Petrova, E.V. (2017). Information environment and its impact on human: The problems of human environment in the information society. *Philosophical Sciences*, (5), 98–114. (In Russ.)
- Polyakov, M.L. (2023). Interaction of digital platforms and states: Events and phenomena 2019–2022. *Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism*, (1), 116–120. (In Russ.)
- Shilina, M.G. (2022). Mediatization in the new normality as transgression: From metaphor to concept? In *Russian PR: Trends and Drivers. Collection of Scientific Papers in Honour of Professor V.N. Stepanov* (pp. 68–72). St. Petersburg. (In Russ.)
- Skjerdal, T.S. (2012). Communication and media ethics in South Africa. *Ecquid Novi: African Journalism Studies*, 33(2), 107–109. <https://doi.org/10.1080/02560054.2012.683801>
- Solovyov, V.A., & Moreva, A.N. (2018). Mediatization as a factor of political influence on mass audience. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Science*, 794(1), 89–102. (In Russ.)
- Uzong, E. (1969). Africology: An introductory descriptive review of disciplinary ancestry. In *Africology. The Union Academic Council Series, African Studies* (vol. 1, p. 159). London: Union Academic Council for African Studies.
- Volkova, I.I., & Lazutova, N.M. Screen media and human ecology: From charming to joining. *Vestnik of the Orenburg State University*, 212(12), 106–111. (In Russ.)
- Wasserman, H. (2019). Media, conflict and democratization in Africa: Political communication by other means. *Media Linguistics*, 6(4), 429–440. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.401>
- Yakovlev, P.P. (2021). Global South: Conceptual approaches and socioeconomic processes. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 14(2), 6–27. (In Russ.) <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-2-1>

Сведения об авторах:

Шилина Марина Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Российская Федерация, 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36; профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-9608-352X. E-mail: marina.shilina@gmail.com

Базье Исаак, эксперт по отношениям между Африкой и миром, полный профессор, кафедра литературоведения, Университет Квебека в Монреале, СР 8888, Centre-Ville, Монреаль (Квебек), НЗС ЗР8, Канада. ORCID: 0000-0001-5802-605X. E-mail: bazie.isaac@uqam.com

Джамии Мустафа Мухаммед, кандидат филологических наук, преподаватель, кафедра массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-8239-5808. E-mail: mustafa-md@rudn.ru

Волкова Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-2693-1204. E-mail: volkova-ii@rudn.ru

Морева Анна Николаевна, старший преподаватель, кафедра коммуникационных технологий, заместитель директора по проектной деятельности и медиакоммуникациям, Институт международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет, Российская Федерация, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38; преподаватель, кафедра массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0006-3404-285X. E-mail: annseasoul@gmail.com

Bio notes:

Marina G. Shilina, Dr. Sc., Professor, Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Design, Plekhsnov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Pereulok, Moscow, 117997, Russian Federation; Professor of the Department of Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-9608-352X. E-mail: marina.shilina@gmail.com

Isaac Bazie, expert on relations between Africa and the world, Full Professor, Department of Literary Studies, University of Quebec at Montreal, CP 8888, Centre-Ville, Montreal (Quebec), НЗС ЗР8, Канада. ORCID: 0000-0001-5802-605X. E-mail: bazie.isaac@uqam.com

Mustapha M. Jamiu, PhD in Philology, Lecturer, Department of Mass Communication, Philological Faculty, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8239-5808. E-mail: mustafa-md@rudn.ru

Irina I. Volkova, Dr. Sc., Professor of the Department of Mass Communication, Philological Faculty, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2693-1204. E-mail: volkova-ii@rudn.ru

Anna N. Moreva, senior lecturer, Department of Communication Technologies, Deputy Director for Project Activities and Media Communications, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka St, Moscow, 119034, Russian Federation; lecturer, Department of Mass Communications, Faculty of Philology, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0006-3404-285X. E-mail: annseasoul@gmail.com

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
LITERARY STUDIES
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-213-225

EDN: UOGOPM

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

**Мужики и «мужицкое» в фокусе зрения
Л. Толстого, А. Чехова, П. Романова, В. Шукшина:
проблема коммуникации**

Ф.К. Бесолова

*Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова,
Владикавказ, Российская Федерация*

 kafka61@mail.ru

Аннотация. Вопрос о сущности народного сознания, о способах коммуникации интеллигента-горожанина и деревенского жителя не теряет своей актуальности и сегодня. Цель исследования – рассмотреть писательские установки Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, П.С. Романова, В.М. Шукшина на возможность/невозможность взаимного понимания представителей городской и сельской культур. В качестве задач выдвигаются: анализ прижизненной критики повести Чехова «Мужики», неизменно отсылавшей к сравнению писательских подходов Толстого и Чехова в изображении народа; выявление особенностей конфликта в рассказе Чехова «Новая дача», в повестях «Мужики» и «В овраге», приводящих к провалу коммуникации – разъединенности не столько социальной (между представителями разных сословий) и даже не столько между жителями города и деревни, сколько на уровне личности, – «арифметической», по выражению П.Б. Струве; поиск элементов чеховского подхода к проблеме в отечественной литературе XX в. Делается вывод о том, что художественно воспроизведенная Чеховым драма взаимного непонимания происходила у Толстого – в жизни. Не желая себе в этом признаваться, он до последних дней искал причины в другом, продолжая идеализировать народ. В результате Толстой-философ, идеолог, мыслитель проигрывает самому себе – художнику. Отмечается, что чеховская традиция получила продолжение в творчестве писателя 1920–1930-х гг. Пантелеймона Романова, а во второй половине XX в. писатель, киносценарист, кинорежиссер Василий Шукшин снова напомнил о провале коммуникации между интеллигенцией и народом, заглянув в извечную проблему из «зазеркалья», с обратной стороны – с позиции мужика.

Ключевые слова: народ, интеллигент, интеллигенция, город, деревня

© Бесолова Ф.К., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 января 2024 г.; отрецензирована 13 февраля 2024 г.; принята к публикации 16 марта 2024 г.

Для цитирования: *Бесолова Ф.К.* Мужики и «мужицкое» в фокусе зрения Л. Толстого, А. Чехова, П. Романова, В. Шукшина: проблема коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 213–225. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-213-225>

Peasants and the “peasantly” in the focus of L. Tolstoy, A. Chekhov, P. Romanov, V. Shukshin: the problem of communication

Fatima K. Besolova

North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation

✉ kafka61@mail.ru

Abstract. The question of the essence of national consciousness, of the methods of communication between an intellectual city dweller and a villager does not lose its relevance today. The purpose of the research is to consider the writing attitudes of L.N. Tolstoy, A.P. Chekhov, P.S. Romanov, V.M. Shukshin on the possibility/impossibility of mutual understanding between representatives of urban and rural cultures. The author analyzes the lifetime criticism of Chekhov’s story “Peasants”, which invariably referred to the comparison of writers’ approaches to the problem of the village and the techniques of Tolstoy and Chekhov’s poetics. The distinctiveness of the conflict in Chekhov’s short story “New Dacha”, as well as in “Peasants” and “In the Ravine”, is highlighted, emphasizing the breakdown of communication. This disconnection is not primarily characterized by social differences between different classes or even between urban and rural dwellers. Instead, it is portrayed as interpersonal disconnect, a kind of “arithmetic,” as coined by P.B. Struve. In addition, a search is being carried out for elements of Chekhov’s approach to the problem in Russian literature of the 20th century. The observation is made that the drama of mutual misunderstanding artistically reproduced by Chekhov occurred in Tolstoy’s life, that Tolstoy, a philosopher, ideologist and thinker, ends up losing the battle to himself, the artist. The continuation of the Chekhovian tradition is observed in the works of Panteleimon Romanov, a writer of the 20s and 30s in the 20th century. In the latter half of the century Vasily Shukshin, a writer, screenwriter, and a film director, also addressed the issue of the breakdown in communication between the intelligentsia and the common people. However, Shukshin approached the eternal problem from a different angle, looking at it through the “looking glass” – the reverse side – from the perspective of a peasant.

Keywords: man, people, intellectual, intelligentsia, city, village

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 5, 2024; revised February 13, 2024; accepted March 16, 2024.

For citation: Besolova, F.K. (2024). Peasants and the “peasantly” in the focus of L. Tolstoy, A. Chekhov, P. Romanov, V. Shukshin: The problem of communication. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 213–225. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-213-225>

Введение

Государственное издательство «Художественная литература» трижды предпринимало выпуск двухтомника «Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников»: в 1955, 1960 и 1978 гг. В двух первых изданиях находим отрывок из книги орловского помещика Александра Александровича Стаховича «Ключки воспоминаний» с подзаголовком: «Власть тьмы», драма Л.Н. Толстого, в котором приводится эпизод инициированного Толстым чтения пьесы крестьянам Ясной Поляны¹. Крестьяне, молча выслушавшие пьесу (основанную, кстати, на реальных событиях), устами бывшего любимого ученика Толстого резюмировали: «<...> Микита поначалу ловко повел дело... а потом сплеховал...» (Стахович, 1960, с. 374). Весь вечер, пишет Стахович, Лев Николаевич был не в духе, объясняя казус сопровождавшим читку неуместным хохотом буфетчика.

Эпизод этот, видимо, показался редактору следующего издания некорректным, бросающим тень на великого классика, и в вышедшем в 1978 г. двухтомнике текст А.А. Стаховича отсутствует. А жаль: титан русской литературы предстает в нем живым, чрезвычайно естественным, со всем обаянием детскости своей натуры.

А.П. Чехов не читал своих произведений крестьянам, понимая, судя по всему, утопичность подобной затеи. Напротив: узнавал свои сюжеты в беседах со случайными попутчиками. Как, например, в переданном А.С. Сувориным знаменательном эпизоде встречи Чехова на волжском пароходе с офицером, в рассказах о жизни которого (собственной и знакомых) писатель узнавал сюжеты своих произведений (Мурина, 1996, с. 16). М. Горький назвал эту чеховскую особенность «страшной силой»: «<...> он никогда ничего не выдумывает от себя, не изображает того, „чего нет на свете“, но что быть может и хорошо, может быть и желательно» (Горький, 2002, с. 328). Это «преображение реальных эмпирической действительности» (Чудаков, 2016, с. 492), «„срез“ быта, „скольжение“ от уровня художественной к эмпирической реальности» (Мурина, 1996, с. 16), вызывающие эффект читательского самоотражения, коррелируется с общекультурными тенденциями, берущими истоки во второй четверти XIX в. и окончательно сложившимися к 1950–1960-м гг. Известный культуролог Г. Кнабе писал о возникшей к этому времени дихотомии двух регистров культуры: жизни «как она есть» с ее человекосоразмерными бытовыми культурными смыслами и традиционной культуры, прежде возвышавшейся над «неотчужденной духовностью» повседневного существования (Кнабе, 1994, с. 158–159).

«Не чужой» прошлому и нынешнему векам, напротив – передавший эстафету ломки стереотипов иерархической шкалы русской классической литературы; снимающий коросту оценочных характеристик, понимающий их «круговорот»: из литературы – в жизнь и обратно², – «Чехов ищет такую фи-

¹ Стахович принимал непосредственное участие в судьбе пьесы: был одним из переписчиков накануне чтения ее крестьянам в яснополянском доме, сам прочел четыре акта (пятый достался автору по причине неразборчивости почерков случайных помощников), присутствовал при попытке обсуждения народной драмы с крестьянами (ноябрь 1886 г.), а позже знакомил с пьесой петербургскую аристократию, включая царя Александра III.

² См. об этом: Сухих, 2007, с. 309–310.

лософию, которая должна быть ориентиром не в абстрактном мире философов, а в конкретном мире людей», пишет И.Н. Сухих (Сухих, 2007, с. 307).

Каковы же результаты пересечения нравственной идеи автора и «людей из жизни», выбранных первым в качестве персонажей, – пронаблюдаем это на примерах Льва Толстого и Антона Чехова, вспомнив и двух писателей, пришедших после них, – Пантелеймона Романова и Василия Шукшина.

Обсуждение

Литературная критика «мужицкой трилогии» Чехова: поэтика Толстого как объект сравнения. В 1897, 1899 и 1900 гг. Чехов опубликовал три произведения, которые по мере появления стали восприниматься как «мужицкая трилогия»: «Мужики», «Новая дача» и «В овраге». Сразу же после первой публикации «Мужиков», в апреле – мае 1897 г., появилось множество критических откликов, авторы которых привлекали для сравнения философию и поэтику Л.Н. Толстого, и не всегда в пользу мэтра.

Начнем со сравнений не в пользу Чехова. Аргументом против рассказа «Мужики», не дающего надежды на какой-либо исход, «по мрачности и безнадёжности» (Игнатов, 1897) далеко оставляющего за собой «Власть тьмы», становится, по мнению И.Н. Игнатова, «залог будущего просветления» в пьесе Толстого.

Н.К. Михайловский тоже в качестве аргумента упоминает Л.Н. Толстого, рассказ «Хозяин и работник». «Мужики» же представляются критиком едва ли не случайными зарисовками автора, не имеющего – используется фраза чеховского профессора Николая Степановича – того, что «называется богом живого человека». И еще более суровый приговор от Михайловского: 1) Чехов «<...> никогда не развернет свой талант во всю меру его силы»; 2) «<...> никаких общих выводов из произведений Чехова делать не следует, да и нельзя» (Михайловский, 1897, с. 121).

Другие мнения критиков комплиментарны по отношению к младшему из двух писателей. В. Буренин тронут «серьезной и глубокой правдой» жизни, нарисованной «<...> с такую художественною простотою и правдивостью, что хотя бы самому Л.Н. Толстому впору» (Буренин, 1897); «<...> есть что-то толстовское в рассказе Чехова», – читаем у другого критика (Я (И.И. Ясинский), 1897).

Часть авторов, отмечая разницу между приемами писателей, отдает предпочтение писательскому подходу Чехова. Так, И.Н. Потапенко, опубликовавший свой очерк под псевдонимом Фингал, предвидя вопросы о Толстом, о его «Хозяине и работнике», сам же заявляет, что «Мужики» – лучшее из того, что появилось в последние годы. Аргументы автора: «В художественное творчество Толстого вошел проповедник <...>. Вы чувствуете себя несвободным, вам что-то повелевают...» (Фингал, 1897). Иначе – у Чехова: «Автор не предлагает вам никакого обязательного вывода <...>. Вы свободны; единственная сила, которая охватывает при чтении этой повести, это – сила художественного изображения» (Фингал, 1897).

Л.Е. Оболенский, отказывая Чехову в глубине («Он рисует почти только одну *внешнюю* сторону явлений, не стараясь почти ни разу проникнуть

в мир душевный...» (Оболенский, 1897)), тем не менее замечает, что Чехов приводит к идее «<...> без малейших натяжек, искренним, живым изображением фактов деревенской жизни» (Оболенский, 1897). Сравнивая «Мужиков» и рассказ Толстого «Хозяин и работник», критик так отвечает на вопрос о свободе читательского выбора, о разнице художественных приемов: «<...> Толстой к своим взглядам на жизнь вообще и на жизнь народа в частности пришел не путем одного только наблюдения фактов жизни, как она есть, – а путем наблюдения их с точки зрения предвзятой теории <...>. Это – уже не наблюдение художника, а *доктрины*, теория моралиста <...>» (Оболенский, 1897). В отличие от молодого коллеги, «Толстой как бы насильственно пригнетает мысль и душу к своему воззрению на жизнь и людей» (Оболенский, 1897). Теоретическая доктрина, основанная на преходящем уме человеческом, только пригибает читателя³.

Другой критик, П.Б. Струве, тоже не обошелся без оппозиции Чехов–Толстой; «Мужики» – «Власть тьмы», остроумно обыграв упоминание старика Акима в одной из статей (судя по всему, имеется в виду статья И.Н. Игнатова в «Русских ведомостях») как символа праведничества: «В морали Акима проявилась правда, о которой сама жизнь никогда не скажет: сим победиши. <...> Думающего читателя Аким должен потрясти своим бессилием сильнее, чем вся прочая тьма и грязь, собранная Толстым. В „Мужиках“ Чехова деревня тоже представлена в безотрадном свете, но там, по крайней мере, нет Акима» (Струве, 1902, с. 125–126).

Толстой и Чехов: дихотомия взаимоотношений. Интересно мнение самих взаимоотноотягивающихся – писательски и человечески – персоналий: Л.Н. Толстого и А.П. Чехова.

Каково было отношение А.П. Чехова к пьесе Л.Н. Толстого «Власть тьмы» и его рассказу «Хозяин и работник»? Известно, что первой из книг, подаренных А.П. Чеховым библиотеке родного города, была «Власть тьмы» с автографом автора⁴. Пьеса, написанная в 1886 г., была разрешена к постановке только в 1895-м. Но Чехов, судя по эпистолярным, был знаком с текстом пьесы и видел ее непрофессиональную постановку: в 1888 г. он слушал отрывки из пьесы в чтении В.Н. Давыдова, а в январе 1890 г. был на любительском спектакле у Приселковых⁵. Свидетельством того, что пьеса «осела» в сознании Чехова, можно считать многочисленные эпистолярные аллюзии к ней и прямые упоминания⁶. О прочтении им «Хозяина и работника» и положительном к нему отношении свидетельствует, в частности, комплимент Д.Н. Мамину-Сибиряку в письме к А.С. Суворину от 23 марта 1895 г.:

³ Добавим от автора статьи: у Толстого, помимо доктрины, есть нечто, что делает произведение вечным, – «гениальнейшее воспроизведение жизни» (Оболенский, 1897). Именно поэтому, сравнивая «Мужиков» Чехова и «Хозяина и работника» Толстого, он оставляет приоритет за последним.

⁴ См.: Письмо к К.Г. Фоти от 3 мая 1890 г. (Чехов, ПССП, т. 4, с. 74).

⁵ См.: Чехов, ПССП, т. 5, с. 377.

⁶ См. письма: к И.Л. Леонтьеву (Щеглову) от 10 января 1888 г.; к В.В. Билибину от 3 или 4 марта 1887 г.; к нему же – конец марта 1887 г.; к М.П. Чеховой от 14 января 1890 г.; к А.И. Сумбатову (Южину) от 28 января 1890 г.; Е.П. Гославскому от 23 марта 1892 г.; к А.С. Суворину от 21 октября 1895 г.; к нему же от 21 ноября 1895 г.

«У него есть положительно прекрасные вещи, а народ в его наиболее удачных рассказах изображается нисколько не хуже, чем в „Хозяине и работнике“» (Чехов, ПССП, т. 6, с. 41).

Высказывался ли Л.Н. Толстой о трилогии Чехова?

Да, и не раз. В примечаниях к повести «Мужики» в академическом собрании сочинений Чехова приводятся высказывания Толстого, записанные сыном и знакомыми писателя. Суть их: «Рассказ „Мужики“ – это грех перед народом. Он не знает народа...»; «Да его мужики – не настоящие мужики»⁷ (Чехов, ПССП, т. 9, с. 527). Такое же недовольство вызвали образы крестьян в рассказе «Новая дача». Д.П. Маковицкий передает фразу, обращенную к В.Г. Черткову: «„Мужики“ Чехова – плохое произведение. Чехов колеблется. „Новая дача“ – прямо отвратительна» (Чехов, ПССП, т. 10, с. 418).

Повести «В овраге» повезло больше: Толстой признавался Горькому, что был очень рад ее появлению; А.Б. Гольденвейзер вспоминал, что хозяин, восхищенный мастерством А.П. Чехова, читал ее в Хамовниках вслух; П.А. Сергеенко рассказывал, что Толстой процитировал строки из повести «В овраге» при встрече с А.П. Чеховым в Гаспре 12 сентября 1901 г. (Чехов, ПССП, т. 10, с. 441).

Прежде чем ответить на вопрос о причинах столь разной реакции Толстого на три произведения мужицкого цикла Чехова, совершив небольшой диахронический экскурс и – что представляется имеющим основания при анализе нашей проблемы – обратимся ко времени после Толстого и Чехова.

Художественная разработка темы народа в русской литературе до Толстого и Чехова. Вернемся к записям А.А. Стаховича, с которых начался наш разговор. Предваряется пересказ не удовлетворившей драматурга «слушательской конференции» упоминанием первых литературных произведений, произведших на молодого Льва Николаевича сильное впечатление, – повести Д. Григоровича «Антон-Горемыка» и книги очерков И. Тургенева «Записки охотника»⁸. Акцент в воспроизведенном признании Толстого – не на художественности или таланте авторов, а на содержании: до повести Григоровича мужик «<...> был запретным плодом в русской литературе <...>, а по цензурным условиям 40-х годов можно было только хвалить

доброто крестьянина. Но говорить об его темной без просвета жизни, о гнете рабства, об его нуждах... «строго воспрещалось» (Стахович, 1960, с. 372–373). Карикатурные, по мнению Толстого, мужики Гоголя в его поэме – дядя Митяй и дядя Миняй – не удовлетворяли первого⁹. В признании значи-

⁷ При этом указывается, что сам Толстой постоянно читал рассказ гостям и домашним. Впрочем, эта двойственность «сердца и разума» свойственна отношению Толстого к молодому коллеге.

⁸ Примечательно, что первый рассказ будущего цикла Тургенева («Хорь и Калиныч») и повесть Григоровича были опубликованы в один – 1847 – год. Годом раньше вышла повесть Д. Григоровича «Деревня».

⁹ Заметим, что на первый взгляд малоговорящие эпизодические образы мужиков в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя гораздо значительнее и символичнее, нежели простая карикатура. Ничего как будто не значащий ленивый диалог «двух русских мужиков», закончившийся так же неожиданно, как и начался, – доседет ли рессорная бричка Чичикова до Моск-

тельности художественных открытий Григоровича Толстой не одинок. В 1879 г. в очерке «Первое мая» (цикл очерков «Круглый год») М.Е. Салтыков-Щедрин писал, что с конца 1840-х гг. мужик стал героем современности, насквозь пропитанной «проблемой о мужике» (Салтыков-Щедрин, 1972, с. 467).

И хотя в VI письме из «Писем о провинции» и его рукописном варианте, заметно отличающемся от окончательного (1868 г.), в «Истории одного города» (1869 г.) и т. д. сатирик отмечает «непрерывные умственные оглушения» народа, приведшие к тому, что «<...> толпа до сих пор сумела вырабатывать из себя только слепое орудие, при помощи которого могут свободно проявлять себя в мире всевозможные темные силы» (Салтыков-Щедрин, 1969, с. 251), Салтыков-Щедрин мечтает поднять с колен потерявший чувство собственного достоинства народ – он не сходит с пути, проложенного поколением 1840 гг.

Действительно, начиная с физиологического очерка 1840-х гг. натуральной школы, названных повестей Д.В. Григоровича, «Записок охотника» И.С. Тургенева, шла теоретическая и художественная разработка темы народа, сопряженная со становлением критического реализма. Н.Г. Чернышевский, признавая в 1855 г. в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (статья первая) идущее от Гоголя «решительное стремление к содержанию» (Чернышевский, 1951, с. 184), причем содержанию критическому, предупреждает о грядущих переменах в жизни и словесности. А уже через 6 лет, в критическом очерке «Не начало ли перемены?» (1861), посвященном рассказам Н.В. Успенского, он формулирует эти перемены: «Он пишет о народе правду без всяких прикрас» (Чернышевский, 1951, с. 492). Мнение же о Гоголе довольно значительно расходится с прежними его суждениями: «<...> повести из народного быта г. Григоровича и г. Тургенева со всеми их подражателям и – все это насквозь пропитано запахом „шинели“ Акакия Акакиевича. Прекрасно и благородно <...>. Только какая же польза из этого – народу?» (Чернышевский, 1951, с. 493). Акакий Акакиевич в интерпретации Чернышевского – «круглый невежда и совершенный идиот» (Чернышевский, 1951, с. 493), вызывающий лишь сострадание. Затуманивание недостатков – таково, по мнению критика, было отношение русских писателей к народу. Теперь он предлагает не удивляться «экзотике» последнего, а видеть в нем человека (Чернышевский, 1951, с. 495). Все бы хорошо, но не получается разделить оптимизм автора по поводу якобы решенной задачи сближения образованного человека с народом: «<...> говорите с мужиком просто и непринужденно, и он поймет вас; входите в его интересы, и вы приобретете его сочувствие. Это дело совершенно легкое для того, кто в самом деле любит народ <...>» (Чернышевский, 1951, с. 503).

В 1862–1863 гг. состоялась эпистолярная (частично и публицистическая) историко-философская дискуссия А.И. Герцена и И.С. Тургенева по поводу теории «русского социализма», изложенная первой в цикле статей «Концы и начала». Отводя себе как представителю образованного класса

вы и до Казани, прочитывается метафорически; характеристики покойных крестьян, список которых Собакевич комментирует Чичикову, тоже художественно информативен.

в России («людей рефлексии») скромную роль «передателя цивилизации народу», он предупреждает: «предстоит опасность то низвергаться перед народом, то коверкать его – то называть его убеждения святыми и высокими, то клеймить их несчастными и безумными» (Тургенев, 1988, с. 113). Причина этого, по определению Тургенева, кружения в тумане – в недостаточном осмыслении государственных и общественных форм, созданных усилиями народа. А правда о народе такова: «народ, перед которым вы преклоняетесь, консерватор *par excellence* – и даже носит в себе зародыши такой буржуазии в дубленом тулупе, теплой и грязной избе, с вечно набитым до изжоги брюхом и отвращением (ко всякой гражданской ответственности и самодеятельности)» (Тургенев, 1988, с. 113)¹⁰.

Правда о народе в трилогии Чехова «Мужики», «Новая дача», «В овраге». Интересно, что через 40 неполных лет А.П. Чехов своей повестью «В овраге» (1900 г.) художественно докажет правоту И.С. Тургенева: картины жизни русской деревни – отнюдь не модель «готового социализма»; процесс расслоения ее жителей давно породил жесткий антагонизм между представителями крестьянского сословия. Григорий Петров Цыбукин, «для вида» держащий бакалейную лавку, но на самом деле торгующий чем придется, любит свое семейство больше всего на свете, все остальные жители села Уклево («фабричного села», или «буржуазной деревни») – для него раздражающий фактор: «<...> старик не любил, чтобы к нему подходили мужики со своими просьбами и жалобами: он ненавидел мужиков и брезговал ими <...>» (Чехов, ПССП, т. 10, с. 147). Ненависть его настолько сильна, что даже трагический поворот его судьбы, почти отнявший у него рассудок, не может ее растопить: «Прохожие кланяются ему, он не отвечает, так как по-прежнему не любит мужиков» (Чехов, ПССП, т. 10, с. 178).

Как бы отвечая на умиротворяющий пафос приведенного выше окончания статьи Чернышевского, Чехов в 1899 г. публикует рассказ «Новая дача». Из всего корпуса прозы Чехова этот рассказ – едва ли не чемпион в смысле «провала коммуникации» (термин Ю.К. Щеглова) между интеллигентом и человеком из народа. Если использовать метафору А.Д. Степанова, то в этой «парадоксальной притче без морали» – высшая ступень непонимания (Степанов, 2005, с. 358). Барыня Елена Ивановна, жившая до замужества в Москве в гувернантках, пытается быть понятой крестьянами деревни Обручаново, в трех верстах от которой ее муж, инженер Кучеров, строит громадный мост. Готовность воспитать своих детей в убеждении, «<...> что их жизнь принадлежит не им самим <...>» (Чехов, ПССП, т. 10, с. 123), но мужикам, которых она призывает быть добрыми соседями, не спасла попытки коммуникации – инженер продал дачу, семья вернулась в Москву. И хотя крестьяне, не умея объяснить природу тумана, застилавшего от глаз самое важное, подсознательно тоскуют по былой красоте, которую дарила барыня, помнят, что «<...> было так жалко глядеть на нее» (Чехов, ПССП, т. 10, с. 127), – ком-

¹⁰ В 20-е годы XX в. Пантелеймон Романов «оживит» этот полемический набросок персонажами рассказов о крестьянской жизни.

муникация невозможна; глядеть, но не слышать – замкнутый круг, деревня Обручаново.

Заболевший лакей московской гостиницы «Славянский базар» Николай Чигильдеев (рассказ «Мужики») вместе с женой и десятилетней дочерью приехал в родную деревню в надежде, что дома и стены помогают. Но то, что он видит после долгого отсутствия (его забрали в Москву одиннадцати лет), оказывается несовместимым с его нынешним представлением о жизни. Ему стыдно перед женой и дочерью, он тоскует по «Москвематушке», по чистоте и манерам московских господ, которым он с гордостью прислуживал; его служебный фрак, который он незадолго до смерти достает из сундука и, надев со счастливой улыбкой, бережно кладет обратно, – знак его «арифметического» отличия от мужиков Жукова. Он ненамного развитее последних, но в него и в его семью уже попало нечто, поднимающее человека на ступень выше. Фекла, жена младшего брата, выливающая помой у самого крыльца, да еще и не брезгующая пройтись по луже босыми ногами, интуитивно чувствует это и ненавидит родственников за то, «что им не нравилась эта жизнь» (Чехов, ПССП, т. 9, с. 298).

Предполагалось продолжение повести: вернувшись в Москву после смерти Николая, Ольга поступает на службу в меблированные комнаты «Лиссабон», а Саша живет в маленькой комнатке с тетей, Клавдией Абрамовной, с радостью и гордостью принимающей «хороших гостей». Город тоже не сулит ничего хорошего, и Сашу, судя по всему, ждет участь тетки¹¹.

Посыл А.П. Чехова гораздо шире тезиса о необходимости просвещения и возвращения долга народу. В этом подходе – истинное, не теоретическое только уважение к человеку, признание прав личности, возможности ее развития. И это уважение к человеку идет, прежде всего, от чувства собственного достоинства. И наоборот. При этом понимание социальных «подводных течений» глубоко научно.

Диалог о диалоге в XX в.: творчество Пантелеймона Романова и Василия Шукшина. Самоотражение, самоидентификация читателя, эмпирия как полноправная субстанция «высокой» культуры, так же как и художественно воплощенная невозможность полноценного контакта между человеком культуры и «человеком без культуры», идущие от наследия А.П. Чехова, имеют продолжение в творчестве писателей XX в. Назовем двоих: долгие годы пребывавшего в забвении Пантелеймона Сергеевича Романова (1884–1938) и автора рассказов, пьес, киносценариев, актера и кинорежиссера Василия Макаровича Шукшина (1929–1974).

Коллизия этюда П. Романова «Русская душа» (1916) (схематически частично повторяющего историю Николая Чигильдеева), вероятно, и может быть определена как трагикомическая, но преобладающее впечатление от рассказа – грустное недоумение по поводу абсолютно тупикового провала коммуникации. Профессор Московского университета Андрей Христофорович

¹¹ З. Паперный писал об отмеченной Н. Михайловским «двуоборотности» чеховских представлений об аде существования подневольного человека – в деревне и в городе» (Паперный, 1976, с. 203).

Вышнеградский приезжает по приглашению братьев на лето в родную деревню. Застывшее, недвижимое невежество без малейшей доли рефлексии, которое наблюдает профессор, не допускает даже мысли о том, что подобная жизнь – ненастоящая (этот эпитет, тем не менее, услышит гость как намек на него самого: «Вот брат, настоящий человек. <...> в этом была косвенная мысль о том, что сам Андрей Христофорович *ненастоящий*») (Романов, 1991, с. 38).

В названиях рассказов Романова, в которых болезненно пульсирует проблема невежества, отсутствия культуры, удивительным образом повторяется слово народ: «Глас народа»; «Крепкий народ. Эпоха 20-го года»; «Нераспорядительный народ»; «Дружный народ»; «Терпеливый народ»; «Гостеприимный народ».

В киноповестях В. Шукшина и его рассказах («Живет такой парень», «Ваш сын и брат», «Позови меня в даль светлую», «Странные люди», «Печкилавочки», «Калина красная» и мн. др.) тоже читается противоречие, комплекс взаимного непонимания города и деревни, простого человека и интеллигента. Он проявляется как стихийный, почти бессознательный протест, иногда – в смешных, гротескных ситуациях (как, например, интервью героя «Печкилавочек» Ивана Расторгуева, устроенное профессором-филологом), иногда приводит к трагическому концу (рассказ «Жена мужа в Париж провожала»).

Шукшин тоже чувствует провал коммуникации между интеллигенцией и народом, заглянув в извечную проблему из «зазеркалья», с обратной стороны – с позиции мужика.

Заключение

Мещанин Антон Чехов не страдал комплексом вины перед народом, не умилялся картинками жизни, далекой от культуры («Во мне течет мужицкая кровь, и меня не удивишь мужицкими добродетелями» (Чехов, ПССП, т. 5, с. 283)). Напротив, он с детства любил «умных людей, нервность, вежливость, остроумие»¹². Все силы молодой души он положил на то, чтобы из собственного «я» вытравить «по капле раба». И вытравил настолько, что, появившись «со стороны» в столичном культурном пространстве, не испытывал комплекса собственной инородности.

Пока деятели культуры ломали шпаги в спорах о социальных противоречиях, пока решали, добро или зло составляет изначальную природу человека, появился писатель Чехов, избегавший слов «мировоззрение», «философия», «настоящая правда» и т. п.; считавший, что дело писателя – правильно ставить вопросы, а не транслировать безапелляционные истины.

В проблеме «мужик и мужицкое» он видел непонимание не только между аристократами и мужиками, но – глубже – между простыми людьми города и деревни, между расслоившимся населением последней, на собственном опыте понимая «арифметическую» (П. Струве) разницу между культурой и ее отсутствием.

¹² В этом же письме к А. Суворину он добавляет аллюзию к авторской ремарке в пьесе Л. Толстого «Власть тьмы» (действие 3, явл. 1): «<...> к тому, что люди ковыряли мозоли и что их портянки издавали удушливый запах, я относился так же безразлично, как к тому, что барышни по утрам ходят в папиютокках» (Чехов, ПССП, т. 5, с. 283).

Тот провал коммуникации, который констатирует Чехов в творчестве, в реальной жизни происходит с Толстым и крестьянами. «Нравственная идея Толстого оказалась вполне чуждой тому типу сознания, от имени которого она формировалась» (Сухих, 2007, с. 310), – пишет И.Н. Сухих по поводу эпизода, с которого начиналась эта статья. Может быть, поэтому мэтру так не понравились «Мужики» и «Новая дача», в то время как к повести «В овраге», герой которой, старик Цыбукин, словно наказан за нелюбовь к мужикам, за категорическое неприятие их мира, Толстой отнесся с одобрением.

Личное противоречие Толстого между художником и идеологом (Толстому художнику «мешает» Толстой-идеолог), по-видимому, имеет корни во взгляде на крестьян со стороны, с комплексом вины дворянина и интеллигента во многих поколениях. Сила художественного воздействия прозы Толстого не слабеет от этого, но социальной, метафизической, экзистенциальной правды больше у Чехова.

Как представляется, коротко упомянутые авторы XX в. продолжают и закрепляют художественную практику Чехова. Таким образом, вопрос о совпадении художественной и эмпирической реальности, о пересечении мировосприятия автора, его нравственной идеи и «людей из жизни», выбранных в качестве персонажей, остается актуальным и сулит, по-видимому, еще много открытий не только в сфере литературной, но и в более широком смысле диалогического взаимодействия «высокой» культуры и повседневности.

Список литературы

- Буренин В. Критические очерки // Новое время. 1897, 11 апреля. № 7587.
- Горький М. Литературные заметки. По поводу нового рассказа А.П. Чехова «В овраге» // А.П. Чехов: pro et contra / сост., предисл., общ. ред. И.Н. Сухих; послесл., примеч. А.Д. Степанова. СПб.: РХГИ, 2002. 1072 с.
- Игнатов И.Н. «Мужики», рассказ А.П. Чехова // Русские ведомости. 1897, 19 апреля. № 106.
- Кнабе Г.С. Общественно-историческое познание второй половины XX века и наука о культуре: проблемы, перспективы и трудности // Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима / Г.С. Кнабе. М.: Индрик, 1994. 528 с.
- Малышкина О.Г. Двойник Зошченко, или Советский Чехов: феномен Пантелеймона Романова. СПб.: Издательство журнала «Нева», 2013. 192 с.
- Михайловский К.Н. Литература и жизнь // Русское богатство. 1897. № 6. С. 97–126.
- Мурия М.А. Чеховиана начала XX века (структура и особенности) // Чеховиана. Чехов и «серебряный век». М.: Наука, 1996. 320 с.
- Оболенский Л.Е. Народ в жизни и народ в литературе // Одесский листок. 1897, 29 апреля. № 112.
- Паперный З.С. «Мужики» – повесть и продолжение // Записные книжки Чехова / З.С. Паперный. М.: Советский писатель, 1976. С. 197–226.
- Романов П.С. Рассказы // Пантелеймон Романов. М.: Правда, 1991. 340 с.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Первое мая // // Собрание сочинений: в 20 томах / М.Е. Салтыков-Щедрин. М.: Художественная литература, 1972. Т. 13. 815 с.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Письма о провинции. Письмо шестое // Собрание сочинений: в 20 томах / М.Е. Салтыков-Щедрин. М.: Художественная литература, 1969. Т. 7. 696 с.
- Стахович А.А. Ключки воспоминаний («Власть тьмы», драма Л.Н. Толстого) // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 томах. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 1. 616 с.
- Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
- Струве П.Б. «Мужики» г. Чехова // На разные темы. 1893–1901 / П.Б. Струве. СПб.: Типогр. А.Е. Колпинского, 1902. С. 121–132.

- Струве П.Б. «Мужики» Чехова и г. Михайловский // На разные темы. 1893–1901 / П.Б. Струве. СПб.: Типогр. А.Е. Колпинского, 1902. С. 133–146.
- Сухих И.Н. Проблемы поэтики Чехова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. 492 с.
- Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 90 томах. Том 46. Серия 2. Дневники. М.: ГИХЛ, 1937. 573 с.
- Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Письма: в 18 томах. Том V. М.: Наука, 1988. 640 с.
- Фингал (Потапенко И.Н.). О критиках и мужиках // Новое время. 1897, 20 апреля. № 7594.
- Чернышевский Н.Г. Эстетика и литературная критика. Избранные статьи. М. – Л.: ГИХЛ, 1951. 544 с.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Письма: в 12 томах. М.: Наука, 1976. Т. 4. 656 с.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Письма: в 12 томах. М.: Наука, 1977. Т. 5. 679 с.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Письма: в 12 томах. М.: Наука, 1978. Т. 6. 775 с.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Письма: в 12 томах. М.: Наука, 1980. Т. 9. 616 с.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Письма: в 12 томах. М.: Наука, 1981. Т. 10. 600 с.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Сочинения: в 18 томах. М.: Наука, 1977. Т. 9. 495 с.
- Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Сочинения: в 18 томах. М.: Наука, 1977. Т. 10. 544 с.
- Чудаков А.П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: возникновение и утверждение. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.
- Я (Ясинский И.И.). Чеховские «Мужики» // Биржевые ведомости. 1897, 3 мая. № 119.

References

- Burenin, V.P. (1897, April 11). Critical essays. *Novoe Vremya*, (7587). (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1976). *Complete Collected Works and Letters. Letters* (vol. 4). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1977). *Complete Collected Works and Letters. Letters* (vol. 5). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1977). *Complete Collected Works and Letters. Works* (vol. 9). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1977). *Complete Collected Works and Letters. Works* (vol. 10). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1978). *Complete Collected Works and Letters. Letters* (vol. 6). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1980). *Complete Collected Works and Letters. Letters* (vol. 9). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chekhov, A.P. (1981). *Complete Collected Works and Letters. Letters* (vol. 10). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Chernyshevsky, N.G. (1951). Aesthetics and literary criticism. In *Selected Articles*. Moscow, Leningrad: GIHL Publ. (In Russ.)
- Chudakov, A.P. (2016). *Chekhov's poetics. Chekhov's world: Emergence and approval*. St. Petersburg: Azbuka Publ., Azbuka-Atticus Publ. (In Russ.)
- Fingal (Potapenko, I.N.). (1897, April 20). About critics and men. *Novoye Vremya*, (7594). (In Russ.)
- Gorky, M. (2002). Literary notes. About the new story by A.P. Chekhov "In the Ravine". In *A.P. Chekhov: Pro et Contra* (I.N. Sukhoi, comp., preface, general edition; A.D. Stepanov, afterword, note). St. Petersburg: RHGI Publ. (In Russ.)

- Ignatov, I.N. (1897, April 19). “Muzhiks”, the story of A.P. Chekhov. *Russian Vedomosti*, (106). (In Russ.)
- Knabe, G.S. (1994). Socio-historical cognition of the second half of the XX century and the science of culture: Problems, prospects and difficulties. In G.S. Knabe, *Materials for Lectures on the General Theory of Culture and the Culture of Ancient Rome*. Moscow: Indrik Publ. (In Russ.)
- Malyshkina, O.G. (2013). *The double of Zoshchenko, or the Soviet Chekhov: The phenomenon of Panteleimon Romanov*. St. Petersburg: Izdatel'stvo Zhurnala “Neva”. (In Russ.)
- Mikhailovsky, K.N. (1897) Literature and life. *Russian Wealth*, (6), 97–126. (In Russ.)
- Murinya, M.A. (1996) Chekhov's the beginning of the XX century (structure and features). In *Chekhov and the “Silver Age”*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Obolensky, L.E. (1897, April 29). The people in life and the people in literature. In *Odessa Leaflet*, (112). (In Russ.)
- Paperny, Z.S. (1976). “Peasants” – a story and a sequel. In Z.S. Paperny, *Chekhov's Notebooks* (pp. 197–226). Moscow: Sovetskii Pisatel' Publ. (In Russ.)
- Romanov, P.S. (1991). Stories. In *Panteleimon Romanov*. Moscow: Pravda Publ. (In Russ.)
- Saltykov-Shchedrin, M.E. (1969). Letters about the province. The sixth letter. In M.E. Saltykov-Shchedrin, *Sobranie Sochinenii* (vol. 7). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ. (In Russ.)
- Saltykov-Shchedrin, M.E. (1972). The first of May. In M.E. Saltykov-Shchedrin, *Sobranie Sochinenii* (vol. 13). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ. (In Russ.)
- Stakhovich, A.A. (1960). Shreds of memories (“The Power of Darkness”, L.N. Tolstoy's drama). In *L.N. Tolstoy in the Memoirs of Contemporaries* (vol. 1). Moscow: GIHL Publ. (In Russ.)
- Stepanov, A.D. (2005). *Chekhov's problems of communication*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ. (In Russ.)
- Struve, P.B. (1902). “Peasants” by Chekhov and G. Mikhailovsky. In P.B. Struve, *On Various Topics. 1893–1901* (pp. 133–146). St. Petersburg: Tipogr. A.E. Kolpinskogo Publ. (In Russ.)
- Struve, P.B. (1902). “Peasants” by Chekhov. In P.B. Struve, *On Various Topics. 1893–1901* (pp. 121–132). St. Petersburg: Tipogr. A.E. Kolpinskogo Publ. (In Russ.)
- Sukhikh, I.N. (2007). *Problems of Chekhov's poetics*. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University. (In Russ.)
- Tolstoy, L.N. (1937). *Complete Collected Works and Letters. Vol. 46. Series 2. Diaries*. Moscow: GIHL Publ. (In Russ.)
- Turgenev, I.S. (1988). *Complete Collected Works and Letters. Letters* (vol. V). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Ya (Yasinsky, I.I.). (1897, May 3). Chekhov's “Peasants”. *Birzhevye Vedomosti*, (119). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Бесолова Фатима Константиновна, старший преподаватель, кафедра русской и зарубежной литературы, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Российская Федерация, 362025, Владикавказ, ул. Ватутина, д. 46. ORCID: 0009-0003-5036-227X. E-mail: kafka61@mail.ru

Bio note:

Fatima K. Besolova, senior lecturer, Department of Russian and Foreign Literature, North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, 46 Vatutina St, Vladikavkaz, 362025, Russian Federation. ORCID: 0009-0003-5036-227X. E-mail: kafka61@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-226-234

EDN: TKV FYU

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Полемика М.Л. Слонима и З.Н. Гиппиус о двух ветвях развития русской литературы

В.Ю. Свиридов

*Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация*

v.yu.sviridov@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – анализ возникшей в середине 1920-х гг. на страницах периодики русского зарубежья полемики между Зинаидой Гиппиус и Марком Слонимом. Спор о двух ветвях развития литературы вызвал интерес в среде русской эмиграции, поскольку касался вопросов состояния литературы русского зарубежья и литературы Советской России, а также будущего этих литератур. Гиппиус доказывала, что литература в России находится в упадке, поскольку она «оторвана от корней», а русская литература сохраняется лишь в эмиграции. Слоним настаивал, что литература эмиграции пребывает в стагнации, а литература Советской России дает новые имена, новые литературные группы. Область критики литературы русского зарубежья 1920–1930-х гг. на современном этапе литературоведения мало изучена. Полемика Слонима и Гиппиус исследователями ранее не рассматривалась, в этом заключается новизна работы. Рассмотрение различных точек зрения на состояние и будущее двух ветвей русской литературы в середине 1920-х гг. позволяет понять общественные настроения в среде русской эмиграции и их взгляд на современную им литературу. Прослежен спор между Слонимом и Гиппиус, оказавший влияние на литературную жизнь эмиграции 1920-х гг.; выявлены вопросы, в которых оба критика сошлись в едином мнении, а также тезисы, которые авторы продолжили доказывать. Подчеркивается, что Слоним выдвинул тезис, который в будущем разовьют историки литературы русского зарубежья, о том, что литература русского зарубежья – не самостоятельная литература, а лишь одна из ветвей русской литературы.

Ключевые слова: русское зарубежье, критика, пути развития, литература эмиграции

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01326 «Литературная полемика о двух путях развития русской литературы в критике русского зарубежья первой половины XX века».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 января 2024 г.; отрецензирована 13 февраля 2024 г.; принята к публикации 16 марта 2024 г.

© Свиридов В.Ю., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Свиридов В.Ю. Полемика М.Л. Слонима и З.Н. Гиппиус о двух ветвях развития русской литературы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 226–234. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-226-234>

The controversy between M. Slonim and Z. Gippius on two branches of the development of Russian literature

Vladislav Yu. Sviridov

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

✉ v.yu.sviridov@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the analysis of the controversy between Zinaida Gippius and Mark Slonim that arose in the mid-1920s on the pages of periodicals of the Russian diaspora. Russian emigration was interested in the dispute over the two branches of literature development, as it concerned the issues of the state of literature of the Russian diaspora and literature of Soviet Russia, as well as the future of these literatures. Gippius argued that literature in Russia is in decline, because it is “torn from the roots”, and Russian literature is preserved only in emigration. Slonim insisted that the literature of emigration was stagnating, and the literature of Soviet Russia was giving new names, new literary groups. The field of criticism of literature of the Russian diaspora in the 1920s and 1930s is poorly studied at the present stage of literary criticism. The controversy between Slonim and Gippius has not been considered by researchers before, this is the novelty of the work. Russian literature the examination of different points of view on the state and future of the two branches of Russian literature in the mid-1920s makes it possible to understand the public mood among the Russian emigration and their view of contemporary literature. The paper traces the dispute between Slonim and Gippius, which influenced the literary life of emigration in the 1920s, identifies issues in which both critics agreed, as well as theses that the authors continued to prove. Russian literature historians emphasize that Slonim put forward a thesis, which will be developed in the future by historians of literature of the Russian diaspora, that the literature of the Russian diaspora is not an independent literature, but only one of the branches of Russian literature.

Keywords: Russian abroad, criticism, polemics, ways of development, literature of emigration

Acknowledgements and Funding. The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 23-28-01326 “Russian Literary polemic on two ways of development of Russian literature in the criticism of the Russian Diaspora in the first half of the twentieth century”).

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 5, 2024; revised February 13, 2024; accepted March 16, 2024.

For citation: Sviridov, V.Yu. (2024). The controversy between M. Slonim and Z. Gippius on two branches of the development of Russian literature. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 226–234. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-226-234>

Введение

В середине 1920-х гг. осознание эмигрантской литературы как отдельной, самостоятельной ветви, а литературы метрополии как непонятной, чуждой, другой, не похожей на прежнюю дореволюционную литературу вылилось в полемику между литературными критиками русской эмиграции. В центре споров о русской литературе всегда стояла Россия. Многие русские эмигранты считали, что они вывезли Россию вместе с собой, что именно они – наследники русской культуры, обязанные сохранить традиции прошлого. Это подтверждают слова из статьи В. Сирина (В.В. Набоков) «Годовщина»: «В той особенной России, которая невидимо окружает нас, оживает и поддерживает, питает наши души, украшает наши сны, нет ни одного закона, кроме закона любви к ней, и никакой силы, кроме нашей совести» (Сирин, 1927, с. 2). При этом, как отмечал О.А. Коростелев, область критики литературы русского зарубежья 1920–1930-х гг. разработана фрагментарно: «монографии или биографии литераторов, писавших в этом жанре, редки, тексты большей частью остаются несобранными, удовлетворительных библиографий зачастую не имеют даже авторы первого ряда, не говоря обо всех остальных» (Коростелев, 2005, с. 132). В исследовании мы рассмотрим полемику между З.Н. Гиппиус и М.Л. Слонимом на страницах журналов «Современные записки» (Париж) и «Воля России» (Прага).

Обсуждение

Полемика между Слонимом и Гиппиус началась после публикации в январском номере «Современных записок» за 1924 г. статьи Антона Крайнего (З.Н. Гиппиус) «Полет в Европу». В ней автор высказывает крайне жесткую позицию по отношению и к советской литературе, и к тому, что происходит в Советской России: «„Очистив“ Россию от современной русской литературы, от Арцыбашевых, Буниных, Мережковских, Куприных, Ремизовых и т. д. и т. д., распорядители (как мы знаем) ныне принялись за коренное очищение ее и от всего русского литературного наследия. <...> Трудно, при этих обстоятельствах, говорить мне о литературе в России» (Крайний, 1924, № 18, с. 126). Максима Горького Гиппиус вовсе называет «деятелем», а не писателем. По ее мнению, он не смог как художник прочувствовать катастрофу, случившуюся с Россией в 1917 г. Гиппиус метафорично размышляет о том, что писатели в эмиграции дали «за эти шесть лет меньше нового»: «Есть ли поэт, который будет писать стихотворение у еще теплого тела матери?» (Там же, с. 128). Отметим, что с мнением Гиппиус о том, что периоды социально-политических потрясений практически никогда не совпадают с крупными достижениями в области искусства, Слоним согласится.

Гиппиус размышляет о рамках, в которые загнаны писатели и критики. Эти рамки есть и в СССР, и в эмиграции: в России – в качестве цензуры; в эмиграции – в качестве того, что позволено и не позволено писателям, о чем они могут писать, о чем – не могут. Гиппиус считает, что литература в России, оторванная от корней, от Толстого и Достоевского, обречена. Говоря о литературе с точки зрения искусства и эстетики, Гиппиус заключает: «Могла бы я, пожалуй, вспомнить об яйцах, из которых „очистители“ пыта-

лись одно время высидеть „собственную“ литературу. Но я хочу говорить об искусстве, об эстетике; из яиц же вылупились такие непристойные гады, что неуместно мне их на сей раз касаться» (Там же, с. 127).

На первое место среди писателей Гиппиус ставит Бунина – «чистого художника жизни» (Там же, с. 129), выделяет Алданова и Шмелева. Но эмигрировавшие писатели оказались, как отмечает Гиппиус, перед таким фактом: Европа совсем не знает русскую литературу и не знакома с ней. Основной задачей, стоящей перед русскими писателями, Гиппиус называет сближение с европейцами: «Авось доживем и до первого строгого слова иностранца» (Там же, с. 138). Эту задачу исполняют те писатели, которые «стали пытаться издавать русские свои книги на иностранных языках» (Там же, с. 137). Завершает статью Гиппиус надеждой, что вместе с возвращением эмиграции на родину вернется и литература: «Откроются когда-нибудь двери в Россию; и литература вернется туда, Бог даст, с большим, чем прежде, сознанием всемирности» (Там же, с. 138).

Категорически не согласился с мнением Антона Крайнего М.Л. Слоним. Свою позицию он высказал в статье «Живая литература и мертвые критики»: «Сквозь очки предвзятости, злобы и политики захотел увидеть Антон Крайний русскую литературу – и ничего не увидал, кроме ямы, пустоты исполинской безликости смерти» (Слоним, 1924, с. 54). Эти «очки предвзятости», впрочем, были присущи не только Гиппиус. Как писал Г.П. Федотов в статье «Зачем мы здесь?»: «Люди думают, что они живут любовью к России, а на деле, оказывается, – ненавистью к большевикам» (Федотов, 1935, с. 435). Антон Крайний, по мнению Слонима, забыл, что в России остались Вячеслав Иванов, Максимилиан Волошин, Валерий Брюсов, Андрей Белый, литературная молодежь – от «серапионов» до имажинистов. Критик предлагает подойти с другой позиции к литературе эмиграции и метрополии: «что сделали те и другие, каковы художественные достижения здесь и там, начиная с 1918 г.» (Слоним, 1924, с. 56). По мнению Слонима, все новое за последние 6 лет, что дала русская литература, пришло из России, и «не о России, а об эмиграции должен был бы произнести свое суровое слово отрицания А. Крайний» (Там же, с. 58). Соответственно, нельзя говорить о том, что русская культура находится в центрах рассеяния эмиграции, а в России ее нет. Те оставшиеся художники и ученые, которых проигнорировала и не упомянула в своей статье Гиппиус, создают и трудятся «и там – в России – сохранили русскую культуру» (Там же, с. 55).

Слоним заявляет, что позиция оппонента обусловлена исключительно политическими взглядами, вспоминает коммунистические симпатии Анатоля Франса и иронизирует: «Не предложит ли А. Крайний выбросить его „за борт литературы“» (Там же, с. 32). Защищает Слоним и Горького, которого ставит в один ряд с Буниным.

Критик считает, что литература эмиграции – лишь ветвь в общем стволе русской литературы, и жива она, так как жив ствол, из которого она питается соками, и так завершает свою статью: «Ведь все равно жива и будет жить русская литература – безнадежно мертвы лишь ее могильщики и отрицатели» (Там же, с. 63).

Гиппиус продолжила полемику со Слонимом и ответила ему в статье «О молодых и средних»: «Мне ставили в упрек, что в предыдущей Записи я говорил только о корифеях нашей литературы. И только об эмиграции» (Крайний, 1924, № 19, с. 235). Начиная с рассуждения об «Истине, Добре и Красоте», Антон Крайний задает вопрос: «Каково поступательное движение и развитие нашей русской литературы за годы революции, *если оно есть?*», – заранее оговариваясь, что однозначно ответить на него нельзя. Однако сам автор склоняется к тому, что «развития русской литературы нет». Говоря о литературе советской, признавая во многих писателях талант, Гиппиус его сразу же обесценивает: «Кстати о „таланте“, этом современном божке. За талант, говорят, все прощается! За талант ли? Может быть, за „прекрасное“, созданное талантливым человеком? „Прекрасное“ редко, а талантов... гораздо больше, чем мы думаем. Таланты на каждом шагу» (Там же, с. 237). На рассуждение Гиппиус о писателях, оставшихся в России, сильно влияют политические взгляды: по ее мнению, все, что создано в большевистской России, хорошим быть не может. Так, из творчества Есенина Гиппиус вспоминает только самые неприличные строки и говорит, что «лучше их не цитировать». Отказывается она цитировать и Пильняка. Старается, по ее мнению, «издумать всякий раз „погаже“» и Маяковский. Гиппиус характеризует творчество упомянутых писателей, а также М. Слонимского, которого она относит к «срединной группе молодых», успешного «прожить несколько сознательных лет в нормальной обстановке» как «„реализм“... физических отправлений». Создать советские писатели прекрасного не могут только лишь потому, что это чувство прекрасного ими безвозвратно утрачено: «я читал стихи Брюсова последнего периода и совершенно уверен, что „оды“ этого, когда-то Божьей милостью, поэта немногим выше „художественных“ произведений распоследнего комсомольца из коммолгазеты. Как седовласый Брюсов, так и средне-молодой Слонимский, оба одинаково не способны на „прекрасное“: они оба утратили чувство прекрасного» (Там же, с. 240).

По этой же причине не могут создать ничего стоящего и молодые советские литераторы: «Они видели жизнь... как она есть в России, под большевиками. Другой не видели. Сравнить не с чем. Видели безобразие. Но не знают, что это безобразие, потому что не видели красивого. Чувства красоты они не могли утратить – они его не имели» (Там же, с. 240). Гиппиус отвечает Слониму: «Но ни в одной строке русских писателей, так называемых „новых“, – quasi-молодых, молодых и юных, – я до сих пор иной, действительно новой, ноты не уловил» (Там же, с. 239). При этом Гиппиус отдает дань уважения писателям, не ставшим сотрудничать с большевиками и, соответственно, не утеревшими чувство прекрасного: Сологубу, Пришвину, Ахматовой, Замятину, Сергееву-Ценскому.

В 1925 г. Слоним ответил Антону Крайнему в статье «Литература эмиграции», опубликованной на страницах «Воли России». Проблематику статьи критик выразил уже в первом абзаце: «Существует эмиграция добрых шесть лет. Почему же за такой долгий срок так мало создано в области литературы?» (Слоним, 1925, № 2, с. 174). Писателям русского зарубежья Сло-

ним противопоставляет писателей Советской России, которым «приходится жить в ужасающих условиях материальной нужды и духовного угнетения» (Там же, с. 174). Перечисляя многочисленные трудности, с которыми сталкиваются художники слова в России, Слоним заключает: «И, несмотря на это – ценою огромных усилий и героического напряжения – в России не прекращается литературная работа» (Там же, с. 174).

При этом в эмиграции, по утверждению Слонима, можно встретить лишь «молчание или перепевы „старших богатырей“ слова, а самое главное, в эмиграции „ужасающее отсутствие талантливой и, главное, живой, ищущей молодежи“» (Там же, с. 175). Это было действительно так. В первых 20 номерах «Современных записок» молодежь на страницах журнала практически отсутствует. По вопросу о молодых писателях в эмиграции Гиппиус согласится со Слонимом. 24 декабря 1925 г. в рецензии на 26 книгу «Современных записок» она напишет: «Почему бы журналу, не забывая своей единственности и первой, прямой задачи – служить дальнейшему цветению родной литературы, – не взглянуть и в сторону молодежи? Ее тут немало. Это все та же русская молодежь. <...> Они на чужбине? В условиях оторванности – все бездарны? Пустое. И лучше не будем говорить об условиях. Нет более невозможных условий для развития таланта и человека, чем те, в которых живут сейчас не оторванные» (Крайний, 1925, с. 2). «„Взглянуть в сторону молодежи“ – это и значит создать, прежде всего, такую „живую среду“», – заключает Гиппиус. Лишь с 1926 г. «Современные записки» начали печатать начинающих писателей.

По мнению Слонима, литература эмиграции находится в стагнации: «Когда я раскрываю книжку „Окна“ или „Современных записок“, я не только нахожу те же имена, что и в журналах 1914 г., но и имена эти красуются под произведениями, которые великолепно могли бы быть помечены этой датой» (Слоним, 1925, № 4, с. 184). В отличие от литературы русского зарубежья, литература Советской России, как доказывает Слоним, развивается: «смешны нападки Бунина и Крайнего на язык советских писателей. Да ведь вся Россия уже не говорит тем языком, какой был до революции» (Слоним, 1926, с. 100). Критик утверждает, что литература эмиграции остановилась в 1914 г., ничего не продолжает, а только повторяет, поскольку все писатели и поэты русского зарубежья сложились до революции, и заключает: «за границей нет общей литературной жизни» (Слоним, 1925, № 2, с. 176). Из всех писателей русского зарубежья критик выделяет Бунина, но замечает: «Надо ли считать символическим то явление, что наиболее крупным представителем литературы эмиграции является писатель, не только тоскующий о прошлом, не только считающий, что России конец – но и по всему складу своего творчества и своего мировоззрения ни во что не верящий, ничего страстно не чувствующий и посвящающий лучшие свои страницы описаниям безысходности, отчаяния и смертной гибели?» (Там же, с. 181–182). Как заключает Слоним, литература эмиграции «не выдвинула ни одного умственного или художественного течения, ни одной новой поэтической школы, ни одного молодого прозаика, в то время как в России есть не только Пастернак, Маяковский, Есенин (не говоря о Мандельштаме и Ахматовой),

но и группа «Серрапионовых братьев», Бабель, Федин, Пильняк, Вс. Иванов, Зощенко и ряд других прозаиков и поэтов, выступивших после революции» (Слоним, 1972, с. 297). Критик приходил к выводу, что «рано ставить могильный крест на русской словесности: она жива и будет развиваться, несмотря на удары коммунистической диктатуры, тиски цензуры и нелепые попытки вырастить цветы пролетарского искусства в оранжереях ВАПП-а и „На Посту“» (Там же, с. 297), в то время как «в эмиграции есть писатели, но нет литературы» (Там же, с. 298).

С этой точкой зрения соглашался Ф. Степун, написавший в 23 книге «Современных записок» о литературе русской эмиграции: «Россыпь писателей еще не делает литературы» (Степун, 1925, с. 358). Степун отмечает, что мнение Антона Крайнего о том, что литературы в Советской России «искать не приходится, является все еще весьма и весьма распространенным», однако в споре Гиппиус и Слонима занимает позицию последнего и заключает: «Главное достоинство советской литературы в том, что она при всех своих недостатках как-никак – есть» (Там же, с. 358).

Спор между Слонимом и Гиппиус вызвал большой интерес в среде русской эмиграции. Как писал Н. Андреев: «Этот спор произвел впечатление. И, как кажется, эхо его отозвалось в творчестве более молодых зарубежных авторов, которые как раз со второй половины 20-х годов начинают делаться „литературной силой“ и в Париже, и в Берлине, и в Праге, и во всех других местах русского рассеяния» (Андреев, 1981, с. 95). Впоследствии М. Слоним вспоминал: «Наибольший шум произвел в 1924 г. мой ответ на статью Антона Крайнего, то есть Зинаиды Гиппиус» (Слоним, 1972, с. 297). Как справедливо заметил О.А. Коростелев: «Между этими крайними точками зрения располагался весь остальной спектр мнений, в том числе весьма любопытные суждения Г. Адамовича, В. Вейдле, П. Бицилли, К. Мочульского, А. Бема» (Коростелев, 2002, с. 25). Так, Адамович писал: «Литература в целом должна была бы заботиться здесь о том, чтобы „додержаться“ до лучших дней» (Адамович, 2002, с. 519), «хоронить ее все-таки рано» (Адамович, 2007, с. 11). Отметим и позицию В. Ходасевича, который считал, что «национальная литература может существовать и вне отечественной территории» (Ходасевич, 1996, с. 258), однако «эмигрантская литература <...> оказалась все же не по плечу эмигрантской массе» (Там же, с. 267). Высказывал близкое к позиции Слонима мнение М.А. Осоргин. В статье, обозревающей российские журналы, он задает вопрос: «Литературно-художественная часть журналов дает ли что-нибудь новое, яркое, утешительное?» (Осоргин, 2002, с. 134). И считает, что беспристрастный эмигрант должен ответить на этот вопрос утвердительно, поскольку «лаборатория русского творчества никогда не бастовала и в материале для обработки (а он дается только жизнью) недостатка, конечно, не ощущала» (Там же, с. 134). При этом прославленные писатели-эмигранты «общего уровня русской литературы не повысили и новых, выше прежней ценности, вкладов в ее сокровищницу не сделали» (Там же, с. 134–135).

В 1931 г. Слоним лишь укрепился в своем мнении: «За тринадцать лет эмигрантского блуждания мы не создали ни одного литературного направления, ни одной крупной художественной ценности и не выдвинули ни одной

живой идеи» (Слоним, 1931, с. 619). Основной причиной этого он считал замкнутость литературы эмиграции: «Она перестала участвовать в событиях литературной жизни, совершавшихся на родине; она была выключена из потока, вносящего постоянные изменения в русскую художественную действительность» (Там же, с. 617–618). Критик был убежден, что литература русского зарубежья умирает, при этом окончательно на ней крест не ставил, уповая на эмигрантскую молодежь: «Найдет ли эта молодежь в себе достаточно силы, чтобы работать, писать, не надеясь на рукоплескания современников и на посмертные награды истории? <...> Если силы и желания хватит – значит, не все еще кончено, не все умерло в эмигрантской литературе» (Там же, с. 627).

Как позднее заметил Г.П. Струве, литературно-критическим статьям Слонима «было присуще «предпочтение советского эмигрантскому» (Струве, 1996, с. 59). По его мнению, основными причинами нападок М. Слонима на эмигрантскую критику были обвинения в кумовстве, ее пренебрежении к советской литературе, а также равнодушии к молодым эмигрантским писателям. При этом ученый отмечает, что если в 1920-е гг. литература Советской России была интереснее, чем зарубежная, то в 1930-е гг. чаша весов склонилась на сторону литературы эмиграции. С этим мнением соглашается и исследователь жизни и творчества М. Слонима О. Малевич: «Как раз на 1925–1938 гг. приходится расцвет зарубежной русской литературы» (Малевич, 1994, с. 85). Обратил внимание Струве и на недостатки взглядов М. Слонима: «Проявляя интерес к советской литературе, вовсе не нужно было огульно отрицать литературу зарубежную» (Там же, с. 60).

Заключение

В середине 1920-х гг. в эмигрантской периодике развернулась полемика о двух ветвях развития русской литературы. Высказывались две противоположные позиции. По мнению З.Н. Гиппиус, литературы под властью большевиков быть не могло. Однако стоит учитывать, что популярность высказываемой Гиппиус позиции была обусловлена политической составляющей – ненавистью к большевикам, присущей также и значительной части эмиграции. М.Л. Слоним же доказывал, что литература эмиграции заостренела и стоит на месте, в то время как в Советском Союзе русская словесность и литература движутся вперед.

Как покажет время, более близок к истине в развернувшейся полемике был Слоним, отдававший дань уважения активно развивавшейся в Советской России литературе и выдвинувший тезис о том, что литература русского зарубежья – лишь ветвь в общем стволе русской литературы, который будет позднее доказывать А.И. Чагин формулой «одна литература и два литературных процесса» (Чагин, 2008, с. 27) в монографии «Расколота лира».

Список литературы

Адамович Г.В. Литература в эмиграции // Собрание сочинений. Литературные заметки: в 5 книгах. Книга 1. «Последние новости» 1928–1931 / Г.В. Адамович; предисл., подг. текста, сост. и примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2002. С. 510–524.

- Адамович Г.В.* Мысли и сомнения: о литературе в эмиграции // Собрание сочинений. Литературные заметки: в 5 книгах. Книга 2. «Последние новости» 1932–1933 / Г.В. Адамович; подг. текста, сост. и примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетей, 2007. С. 7–15.
- Андреев Н.* О некоторых факторах развития зарубежной ветви русской литературы с 20-го по 40-й год // Одна или две русских литературы?: междунар. симп., созв. фак. словесности Женев. ун-та и Швейц. акад. славистики, Женева, 13–14 апр. 1978 г. / отв. ред. Ж. Нива. Лозанна: L'Age d'homme, сор., 1981. С. 91–102.
- Коростелев О.А.* Литературная критика русской эмиграции: материалы к библиографии // Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 20–30-х годов: сб. науч. тр. / отв. ред. Т.Г. Петрова. М., 2005. С. 132–181.
- Коростелев О.А.* Пафос свободы: литературная критика русской (1920–1970) литературы // Критика русского зарубежья: в 2 частях. М.: Олимп, 2002. Ч. 1. С. 3–35.
- Крайний А.* О молодых и средних // Современные записки. 1924. № 19. С. 234–249.
- Крайний А.* Полет в Европу // Современные записки. 1924. № 18. С. 123–138.
- Крайний Ант.* «Течение» «Современных записок» (книга XXVI) // Последние новости. 1925, 24 декабря. № 1740. С. 2–3.
- Малевиц О.* Три жизни и три любви Марка Слонома // Евреи в культуре русского зарубежья: статьи, публикации, мемуары и эссе / сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1994. Вып. 3. С. 73–100.
- Осоргин М.А.* Российские журналы // Критика русского зарубежья: в 2 частях. М.: Олимп, 2002. Ч. 1. С. 130–139.
- Сирич В.* Годовщина // Руль. 1927, 18 ноября. № 2120. С. 2.
- Слоним М.* «Воля России» // Русская литература в эмиграции: сб. ст. / под ред. Н. Полторацкого. Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета, 1972. С. 291–300.
- Слоним М.* Бунин-критик. Антон Крайний и Зинаида Гиппиус. О «Верстах» // Воля России. 1926. № 8–9. С. 87–103.
- Слоним М.* Живая литература и мертвые критики // Воля России. 1924. № 4. С. 53–63.
- Слоним М.* Заметки об эмигрантской литературе // Воля России. 1931. № 7–9. С. 616–627.
- Слоним М.* Литература эмиграции. 1–2 // Воля России. 1925. № 2. С. 174–182.
- Слоним М.* Литература эмиграции. 3–6 // Воля России. 1925. № 4. С. 182–192.
- Степун Ф.* Мысли о России // Современные записки. 1925. № 23. С. 342–371.
- Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. М.: Русский путь; Париж: УМСА-Press, 1996. 448 с.
- Федотов Г.* Зачем мы здесь? // Современные записки. 1935. № 58. С. 433–444.
- Ходасевич В.Ф.* Литература в изгнании // Собрание сочинений: в 4 томах. Том 2. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922–1939 / В.Ф. Ходасевич. М.: Согласие, 1996. С. 256–267.
- Чагин А.И.* Пути и лица. О русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 600 с.

Сведения об авторе:

Свиридов Владислав Юрьевич, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького, Российская академия наук, Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а. ORCID: 0000-0002-1461-2433. E-mail: v.yu.sviridov@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-235-242

EDN: TLAALY

УДК 82.01

Научная статья / Research article

История рассказа И.А. Бунина «Новый год» (1901) – от ранних публикаций до Полного собрания сочинений (1915): биографический аспект

Я.И. Аров

*Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва,
Российская Федерация*
✉ VseDurd@gmail.com

Аннотация. Представлен анализ специфики правок рассказа И.А. Бунина «Новый год» (1901) на основе сопоставления восьми вариантов данного произведения. Приводится информация о первой публикации рассказа, подчеркивается роль сокращений отдельных фрагментов текста в подготовке более поздних вариантов, а также связь этих сокращений с хронологией жизни писателя. Акцент сделан на конкретных изменениях бунинского текста – от первой публикации в «Русской мысли» (1902) до последней прижизненной публикации в Полном собрании сочинений (изд. Т-ва Маркса, 1915). Правки в различных изданиях касались как стилистики, так и содержательных элементов. Подчеркивается изменение отношений между героями «Нового года» Костей и Олей, в поздних вариантах персонажи явно находятся в разладе, проявляют меньше эмпатии, открытости и доверия. Автор связывает это отстранение супругов с окончательным разрывом Бунина с первой женой А.Н. Цакни (похожей по характеру на героиню рассказа) и началом его отношений с В.Н. Муромцевой в 1906 г. Рассмотрение с таких позиций истории рассказа представляется релевантным, учитывая, какую важную роль в сочинениях Бунина играли автобиографизмы.

Ключевые слова: текстология, варианты, биография, А.Н. Цакни, В.Н. Муромцева

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 22-18-00347 «Раннее творчество И.А. Бунина: поэзия, проза, критика, публицистика, переводы (1883–1902 гг.)».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 января 2024 г.; отрецензирована 13 февраля 2024 г.; принята к публикации 16 марта 2024 г.

Для цитирования: Аров Я.И. История рассказа И.А. Бунина «Новый год» (1901) – от ранних публикаций до Полного собрания сочинений (1915): биографический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 235–242. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-235-242>

© Аров Я.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The history of I.A. Bunin's short story "New Year" (1901) – from early publications to the Complete Works (1915): biographical aspect

Yaroslav I. Arov

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

✉ VseDurd@gmail.com

Abstract. The study presents an analysis of the specifics of the edits of I.A. Bunin's work "New Year" (1901) based on a comparison of eight versions of this story. The author provides information about the first publication of the story, emphasizing the role of abbreviations of individual fragments of the text in the preparation of later versions, as well as the connection of these abbreviations with the chronology of the writer's life. The emphasis is placed on specific changes in the Bunin text – from the first publication in "Russkaya Mysl" (1902) to the last lifetime publication in the Complete Works (Izd. T-va A.F. Marks Publ., 1915). Edits in various publications concerned both stylistics and content elements. The researcher focuses on the change in the relationship between the characters of the "New Year" Kostya and Olya, in the later versions the characters are clearly at odds, show less empathy, openness and trust. This separation of the spouses is connected with the final breakup of Bunin with his first wife A.N. Tsakni (similar in character to the heroine of the story) and the beginning of his relationship with V.N. Muromtseva in 1906. The very consideration of the story from such positions seems relevant, given the important role autobiographies played in Bunin's writings.

Keywords: textual criticism, options, biography, A.N. Tsakni, V.N. Muromtseva

Acknowledgements and Funding. The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00347 "Early work of I.A. Bunin: poetry, prose, criticism, journalism, translations (1883–1902)".

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 5, 2024; revised February 13, 2024; accepted March 16, 2024.

For citation: Arov, Ya.I. (2024). The history of I.A. Bunin's short story "New Year" (1901) – from early publications to the Complete Works (1915): Biographical aspect. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 235–242. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-235-242>

Введение

Рассказ «Новый год» (1901) издавался при жизни И.А. Бунина восемь раз. Впервые он был напечатан в журнале «Русская мысль» (1902. № 1. С. 99–105; далее – РМ-М), хотя еще до публикации Бунин зачитывал рассказ 14 ноября 1901 г. в московском литературном кружке «Среда» (РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 1251, Л. 7.; *Летопись*, 2017, с. 1072) и, вероятно, писал о нем А.П. Чехову в письме от 11 ноября 1991 г. (Бунин, 2003, с. 392). Последующие публикации показали типичное бунинское стремление к сокращению текста, к вычеркиванию отдельных слов и целых фрагментов, к об-

щей правке стиля. Но помимо стилистических, как мы постараемся показать ниже, присутствовали и важные содержательные сокращения, связанные с определенными коллизиями в жизни писателя.

Обсуждение

История правок. В 1902 г. рассказ с небольшими изменениями вошел в первое издание первого тома собрания сочинений (далее – СС (6)-1-1). По сравнению с *РМ-М* в СС (6)-1-1 отсутствует фрагмент, указывающий на службу персонажа Кости на железной дороге. Второе (далее – СС (6)-1-2) и третье (далее – СС (6)-1-3) издания первого тома собрания сочинений, опубликованные в 1903 и 1904 гг. соответственно, в целом сохранили прежнюю структуру рассказа за исключением некоторых малозначительных деталей: например, во фрагменте текста «надежды иметь свой угол, поселиться где-нибудь в деревне или на юге» (Бунин, 1902b, с. 67) Бунин убрал союз «или», который вернулся в последующих вариантах. Точно такое же временное сокращение встречаем во фрагменте « – Это сказал Сент-Бев, – поправил я» (Бунин, 1902b, с. 68). В СС (6)-1-2 и СС (6)-1-3 этот отрывок звучит следующим образом: «Сент-Бев, – поправил я» (Бунин, 1903, с. 67; Бунин, 1904, с. 67).

Вместе с тем содержательно в тексте по сравнению с СС (6)-1-1 ничего не менялось вплоть до 1910 г., когда рассказ был издан отдельной брошюрой (далее – НовГ). В *НовГ* характерным явлением стало отсутствие не только лишних союзов и уточнений, но и вычеркивание целых предложений и абзацев текста, несущих, в том числе, важные сюжетные детали. Так, целиком элиминирован следующий фрагмент:

«Мне тридцать три года, через несколько лет у меня будет пенсия, долги можно будет заплатить постепенно, жизнь в Петербурге можно сделать скромней и семейнее, имение выйдет из банка... Через десять лет я буду свободен. Десять лет! Десять новогодних ночей – и я свободен... Но какие долгие и тяжелые промежутки разделяют эти ночи! // И опять в голову приходили воспоминания о фальшивых и шумных встречах этих ночей в четвертом этаже огромного дома на Литейном, о серой жизни, по-прежнему начинающейся после этих встреч в темноте, дожде и снеге мокрого Петербурга, о бесчисленных извозчиках и съестных, овощных и курятных лавках. И все это было так далеко от меня в эту минуту и не верилось, что пройдет эта прекрасная, зимняя ночь» (Бунин, 1902b, с. 71).

Кроме того, значительно сокращен фрагмент:

«А в деревнях – голод... // – Но как же здесь жили твой отец, мать, братья? – спросила жена. // – То были, Оля, люди другого склада, – сказал я тихо. – Да и не было здесь такой глуши и запустения. Мы ведь, в сущности, живем в полудикой пустыне, где только есть оазисы... И я если нищий, и притом нищий слабый духом, как и полагается русскому человеку, – как не стремиться мне к этим все-таки людным оазисам? А там, среди этого оазиса, в темноте и тесноте Петербурга, чем я могу быть, как не чиновником, отдающим всю свою жизнь нелюбимой службе и не знающим, для чего он существует? // – Но как же быть, Костя? // – Не думать, – ответил я. – Мы люди

маленькие, имя же нам – легион... // И стараюсь возвратиться к тому детскому хорошему чувству, с которым я проснулся, я тихо укачивал жену на коленях. // – Поговорим лучше о других вещах, – говорил я с напускной беспечностью, медленно целуя ее руку. – А потом в детскую и баиньки!...» (Бунин, 1902b, с. 72–73).

В *НовГ* от него осталось не более 30% первоначального объема:

«А в деревнях – голод... // – Но как же здесь жили твой отец, мать, братья? – спросила жена. // – Ах, – сказал я с напускной беспечностью. – Было то в незапамятные веки! И поговорим лучше о других вещах!...» (Бунин, 1910, с. 13).

Такая значительная правка вряд ли обусловлена только стилистическими недочетами. Обращает на себя внимание, что убранные фрагменты содержат различные элементы портрета героя (возраста Кости, его идентификации себя как маленького человека), а также детали супружеских отношений (открытость и желание диалога в ранних вариантах). Если в *РМ-М*, *СС (6)-1-1*, *СС (6)-1-2* *СС (6)-1-3* Бунин постоянно использовал слова и обороты с подчеркнута положительной коннотацией в контексте общения Оли и Кости («она прижалась ко мне с необычайной нежностью» (Бунин, 1902a, с. 99; Бунин, 1902b, с. 65; Бунин, 1903, с. 64; Бунин, 1904, с. 64); «точно угадав мое чувство, жена опять взяла меня под руку» (Бунин, 1902a, с. 102; Бунин, 1902b, с. 69; Бунин, 1903, с. 68; Бунин, 1904, с. 68); «медленно целуя ее руку» (Бунин, 1902a, с. 104; Бунин, 1902b, с. 73; Бунин, 1903, с. 72; Бунин, 1904, с. 72), и т.п.), то в *НовГ* эти фрагменты по большей части убраны.

Варианты рассказа в 4-м (далее – *ПР*) и 5-м (далее – *П*) изданиях сборника «Перевал», вышедшие в 1912 и 1913 гг. соответственно, почти полностью повторяли *НовГ* за исключением отдельных слов и выражений: так был сокращен фрагмент «...годы сливаются в один беспорядочный и однообразный год, полный серых служебных дней и скучных журфиксов, умственные и душевные способности слабеют, мелочная, подневольная жизнь все более входит в свои права...» (Бунин, 1910, с. 5–6) до «...годы сливаются в один, беспорядочный и однообразный, полный серых служебных дней и скучных журфиксов, умственные и душевные способности слабеют...» (Бунин, 1912, с. 322; Бунин, 1913, с. 344–345).

Итоговый текст, опубликованный в издательстве Т-ва А.Ф. Маркса в Полном собрании сочинений 1915 г. (далее – *ПСС*), содержал более серьезные отличия, в первую очередь, по части отношений между супругами – они, по сравнению с вариантами *НовГ*, *Пр* и *П*, охладели еще сильнее: от фрагмента «Было уже холодно, в одежду отовсюду пробирался мороз. Я закутал ноги полами шубы и слегка вытянул их, а жена села ко мне на колени, и, обнявшись, мы стали медленно покачиваться, как делали это когда-то прежде» (Бунин, 1910, с. 12; Бунин, 1912, с. 327; Бунин, 1913, с. 349) в *ПСС* осталось только первое предложение. Полностью убран диалог героев о прошлом усадьбы. Фрагмент « – Ну, полно, Оля! – сказал я ласково и беспечно» (Бунин, 1910, с. 6; Бунин, 1912, с. 323; Бунин, 1913, с. 345) сократился до « – Ну, полно, Оля! – сказал я» (Бунин, 1915, с. 233).

Биографические основания сюжетных сокращений. Есть основания полагать, что начавшиеся в *НовГ* и продолженные в *ПСС* содержательные

правки связаны с изменениями в личной жизни Бунина. В 1901 г. Бунин еще находился под впечатлением от разрыва отношений с первой женой Анной Николаевной Цакни, тем более что в то время был жив их совместный ребенок Николай, которого Иван Алексеевич периодически навещал, хотя и эта малая связь висела на волоске, о чем он признавался брату Юлию в письме от 31 августа 1901 г.: «...Цакни и так говорит, что напрасно был добр весною и позволял видеть ребенка <...> Ах, брат, скверно все...» (Бунин, 2003, с. 389). Однако любое сношение с Цакни сошло на нет после смерти сына в 1905 г. А в 1906 г. Бунин начал встречаться с Верой Николаевной Муромцевой. Эти обстоятельства, вероятно, сыграли определенную роль в характере изменений рассказа «Новый год», по мере отдаления Бунина от Цакни блекли и отношения Кости с Олей, напоминавшей по характеру первую жену Ивана Алексеевича.

С Цакни Бунин познакомился в Одессе в июне 1898 г. на даче известного прозаика и поэта А.М. Федорова. Анна Николаевна была дочкой Николая Петровича Цакни, издателя и редактора газеты «Южное обозрение». В июле того же года Бунин отправил брату Юлию извещение о намерении жениться, в котором, в частности, восхищенно отметил: «Она красавица, но девушка изумительно чистая и простая, спокойная и добрая» (Бунин, 2003, с. 258). Правда, в том же письме содержались сомнения в возможности понимания между будущими супругами: «Понимать меня она навряд ли будет...» (Бунин, 2003, с. 258). И все же 23 сентября 1898 г. состоялась свадьба.

Отношения с Цакни – один из самых болезненных эпизодов в биографии Бунина. Уже к 1900 г. это «языческое увлечение», как позднее признавался писатель В.Н. Муромцевой (Летопись, 2011, с. 279), зашло в тупик. Сказывался слишком разный характер супругов. Цакни планировала стать актрисой, дома у Буниных постоянно собирались толпы людей, репетирующих различные спектакли, к чему Иван Алексеевич относился скептически, предпочитая менее публичную жизнь. К тому же он стал подозревать жену в измене, находя свидетельства этому как в разладе супружеских отношений, так и в многочисленных знаках внимания, которыми Цакни одаривала молодых поклонников. Бунин подозревал Цакни в связях с постояльцем дома Барбашевым, с которым «Аня трунит над моей „старостью“, причем Барбашев с холопской развязностью называл меня „компотом“ – так будто бы зовут стариков» (Бунин, 2003, с. 304), со студентом Аблиным, «которого моя дура называет рыцарем печального образа» (Бунин, 2003, с. 302), с офицером Баленом де Балю (Бунин, 2003, с. 307).

Публичность Цакни сильно раздражала Бунина: «Дом у нас с утра до вечера гудит от музыки и пошлейших разговоров г<оспод> любителей, студентов и всякой сволочи» (Бунин, 2003, с. 300). О типичном распорядке дня в то время писатель сообщал брату в письме от 14 декабря 1899 г.: «Жизнь нашу я тебе описывал. В 8 ч. утра – звонок – Каченовская. Затем – каждые пять минут звонок. Приходят Барбашев <...> затем жид Лев Львович <...> выгнанный из какой-то гнусной труппы хохол Царенко <...> затем студент Аблин <...> затем еще два-три студента, и все это пишет ноты, гамит, ест и уходит только на репетиции...» (Бунин, 2003, с. 302).

Картина разочарования Кости из «Нового года» в суетности петербургской жизни оставляет схожие впечатления: присутствуют и обвинения жены («ты говоришь, что из-за меня ты ведешь пошлое и тяжелое существование» (Бунин, 1915, с. 233)), и ревность героя, доходящая до отторжения: «Я вспомнил, как ровно год тому назад жена с притворной любезностью заботилась и хлопотала о каждом, кто, считаясь нашим другом, встречал с нами новогоднюю ночь, как она улыбалась некоторым из молодых гостей и предлагала загадочно-меланхолические тосты и как чужда и неприятна была мне она в тесной петербургской квартирке...» (Бунин, 1915, с. 233).

Сама Оля так описывает свои отношения с мужем: «Выходила я не любя, живем мы с тобой дурно <...> И однако все чаще мы чувствуем, что мы нужны друг другу. Откуда это приходит и почему только в некоторые минуты?» (Бунин, 1915, с. 233). Жизнь Бунина с Цакни также была переменчива – от полной отстраненности до редких эпизодов нежности и любви: «Аня иногда ласкова, но мало обращает на меня внимания» (Бунин, 2003, с. 300), – сообщал Бунин брату в ноябре 1899 г. Это противоречие писатель подмечал и в других корреспонденциях: «Она ласковых слов и движений ускользает, хотя, вбегая в комнату, вильнет хвостом, поцелует меня в шею, скажет какое-то ласкательное слово: „Постя!“² – и убежит» (Бунин, 2003, с. 304); «Аня сама заходила ко мне, говорила мне, что чувствует ко мне нежность, что она друг мне и что у нее открыто ко мне сердце. „Что же тогда произошло?“ – спросил я. Она заплакала и сказала: „Я с ума сошла“. Затем пошли дни полной холодности» (Бунин, 2003, с. 292); «С Аней произошёл у нас полный мир. Все вошло почти совершенно в прежнюю колею. Спим на одной кровати, но известные отношения еще обставлены слезами» (Бунин, 2003, с. 298).

После окончательного разрыва с Цакни Бунин какое-то время переживал сильный психологический кризис, который, вероятно, отразился и в сюжете рассказа – не автобиографически, а, скорее, по общему тону повествования. Постепенно, однако, новые отношения, в том числе с Верой Николаевной, затмили предшествующий неудачный опыт семейной жизни. Отстраненность героев в *НовГ*, *П*, *ПР* и *ПСС* может быть объяснена с этих позиций, хотя в меньшем масштабе она присутствует и в *РМ-М*, *СС (6)-1-1*, *СС (6)-1-2*, *СС (6)-1-3*.

Заключение

Разумеется, описанное является гипотезой, ни в каких документах Бунин не сообщал о том, что супружеский разлад Кости и Оли – это аллюзия на его отношения с Цакни. Тем не менее кажется вполне релевантным предположить, что Иван Алексеевич, который в творческом процессе часто обращался к реалиям собственной жизни, не обошел стороной и этот небольшой рассказ хотя бы уже по той причине, что описываемые события отчасти соответствовали ситуации, в которой сам он оказался в конце 1890-х гг., доведенный до отчаяния бедностью, ссорами с женой, размышлявший, подобно Косте, о пошлости и бессмысленности земного существования. Признание заслуг Бунина-прозаика со стороны известных писателей и критиков

в 1900-е гг., избрание его почетным академиком Императорской академии наук в 1909 г., выравнивание финансовой ситуации и счастливые отношения с Верой Николаевной постепенно сгладили эти кризисные годы, что, вероятно, сказалось и на большей отвлеченности повествования в *НовГ*, *П*, *ПП* и *ПСС* от любовной тематики, мотивов бедности и одиночества. Расставшись с Цакни, пережив трагическую гибель сына, Бунин нашел утешение и понимание в новой семье. Начинался светлый период его жизни.

Список литературы

- Бунин И.А. Новый год // Перевал и другие рассказы / И.А. Бунин. 4-е изд., испр. и доп. М.: Московское книгоиздательство, 1912. С. 321–329.
- Бунин И.А. Новый год // Перевал. Рассказы 1892–1902 г. / И.А. Бунин. 5-е изд., испр. и доп. М.: Московское книгоиздательство, 1912. С. 321–329.
- Бунин И.А. Новый год // Полное собрание сочинений: в 6 томах. Том 2. Рассказы 1892–1902 гг. / И.А. Бунин. Пг.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркс, 1915. С. 232–237.
- Бунин И.А. Новый год // Русская мысль. 1902а. № 1. С. 99–105.
- Бунин И.А. Новый год // Собрание сочинений: в 6 томах. Том 1. Рассказы / И.А. Бунин. СПб.: Изд. т-ва «Знание», 1902b. С. 65–74.
- Бунин И.А. Новый год // Собрание сочинений: в 6 томах. Том 1. Рассказы / И.А. Бунин. 2-е изд. СПб.: Изд. т-ва «Знание», 1903. С. 64–73.
- Бунин И.А. Новый год // Собрание сочинений: в 6 томах. Том 1. Рассказы / И.А. Бунин. 3-е изд. СПб.: Изд. т-ва «Знание», 1904. С. 64–73.
- Бунин И.А. Новый год. СПб.: Библиотечка копейка, 1910. 16 с.
- Бунин И.А. Письма 1885–1904 годов. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 767 с.
- Летопись жизни и творчества И.А. Бунина: в 2 томах. Том 1. 1870–1909. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 943 с.
- Летопись жизни и творчества И.А. Бунина: в 2 томах. Том 2. 1909–1919. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 1183 с.

References

- Bunin, I.A. (1902a). New Year. *Russkaya Mysl*, (1), 99–105. (In Russ.)
- Bunin, I.A. (1902b). New Year. In I.A. Bunin, *Collected Works. Vol. 1. Stories* (pp. 65–74). St. Petersburg: Znanie Publ. (In Russ.)
- Bunin, I.A. (1903). New Year. In I.A. Bunin, *Collected Works. Vol. 1. Stories* (pp. 64–73). St. Petersburg: Znanie Publ. (In Russ.)
- Bunin, I.A. (1904). New Year. In I.A. Bunin, *Collected Works. Vol. 1. Stories* (pp. 64–73). St. Petersburg: Znanie Publ. (In Russ.)
- Bunin, I.A. (1910). *New Year*. St. Petersburg: Bibliotekhka Kopejka Publ. (In Russ.)
- Bunin, I.A. (1912). New Year. In I.A. Bunin, *The Pass and Other Stories* (pp. 321–329). Moscow: Moskovskoe Knigoizdatel'stvo Publ. (In Russ.)
- Bunin, I.A. (1913). New Year. In I.A. Bunin, *The Pass and Other Stories* (pp. 321–329). Moscow: Moskovskoe Knigoizdatel'stvo Publ. (In Russ.)
- Bunin, I.A. (1915). New Year. In I.A. Bunin, *Collected Works. Vol. 2. Stories of 1892–1902* (pp. 232–237). Petrograd: Izd. T-va A.F. Marks Publ. (In Russ.)
- Bunin, I.A. (2003). *Letters from 1885–1904*. Moscow: IMLI RAN Publ. (In Russ.)
- Chronicle of the life and work of I.A. Bunin. Vol. 1. 1870–1909*. (2011). Moscow: IMLI RAN Publ. (In Russ.)
- Chronicle of the life and work of I.A. Bunin. Vol. 2. 1909–1919*. (2017). Moscow: IMLI RAN Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Аров Ярослав Игоревич, младший научный сотрудник, отдел русской литературы конца XIX – начала XX века, Институт мировой литературы имени А.М. Горького, Российская академия наук, Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а, стр. 1. ORCID: 0009-0008-8693-3421. E-mail: VseDurd@gmail.com

Bio note:

Yaroslav I. Arov, junior researcher, Department of Russian Literature of the late XIX – early XX century, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 25a Povarskaya St, bldg 1, Moscow, 121069, Russian Federation. ORCID: 0009-0008-8693-3421. E-mail: VseDurd@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС CONTEMPORARY LITERARY PROCESS

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-243-250

EDN: TEQABU

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

«Обитель» Захара Прилепина: осмысление опыта христианской жертвенности в романе

Е.А. Щепалина

Самарская духовная семинария, Самара, Российская Федерация

✉ katerina-shhepalina@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности осмысления христианского традиционного опыта в романе Захара Прилепина «Обитель». Исторический роман современного писателя, посвященный трагической теме Соловков, по-своему говорит о христианской жертвенности и покаянии. Мученичество, страдание и сострадание, являющиеся соприродными христианству, становятся важными духовными основаниями в творчестве Ф.М. Достоевского и деятелей русского религиозного Ренессанса с его представлениями о «богочеловечестве», что находит отражение в романе «Обитель»: борьба между «богочеловеческим» и «человекобожеским» прослеживается в тексте повсеместно. В роман вплетаются и классические произведения русской литературы, и философские представления о «сверхчеловеке», усиливающие интертекстуальность «Обители»: статья «человеком-зверем» или прояснить в себе Божий лик – вот тот духовно-нравственный выбор, перед которым оказываются герои романа. Однако в задачу писателя не входит показать полное преобразование героев: их поступки балансируют между звериностью и возможностью жертвы и покаяния, и весьма часто эта возможность не реализуется. Особенно ярко это видно ближе к финалу романа: обнажаются все желания героев, остается только нутро человеческое, жаждущее земного, телесного, а для этого зачастую нужно «сойти с Креста».

Ключевые слова: богочеловечество, человекобожие, сверхчеловек, Достоевский

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 января 2024 г.; отрецензирована 19 февраля 2024 г.; принята к публикации 20 марта 2024 г.

Для цитирования: Щепалина Е.А. «Обитель» Захара Прилепина: осмысление опыта христианской жертвенности в романе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 243–250. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-243-250>

© Щепалина Е.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

“The Abode” by Zakhar Prilepin: understanding the experience of Christian sacrifice in the novel

Ekaterina A. Shchepalina

Samara Theological Seminary, Samara, Russian Federation

✉ katerina-shchepalina@yandex.ru

Abstract. The author examines the peculiarities of understanding Christian traditional experience in Zakhar Prilepin’s novel “The Abode”. The historical novel of a modern writer, dedicated to the tragic theme of Solovki, in its own way speaks of Christian sacrifice and repentance. Martyrdom, suffering and compassion, which are natural to Christianity, become important spiritual foundations in the works of F.M. Dostoevsky and the figures of the Russian religious Renaissance with his ideas about “Godmanhood”, which is reflected in the novel “The Abode”: the struggle between the “Godmanhood” and the “Mangodhood” can be traced everywhere in the text. The novel interweaves both classical works of Russian literature and philosophical ideas about the “overman”, enhancing the intertextuality of the “The Abode”: to become a “man-beast” or to clarify the face of God in oneself – this is the spiritual and moral choice that the heroes of the novel face. However, the writer’s task is not to show the complete transformation of the characters: their actions balance between bestiality and the possibility of sacrifice and repentance, and very often this possibility is not realized. This is especially clearly visible closer to the end of the novel: all the desires of the heroes are laid bare, only the human inside remains, thirsting for earthly, bodily things, and for this it is often necessary to “come down from the Cross”.

Keywords: godmanhood, mangodhood, overman, Dostoevsky

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 5, 2024; revised February 19, 2024; accepted March 20, 2024

For citation: Shchepalina, E.A. (2024). “The Abode” by Zakhar Prilepin: Understanding the experience of Christian sacrifice in the novel. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 243–250. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-243-250>

Введение

«Обитель» Захара Прилепина, опубликованная в 2014 г., является заметным историческим романом современной русской литературы, обретшим уже киноинтерпретацию. Так, экранизация книги состоялась относительно недавно – в 2020 г. В качестве режиссера выступил Александр Велединский. Очевидно, что произведение интересно современникам, хотя и основывается на трагическом историческом опыте России, что во многом свойственно произведениям русской литературы в целом.

Важно отметить, что Соловки, ставшие основным местом действия романа Прилепина, относятся к числу важнейших духовных центров России, где, по замечанию академика Д.С. Лихачева, было и остается «исторически значительным все, что, так или иначе, отразилось в русском историческом процессе и что, в свою очередь, восприняло ведущие тенденции этого процесса, выразило собой эпоху и ее культуру» (Лихачев, 1980, с. 41).

Писатель обращается к изображению жизни в Соловецком лагере особого назначения, совмещая историческую правду (воспоминания, свиде-

тельства, документы, дневниковые записи, прототипы) с художественным вымыслом, что становится определяющей чертой поэтики произведения.

Роман Прилепина представляет собой художественное освоение исторического прошлого, неотъемлемой частью которого является христианский опыт страдания и сострадания.

Обсуждение

Переосмысление христианского опыта в романе. Соловки в романе являются не только советским проектом по перековке человека, но и некоей «возможностью покаяния», примером «метаопыта», где есть все: и историческое Православие, и «другое», личное страдание и личное христианство.

Захара Прилепина мало интересует догматика и традиционное подвижничество: христианство нужно ему, чтобы добраться до глубин человеческой сущности, поэтому в романе мы не найдем черт православной мемуаристики. Напротив, в произведение включен дневник Галины Кучеренко, чекистки и следователя Соловецкого лагеря, изобилующий натуралистическими подробностями. Нет в тексте и свидетельств мучеников или иных «жемчужин духа», как выражается священник Павел Умнягин, ответственный редактор книжной серии «Воспоминания соловецких узников», кандидат филологических наук, не увидевший в «Обители» особой нравственной доминанты¹.

Отличается роман и от традиций «лагерной прозы» А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова и других: текст Прилепина не базируется на личном экзистенциальном опыте напрямую. Однако не случайно в предисловии к роману возникает образ родового дома и прадеда Захара Петровича, пробывшего на Соловках 3 года за избиение уполномоченного. Текст все-таки обретает личный характер: перед нами не просто «игра» с прошлым и не только попытки избывания исторической травмы, но и некий проект по осмыслению природы человека.

Во многом поэтому герой романа Артем Горяинов – личность максимально дезориентированная: его отличают политическая и религиозная «безотцовщина» (показательно: сослан на Соловки Артем именно за отцеубийство, что дает еще аллюзии к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»). Христианское наследие Ф.М. Достоевского во многом помогает «открыть» текст Прилепина, хотя, конечно, в романе наблюдаются и другие отсылки к русской литературе («Белая гвардия» М.А. Булгаков, «Чайка» А.П. Чехов и т.д.).

Будучи духовной «*tabula rasa*», Горяинов не устремляется к нравственным подвигам добровольно, как это было свойственно героям русской классики. Так, если Дмитрий Карамазов принимает путь страданий, сознавая себя соучастником греха через соборное единство, потому что «все – дите» и крест не нуждается в иных оправданиях, то путь Горяинова – это страдание, *возможность жертвы, покаяния, «метанойи», «перемены ума»,* но по-

¹ Умнягин В., иер. Историческая достоверность и новизна романа «Обитель» в свете воспоминаний соловецких узников // Православие.ру. 2021, 14 июня. URL: <https://pravoslavie.ru/139869.html> (дата обращения: 15.02.2024).

ка еще не покаяние: человек как бы зависает на границе. Показательный момент: владычка Иоанн, образ которого является одним из ключевых в понимании христианства Прилепина, предлагает Артему Евангелие, но он его не берет – возможность остается нереализованной.

Владычка Иоанн занимает особое место в тексте романа: его проповеди не православно-канонические в прямом смысле этого слова. Речь идет о некоем надмирном всепрощающем христианстве. Слова владыки Иоанна о природе русского человека и сущности христианства становятся концептуально важными для всего романа: *«В раю нераспятых нет»*; *«...вы поместили в свой монастырь за колючку всех русских людей, дав всем аскезу и возможность стать иноками, равными Пересвету и Ослябе»* (Прилепин, 2015, с. 720, 725).

По Прилепину, у человека есть возможность прояснить лик, образ и подобие Божие в себе или окончательно расчеловечиться. Подобная постановка вопроса близка к традиционным представлениям о христианстве, но сам процесс прояснения лика Прилепин напрямую не показывает. Опыт христианской жертвенности нужен писателю как материал для переосмысления.

Артем Горяинов пытается избежать нравственного выбора, быть конформистом, формулируя собственные заповеди: *«Не показывай душу. Не показывай характер. Не пытайся быть сильным – лучше будь незаметным. Не груби. Таись. Терпи. Не жалуйся...»* (Прилепин, 2015, с. 125).

В связи с этим герой вполне комфортно чувствует себя в обществе Эйхманиса, очаровательного для него в своей «сверхчеловечности», вступает в «звериную» связь с Галиной.

«Богочеловеческое» и «человекобожеское» в романе. Образ сверхчеловека, явленный у Фридриха Ницше особенно ярко в его произведении «Так говорил Заратустра», стремится реализовать себя в процессе «воли к власти»: *«Только там, где есть жизнь, есть и воля: не воля к жизни, но – так я учу тебя – воля к власти!»* (Ницше, 2007, с. 120). Интересно, что, по мнению Эллен Мартин, сверхчеловек – это не новая антропологическая модель, а, скорее, аксиологический тип, «ценностные ориентации которого полностью лишены онтологической устремленности» в своей готовности преступить духовно-нравственные принципы (Мартин, с. 75, 80). Лишены «онтологической устремленности» и Эйхманис, и Галина, и подобные им личности в романе, мнящие себя новыми «богами» и проповедующие «религию» нового мира, в основе которой лежит не христианское «богочеловечество», а «человекобожие», сродни тому, что предлагает Великий Инквизитор в романе «Братья Карамазовы», желающий, по мысли К.В. Мочульского, «всеобщего счастья», связывающего бесчинную волю «чудом, тайной и авторитетом», чтобы «хлебом и зрелищами» собрать всех в единое послушное стадо (Мочульский, 1980, с. 510–511).

В подобный процесс оказывается втянут центральный герой Артем Горяинов: постепенно бесчеловечная система пытается поглотить его свободу, делая личность рабом страсти и идеи. Интересно, что через похожие процессы герои русской литературы уже проходили. Показательным в этом смысле является роман-антиутопия Е. Замятина «Мы», где человек превращается в

«нумера», лишённого воображения, не способного любить и критически мыслить. Так, судьба главного героя Д-503 печальна: пройдя через процедуру по удалению фантазии, он теряет глубину восприятия мира, его сознание меняется настолько, что герой бесстрастно наблюдает, как пытаются и казнят его бывшую возлюбленную I-330, которая смотрела на него, «пока глаза совсем не закрылись» (Замятин, 1989, с. 367). *«Это напомнило мне что-то», – скажет Д-503, улавливая тень прошлой жизни (Замятин, 1989, с. 367).*

Однако в отношении Артема Горяинова процесс расчеловечивания личности все же не завершен. Если Д-503 лишается возможности чувствовать и сострадать, то Горяинов готов умереть вместо Галины. Новый начальник лагеря Ногтев устраивает постановочный расстрел, когда должен погибнуть каждый десятый, в это число попадает и Кучеренко, и тогда Артем меняется местами с потенциальной жертвой, чтобы разделить с Галиной ту же мученическую участь, но этого не происходит: перед читателем лишь садистская психологическая игра Ногтева.

Горяинов, одержимый страстью, способен впустить в свое сердце жертвенную, милосердную любовь, однако Прилепин не спешит делать из героя мученика. Смерть Артема, напротив, дается на бытовом уровне: *«Артема Горяинова, как рассказал мне мой дед со слов прадеда, летом 1930 года зарезали блатные в лесу: он проходил мимо лесного озера, решил искупаться – на берегу, голый, поймал свое острие» (Прилепин, 2015, с. 743).*

Примечательно, что режиссер фильма «Обитель» меняет финальный эпизод романа: жертва все же принесена, хотя момент расстрела не вошел в ленту, но становится понятно, что последующие кадры-воспоминания обо всех героях и соловецких узниках в целом – это некий реквием. В конце киноленты явно чувствуется «богочеловеческий посыл», который не превращает готовящуюся казнь в шутку.

С подобным «богочеловеческим порывом» в романе «Обитель» соседствуют мысли о «человеке-звере», который, по словам Артема, носит «на дне своей души ад». В дневнике Галины читаем: *«Тут все говорят, что невиновны – все поголовно, и иногда за это хочется наказывать: я же знаю их дела, иногда на человеке столько грязи, что его закопать не жалко, но он смотрит на тебя совсем честными глазами. Человек – это такое ужасное» (Прилепин, 2015, с. 718).*

В таком случае «другой» воспринимается как носитель ада. Подобную мысль находим у философа-экзистенциалиста Жана-Поля Сартра: *«Так вот он какой, ад! Никогда бы не подумал... Помните: сера, решетки, жаровня... Чепуха все это. На кой черт жаровня: ад – это Другие» (Сартр, 1999, с. 22).* Можно сказать, что подобные мысли о некоей враждебности бытия, оставленности человека пронизывают философские искания XX в.

Мысли о расчеловечивании личности, о «человеке-звере», высказанные от лица Ивана Карамазова, находим в романе Ф.М. Достоевского: *«...Зверь никогда не может быть так жесток, как человек, так артистически, так художественно жесток. Тигр просто грызет, рвет и только это и умеет. Ему и в голову не вошло бы прибавить людей за уши на ночь гвоздями, если б он даже и мог это сделать»; «Я думаю, что если дьявол не существует и, стало быть, создал его человек, то создал он его по своему*

образу и подобию» (Достоевский, 1976, с. 217). Очевидно, что такие изречения могут принадлежать героям, не верующим в божественное начало в мире и в человеке.

Однако даже «в зверином» пространстве есть возможность жертвы. Священники в романе Прилепина, напротив, наставляют, стараются укрепить в вере, ободрить. Их понимание человеческого восходит и к христианской святоотеческой традиции, и, очевидно, к представлениям русского религиозно-философского Ренессанса, где, по словам В.С. Соловьева, *«с одной стороны, человек есть существо с безусловным значением, с безусловными правами и требованиями, и тот же человек есть только ограниченное и преходящее явление, факт среди множества других фактов, со всех сторон ими ограниченный и от них зависящий, – и не только отдельный человек, но и все человечество»* (Соловьев, 1994).

Значит, только лишь собственных усилий и страданий человеку будет недостаточно: в таком случае *«богочеловек»* и *«богочеловечество»* – это результат *«со-спасения»*, *«со-работничества»*, *«синергии»* Бога и человека. В итоге, *«подобно Христу, каждый человек может быть распят и обманут – в какой-то мере это происходит с каждым»* (Камю, 1990, с. 83). Сердцевина христианской жертвенности заключается в добровольном принятии своего креста, даже если вокруг слышны компрометирующие призывы: *«Спаси Себя Самого; если Ты Сын Божий, сойди с креста»* (Мф. 27: 40).

Об этом ярко свидетельствует владычка Иоанн, слова которого о вселюбви и покаянии во многом сопоставимы с поучениями старца Зосимы: *«Но самый худший запах, милый, идет от нераскаянного греха! Его смыть тяжелее всего!»* (Прилепин, 2015, с. 146). Старец Зосима проповедует такие же истины: *«Только бы покаяние не оскудело в тебе – и все Бог простит. Да и греха такого нет и не может быть на всей земле, какого бы не простил господь воистину кающемуся. Да и совершить не может совсем такого греха великого человек, который бы истощил бесконечную Божью любовь»*; *«Одно тут спасение себе: возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской»* (Достоевский, 1976, с. 48, 290).

Воплощением живой жертвы становится Секирка. Именно здесь звучат слова о Страстях Христовых: они не исходят от конкретного лица, но как будто принадлежат самому Богу: *«...воскрес Господь – и вся подлость и низость мирская обречены на смерть...»*, *«...всесильная Десница...»*, *«...мы не достойны мук Христа, но...»*, *«...мы недостойны, но... недостойны, но...»* (Прилепин, 2015, с. 511).

И хотя читателя не покидает ощущение царящего повсюду «ада преисподняго», именно здесь вступает в особую силу историческое Православие и упоминаются невинные агнцы, русские князья-мученики Борис и Глеб. Именно здесь убивший Бога в себе Артем фрагмент за фрагментом открывает закрашенную фреску. Это открытие образа Божия внутри себя: *«...изображенный на ростиси человек был бы очень похож на него самого»* (Прилепин, 2015, с. 522).

Кульминацией романа становится своеобразная общая исповедь, которая перерастает еще и в телесную соборность: заключенные греют друг друга телами, чтобы не умереть от холода (этот момент ярко продемонстрирован и в фильме). Рядом и батюшка Зиновий-юродивый, попрошайка,

проявляющий перед лицом власти удивительное мужество, и поэт Афанас, предавший Артема, и Василий Петрович, которому не дает покоя служба в контрразведке, и отцеубийца Артем. Грех не миновал никого, но у всех есть возможность очищения.

Иоанн продолжает проповедь: *«Сказано было: кто оберегает свою жизнь, тот потеряет ее, а кто потеряет свою жизнь ради Господа нашего – тот сбережет ее»* (Прилепин, 2015, с. 520). В этих словах очевидна модификация стиха Евангелия от Иоанна, который Ф.М. Достоевский взял в качестве эпиграфа к «Братьям Карамазовым»: *«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода»* (Ин. 12: 14).

Однако Прилепин не дает однозначные оценки поступкам героев: скорее, он заявляет о *возможности* жертвы, которая для некоторых героев так и остается возможностью. Например, Галина, которая идет на риск-жертву и решает бежать с Артемом из лагеря, проявляет сострадание и, рискуя, спасает иностранцев. Но, когда дело касается собственного благополучия и Кучеренко грозит разоблачение, а значит – потеря статуса, возможные заключение и гибель, она тут же выдает спасенных за иностранных шпионов.

Похожим образом обстоит дело и с уже упомянутым финалом романа: возвышенное желание Артема отдать «жизнь свою за други своя» (Ин. 15: 13) приземляется шуткой Ногтева, демонстрирующего окружающим свою безграничную власть над личностью.

Заключение

Захар Прилепин, отталкиваясь от христианских взглядов, от опыта русской классики, показывает бытие человека как возможность жертвы, «метанойи», однако «перемена ума» в традиционном смысле слова зачастую с героями не происходит: мы видим постоянный баланс человека между адом и раем, звериным и жертвенным. Все Соловки становятся таким «порогом», местом Божьего пощущения, да и шире – вся Россия, о чем автор прямо говорит в послесловии: *«В России все Господне пощущение. Ему здесь нечем заняться. Едва Он, утомленный и яростный, карающую руку вознеся, обернется к нам, вдруг сразу видит: а вот мы сами уже, мы сами – ребра наружу, кишки навыпуск, открытый перелом уральского хребта, голова раздавлена, по тому, что осталось от лица, ползает бесчисленный гнус»* (Прилепин, 2015, с. 703).

Итак, можно заключить, что многовековой христианский опыт в романе «Обитель» переосмысливается: перед читателем *возможность покаяния, возможность жертвы и Воскресения*, но не сама их духовная реальность. Прилепин, будучи человеком современного литературного пространства, не проставляет однозначных ценностных ориентиров, предлагая читателю самому погрузиться в текст и историко-культурный контекст эпохи.

Список литературы

- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 томах. Л.: Наука, 1976. Т. 14. 514 с.
Замятин Е. Мы // Собрание сочинений: в 5 томах. М.: Русская книга, 2003. Т. 2. С. 211–368.
Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.

- Лихачев Д.С.* Соловки в истории русской культуры // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М.: Искусство, 1980. С. 9–42.
- Мартин Э.* Идея сверхчеловека в философии Ф. Ницше: новые ценности за гранью человечности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 22. № 6. С. 74–82.
- Мочульский К.В.* Достоевский. Жизнь и творчество. Париж: YMCA-Press, 1980. 561 с.
- Ницше Фр.* Полное собрание сочинений: в 13 томах / Институт философии. М.: Культурная революция, 2007. Т. 4. 432 с.
- Прилепин З.* Обитель: роман. М.: АСТ, 2015. 746 с.
- Сартр Ж.-П.* Грязными руками. Пьесы. М.: АСТ, 1999. 432 с.
- Соловьев В.С.* Чтения о богочеловечестве // Чтения о богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров...»: краткая повесть об Антихристе / В.С. Соловьев; сост. и прим. А.Б. Муратов. СПб.: Художественная литература, 1994. 528 с. URL: <http://lib.ru/HRISTIAN/SOLOWIEW/chteniya.txt> (дата обращения: 15.02.2024).

References

- Dostoevsky, F.M. (1976). *Complete works* (vol. 14). Leningrad: Nauka. (In Russ.)
- Zamyatin, E. (2003). *We. Collected Works* (vol. 2, pp. 211–368). Moscow: Russkaya Kniga Publ. (In Russ.)
- Camus, A. (1990). *The rebellious man*. Philosophy. Policy. Art. Moscow: Politizdat Publ. (In Russ.)
- Likhachev, D.S. (1980). Solovki in the history of Russian culture. Architectural and Artistic Monuments of the Solovetsky Islands (pp. 9–42). Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)
- Martin, E. (2022). The idea of the overman in F. Nietzsche's philosophy: New values beyond humanity. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 22(6), 74–82. (In Russ.)
- Mochulsky, K.V. (1980). *Dostoevsky. Life and art*. Paris: YMCA-Press. (In Russ.)
- Nietzsche, Fr. (2007). *Complete works* (vol. 4). Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya Publ. (In Russ.)
- Prilepin, Z. (2015). *The abode*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)
- Sartre, J.-P. (1999). *With dirty hands. Plays*. Moscow: AST Publ. 432 p. (In Russ.)
- Soloviev V.S. (1994) Readings about God-manhood. In V.S. Soloviev, *Readings about God-manhood. Articles. Poems and Poetry. From "Three Conversations...": A Short Story about the Antichrist* (A.B. Muratov, Comp. and Approx). St. Petersburg: Khudozhestvennaya Literatura Publ. (In Russ.) URL: <http://lib.ru/HRISTIAN/SOLOWIEW/chteniya.txt> (accessed: 15.02.2024).

Сведения об авторе:

Щепалина Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры классического и зарубежного языкознания, Самарская духовная семинария, Российская Федерация, 443110, Самара, ул. Радонежская, д. 2; исполнитель проекта, отдел сопровождения научных проектов, Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского, Российская Федерация, 191011, Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанки, д. 15, лит. А. ORCID: 0009-0003-6459-1081. E-mail: katerina-shhepalina@yandex.ru

Bio note:

Ekaterina A. Shchepalina, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of the Classical and Foreign Linguistics, Samara Theological Seminary, 2 Radonezhskaya St, Samara, 443110, Russian Federation; project executor, Scientific Project Support Department, Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky, 15 Naberezhnaya Reki Fontanki, lit. A, St. Petersburg, 191011, Russian Federation. ORCID: 0009-0003-6459-1081. E-mail: katerina-shhepalina@yandex.ru

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ
FOREIGN LITERATURES

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-251-259

EDN: SJYSCC

УДК 821.161.1-31Достоевский+811.111(73)+94(470)"17"

Научная статья / Research article

**Отражение творчества Ф.М. Достоевского
в романе У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!»**

Ю.А. Романов

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 romanov-yua@rudn.ru

Аннотация. В рамках сопоставительного анализа творчества Ф.М. Достоевского и У. Фолкнера рассмотрена реализация архетипической модели сознания и поведения «человека из подполья» (нашедшей свое наиболее полное воплощение в образе героя-рассказчика повести Достоевского «Записки из подполья») в характере Томаса Сатпена – главного героя романа Фолкнера «Авессалом, Авессалом!». Отмечается факт появления устойчивой ассоциации творчества Фолкнера с романами Достоевского уже к началу 1940-х гг., давшей впоследствии импульс для ряда сопоставительных исследований не только в западной литературной критике, но и (позднее) в отечественном литературоведении. Черты человека из «подполья» (неприятие Божьего мира, Человекобожество, осознание своего несоответствия идеалу, жестокая самоказнь и эстетизация ее, нравственное отчуждение и духовный распад) реализованы во многих героях произведений Достоевского и Фолкнера (Раскольников, Свидригайлов, Ипполит Терентьев, Ставрогин, Аркадий Долгорукий, Иван Карамазов; молодой Баярд Сарторис, Квентин Компсон, Джо Кристмас). Относительно Томаса Сатпена в критике давно уже устоялось мнение о том, что, рассматривая таких героев Достоевского, как Раскольников и Аркадий Долгорукий, можно практически во всех деталях увидеть его портрет-прообраз. В данной исследовании, учитывая то, что в характере Томаса Сатпена воплощено «подполье» «ставрогинского» типа (без самоказни героя за собственное несоответствие идеалу), проведено сопоставление Ставрогин – Сатпен. Николай Ставрогин совершал чудовищные злодеяния ради эстетизации своего безнравственного бытия. Томас Сатпен, стремившийся любой ценой основать свою династию, шел на любые преступления для достижения своей цели. Но оба героя, поправ чувства людей, выпали из человеческого рода и потерпели сокрушительное поражение.

Ключевые слова: компаративные исследования, архетип, «человек из подполья»

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Романов Ю.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 15 января 2024 г.; отрецензирована 15 марта 2024 г.; принята к публикации 15 апреля 2024 г.

Для цитирования: Романов Ю.А. Отражение творчества Ф.М. Достоевского в романе У. Фолкнера «Авессалом, Авессалом!» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 251–259. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-251-259>

Reflection of the works of F.M. Dostoevsky in W. Faulkner's novel "Absalom, Absalom!"

Yuri A. Romanov

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ romanov-yua@rudn.ru

Abstract. As part of comparative studies of the works of F.M. Dostoevsky and W. Faulkner, the implementation of the archetypal pattern of “underground” thinking and behaving (most completely embodied in the narrator of Dostoevsky’s novella “Notes from Underground”) in the character of Thomas Sutpen, the main character of Faulkner’s novel “Absalom, Absalom!”, is considered. The mere appearance of a stable association of Faulkner’s works with Dostoevsky’s novels by the early 1940s which subsequently gave impetus to a number of comparative studies not only in Western literary criticism but also (later on) in national literary studies is noted. The traits of the Underground Man (non-acceptance of God-created world, Man-god consciousness, awareness of inconsistency with Man-god ideal, cruel self-punishment and aesthetization of it, moral alienation, and spiritual decay) are realized in many characters of Dostoevsky and Faulkner (Raskolnikov, Svidrigailov, Ippolit Terentyev, Stavrogin, Arkady Dolgoruky, Ivan Karamazov; young Bayard Sartoris, Quentin Compson, Joe Christmas). As for Thomas Sutpen, the opinion has long been established in criticism that considering such characters of Dostoevsky as Raskolnikov and Arkady Dolgoruky, one can discover a portrait, which prefigures his character in almost every detail. In this study, given that Thomas Sutpen is the bearer of the “underground” of the “Stavrogin” type (without self-punishment for inconsistency with the ideal), a comparison between Stavrogin and Sutpen is made. Nikolai Stavrogin committed monstrous crimes for the sake of anesthetization of his immoral existence. Thomas Sutpen who sought to establish his dynasty at any cost went to any crime to achieve his goal. But both of them, trampling on the feelings of people, fell out of the human race and suffered a crushing defeat.

Keywords: comparative studies, archetype, Underground Man

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 15, 2024; revised March 15, 2024; accepted April 15, 2024.

For citation: Romanov, Yu.A. (2024). Reflection of the works of F.M. Dostoevsky in W. Faulkner’s novel “Absalom, Absalom!”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 251–259. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-251-259>

Введение

Обладая ярким литературным талантом, выдающийся американский писатель Уильям Фолкнер прокладывал свой путь в литературу, несомненно, усваивая достижения великих предшественников; по его же собственно-

му сравнению, это происходило подобно тому, как «плотник, работая учеником, изучает работу мастера» (Фолкнер, 1985, с. 126). В литературной «учебе» подобного рода немалая роль принадлежала русской классике – как отмечала в своем эссе «Русские реалисты и южная литература» (1941) яркая представительница «южной традиции» в литературе США Карсон Маккаллерс, вся современная «южная» проза (в которую к тому времени уже внес свой весомый вклад в том числе и Фолкнер) казалась ей наиболее обязанной русской литературе; казалась порождением русских реалистов, таких как Достоевский, Толстой, Чехов и др. (McCullers, 2005). При этом влияние творчества Ф.М. Достоевского на художественный мир У. Фолкнера отмечалось уже ранее: известная в 1920–1930 гг. американская писательница Эвелин Скотт в эссе, посвященном роману Фолкнера «Шум и ярость», сравнивала одного из его персонажей, Бенджи, с главным героем романа Достоевского «Идиот» еще в 1929 г. (Scott, 1982, p. 116); в том же году Лайл Саксон, писатель и журналист, работавший в газете „The Times-Picayune“ в Новом Орлеане, писал об авторе романа «Шум и ярость», что многие сочтут его сумасшедшим, однако если он и одержим безумием, то в той же мере, что и Достоевский (Saxon, 1982, p. 82); в 1931 г. британский писатель Дерек Петмор, оценивая «Шум и ярость» со сходных позиций (как исследование безумия) и отмечая, что темная угроза безумия поглощает жизни всех персонажей этой книги, разрушая их, в то же время признавал, что она обладает огромной силой и напоминает о Достоевском (Patmore, 1982). После выхода в свет романа «Святылище» американский журналист и литературный критик Джон Чемберлен, автор ревью «Тень Достоевского на глубоком Юге», отмечал, что этот роман Фолкнера более близок «Братьям Карамазовым», чем какой-либо американской книге (Chamberlain, 1931). В 1933 г. в своем отклике на роман Фолкнера «Свет в августе» (1932) влиятельный английский литературный критик Фрэнк Реймонд Ливис рассматривал образ героя романа Джо Кристмаса в контексте проблематики Достоевского (Leavis, 1933, p. 92). В эссе, опубликованном в феврале 1938 г., Жан-Поль Сартр писал о «человеке» Фолкнера, что о нем можно думать так же, как о «человеке» Мередита – как о божественном животном, живущем без Бога, потерянном с момента своего рождения, стремящемся разрушить себя и затем чудесным образом спасающемся в последние минуты, предшествующие смерти (Sartre, 1985, p. 142).

Таким образом, уже к началу 1940-х гг. в западной литературной критике творчество Фолкнера устойчиво ассоциировалось с романами Достоевского, что впоследствии дало импульс для целого ряда сопоставительных исследований (работы К. Абернати (K. Abernathy), М. Блоштейн (M. Bloshteyn), Э. Брикера (E. Bricker), Э. Васиолека (E. Wasiolek), Ж. Вайсгербе (J. Weisgerber), А. Герарда (A. Guerard), Дж. Келлогга (J. Kellogg), А. Писани (A. Pisani), Л. Роммель (L. Rommel), Дж. Смита (J. Smith), Р. Чеппля (R. Chapple) и др.); в отечественном литературоведении влияние творчества Достоевского на художественный мир Фолкнера и традиции рус-

ского классика, воплотившиеся в нем, отмечались в трудах Н.А. Анастасьева, А.В. Банах-Маникиной, Б.Т. Грибанова, В.А. Костякова, А.Н. Николукина, П.В. Палиевского, Ю.А. Романова, Ю.И. Сохрякова, К.А. Степаняна и др. (о направлениях сопоставительного анализа творчества Достоевского и Фолкнера см.: Romanov, 2021).

Сам Фолкнер, еще в юности мотивируемый своим наставником Филиппом Стоуном (а позднее – и Шервудом Андерсоном (Bloshteyn, 2004, p. 72)), несомненно, читал произведения русской классики и, конечно же, Достоевского, о значимости которого позднее (во время беседы со студентами и преподавателями в Виргинском университете 13 марта 1957 г.) недвусмысленно заявил: «Он не только сильно повлиял на меня – я получаю огромное удовольствие, постоянно перечитывая его, я перечитываю его примерно каждый год. Его мастерство, проникновение в человеческую душу, способность к состраданию делают его писателем, к которому хотели бы приблизиться многие, если бы могли. Он был одним из тех, кто оставил неизгладимый след» (Фолкнер, 1985, с. 289).

Обсуждение

Как указывает известный бельгийский компаративист Жан Вайсжербе, Фолкнер читал «Преступление и наказание» Достоевского до написания «Святылища» (1931); его «Сарторис» (1929), «Шум и ярость» (1929), «Когда я умирала» (1930) тоже отмечены «печатью» Раскольников (Weisgerber, 1968, p. 182). В другой своей работе (в известной книге «Фолкнер и Достоевский: влияние и слияние», впервые опубликованной на французском языке) Вайсжербе отмечает, что каталог библиотеки Фолкнера свидетельствует о его растущем интересе к русскому автору в 1931–1936 гг. – именно в эти годы она пополнилась такими произведениями Достоевского, как «Братья Карамазовы», «Бедные люди», «Преступление и наказание», «Бесы»; однако исследователь не склонен преувеличивать важность подобных фактов, предпочитая опираться на «множественность аналогий» (Weisgerber, 1974, p. 228), выявляемых в ходе компаративного анализа творчества американского и русского писателей.

Что касается романа «Авессалом, Авессалом!», Вайсжербе упоминает слова дедушки Квентина Компсона на тему о страдании детей («дедушка привел цитату: „Пустите детей приходить ко мне и не препятствуйте им“, и добавил: интересно, что господь бог хотел этим сказать? Если он хотел сказать, что детям приходится просить разрешения приблизиться к нему, то что же за землю он тогда создал? А если дети должны страдать, чтобы приблизиться к нему, то что же тогда у него за небеса?») в качестве аллюзии на аргументацию Ивана Карамазова против Бога, а также вопрос, обращенный к Квентину – «Почему ты ненавидишь Юг?» – как «гипотетическое» отражение восклицания Федора Павловича Карамазова: «Друг мой, если бы ты знал, как я ненавижу Россию...» (Weisgerber, 1974, p. 236).

По мнению А.В. Банах-Маникиной: «Анализ рецепции Фолкнером романа „Братья Карамазовы“ и реализации семейной проблематики в романе Фолкнера „Авессалом, Авессалом!“ позволяет с достаточной степенью уве-

ренности говорить о созданной американским писателем модели, типологически сходной со „случайным семейством“ Достоевского, условно названной нами „разрушенным южным семейством“» (Банах-Маникина, 2006, с. 19).

В настоящем исследовании мы исходим из того, что в творчестве Достоевского (как и в произведениях Фолкнера) реализована модель сознания и поведения «подпольного» героя, ставшего «частью словаря современной культуры» и достигшего, подобно Гамлету, Дон Кихоту, Дон Жуану и Фаусту, «положения одного из величайших архетипических образов» (перевод наш. – Ю.Р.) (Frank, 1986, p. 310).

Слагаемые этой модели, ее алгоритм наиболее полно отражены в характере безымянного героя-рассказчика повести Достоевского «Записки из подполья», которую справедливо называют не только «пролегоменами ко всему художественному творчеству Достоевского послекаторжного периода» (Долинин, 1922, с. 323), но и «прологом к литературе XX в.» (Гарин, 1997, с. 112).

Наделенный трагическим восприятием жизни, обостренным вниманием к негативным ее сторонам, а главное – притязанием на Человекобожеское сознание, человек из «подполья» не принимает Божий мир, бунтует против него; миру, созданному Богом, противопоставляет идеалы «всего прекрасного и высокого» (Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 102), отводя себе роль Наполеона, способного изменить презренный мир согласно своей героической воле. Но осознавая собственное несоответствие идеалу, он жестоко казнит себя; при этом самоказнь переходит в болезненное эстетическое наслаждение. Отделенный от мира добровольным самоуничижением, он «манкировал свою жизнь нравственным растлением в углу, недостатком среды, отвычкой от живого и тщеславной злобой в подполье» (Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 178).

Модель «подпольного» сознания (Человекобожество, собственное несоответствие идеалу, жестокая самоказнь и эстетизация ее, нравственное отчуждение и духовный распад) реализована во многих персонажах произведений Достоевского (Раскольников, Свидригайлов, Ипполит Терентьев, Ставрогин, Кириллов, Аркадий Долгорукий, Версиков, Иван Карамазов); если рассматривать в рамках этого подхода творчество Фолкнера, то становится очевидным, что «подпольные» черты отражены в таких его героях, как, например, молодой Баярд Сарторис, Квентин Компсон, Джо Кристмас, Томас Сатпен.

В частности, в образе Раскольникова прослеживается практически весь алгоритм модели сознания и поведения «подпольного» героя. Не принимая Божий мир, Раскольников, еще «быв в университете, почти не имел товарищей, всех чуждался, ни к кому не ходил и у себя принимал тяжело. <...> Был... как-то надменно горд и несообщителен... Иным товарищам его казалось, что он смотрит на них на всех, как на детей, свысока...» (Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 43). Оставив университет, проживая в своей «камерке», он «решительно ушел от всех, как черепаха в свою скорлупу, и даже

лицо служанки... возбуждало в нем желчь и конвульсии» (Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 25–26). Таким образом, уже исходную ситуацию Раскольникова в сюжете романа можно назвать «подпольной». Не принимая Божий мир, Раскольников вынашивал идею о том, чтобы стать вровень с Наполеоном – сильной личностью, сверхчеловеком, способным властвовать над людьми и даже, во имя своих целей, распоряжаться жизнями. Но, совершив кровавое преступление, Раскольников оказался неспособным жить без нравственных страданий – так, как (по его представлению) мог жить Наполеон, не останавливавшийся перед кровью, – и, стало быть, проявил полное несоответствие своему идеалу. За это несоответствие он жестоко казнил себя, что привело его к еще большему отчуждению.

С наименьшей остротой «подпольная» матрица реализована и в образе центрального персонажа романа «Подросток» Аркадия Долгорукого. С ранних лет его отличало трагическое осознание человеческого неблагообразия, усиленное насмешками товарищей в пансионе у Тушара над его «подлым» происхождением. Противостояло трагедии бытия в сознании героя его страстное мечтательство под одеялом о «деспотическом могуществе», «уединенном и спокойном сознании силы», которое должно было настать с осуществлением идеи «стать Ротшильдом, стать так же богатым, как Ротшильд» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 74, 66). При этом уединение становилось для Аркадия единственным исходом, независимо от собственной способности соответствовать идеалу. (Такие его высказывания, как: «Моя идея – угол. <...> ...моя идея именно в том, чтоб оставили меня в покое» (Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 48) – звучат вполне афористично.)

По мысли Ж. Вайсгербе, рассматривая данных героев Достоевского (Раскольникова, Аркадия Долгорукого), можно практически во всех деталях увидеть портрет-прообраз Томаса Сатпена (Weisgerber, 1974, p. 241) – бельгийский исследователь сопоставляет теорию Раскольникова, «ротшильдский» план Аркадия Долгорукого и план по достижению богатства и установлению династии Томаса Сатпена.

На наш взгляд, в характере главного героя романа «Авессалом, Авессалом!» Томаса Сатпена (как и в персонажах произведений Достоевского) отчетливо проявляется модель сознания и поведения человека из «подполья». Свообразие ее воплощения состоит в том, что у Томаса Сатпена «подполье» «ставрогинского» типа (без самоказни за собственное несоответствие идеалу), поскольку данный герой, как и Николай Ставрогин, отражает «притязание гордыни сатанинской» – «быть самому Богом, быть выше Бога» (Лосский, 1922, с. 68); скваттер Уош Джонс, знавший «мистера Тома» почти 20 лет, «смотрел на Сатпена и думал: *Прекрасный гордый человек. Если бы сам господь сошел с небес и стал ходить по матери-земле, он захотел бы быть таким, как он*» (Фолкнер, 2001, т. 4, с. 532) (здесь и далее курсив У. Фолкнера. – Ю.Р.). Подобно Ставрогину, не испытывавшему мук совести даже после такого чудовищного злодеяния, как «поstupок» с Матрешей (не мог он переносить только неэстетический «ее тогдашний вид»,

ее «образ» – «на пороге, с своим поднятым и грозящим <...> кулачком», ее «кивание головой»), а также и других (вскользь упомянутых) преступлений, которые «может быть получше и этого» (Достоевский, 1972–1990, т. 11, с. 22), Томас Сатпен не испытывает никакого чувства вины ни перед пятнадцатилетней внучкой преданного ему Уоша Джонса – Милли, ни перед самим Уошем, ни перед своими детьми – Генри и Джудит, ни перед сыном от первого брака – Чарльзом Боном, чью мать он «отстранил», «убедившись в ее несоответствии его замыслу» (Фолкнер, 2001, т. 4, с. 501) (в ее жилах текла негритянская кровь). Именно его действие (по раскрытию правды о Чарльзе для Генри) и бездействие (непризнание Чарльза как сына) привели к тому, что Джудит овдовела, не успев выйти замуж, а Генри стал убийцей своего брата, которого боготворил. Как пояснял Фолкнер, последнему нужно было лишь признание от отца (Томаса Сатпена), после чего он бы уехал; но старик боялся, что Чарльз этого не сделает, а это разрушило бы все, чему Томас Сатпен посвятил всю свою жизнь (Фолкнер, 1985, с. 354). Проявив намерение жениться на Джудит (отправка ей письма), которого раньше не проявлял (знание того, что в его жилах течет негритянская кровь, огорчило бы ее), он сознательно идет на самоубийство, с пронзительным трагизмом заявляя брату Генри на его искреннее « – Ты мой брат»: « – Ничего подобного. Я черномазый, который намеревается спать с твоей сестрой. Если ты меня не остановишь, Генри»; и, держа пистолет за ствол, протягивает рукоятку Генри с просьбой сделать это «сейчас» (Фолкнер, 2001, т. 4, с. 601).

Ставрогин совершал чудовищные злодеяния из неприятия Божьего мира и ради эстетизации своей безнравственной жизни. Последний свой бунт против Бога он осуществил (несмотря на боязнь самоубийства), сметая себя с земли «как подлое насекомое» с помощью молотка, куска мыла, большого гвоздя и крепкого шелкового «снурка», очевидно припасенных «про запас» (Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 514, 516).

Безнравственный и жестокий Томас Сатпен, стремившийся создать свой род, по словам Фолкнера, «убрал бы любого человека, который бы встал у него на пути»; эстетизм для него заключался в самой идее достичь богатства и основать династию, и к тому же этим он «отомстил бы тому слуге из Виргинии, который велел ему пройти через черный ход» (Фолкнер, 1985, с. 353), жестоко унизив его (знаковый эпизод у парадной двери плантаторского дома, когда ливрейный лакей отправил четырнадцатилетнего Сатпена (посланного с каким-то поручением) к заднему крыльцу, даже не выслушав его, что послужило отправной точкой для замысла плана по обретению богатства и бегства из дома ради его воплощения). Бесславная кончина Сатпена в округе Йокнапатофа была предопределена уже тогда, когда на его свадьбу с Эллен Колдфилд из сотни приглашенных почти никто не пришел – боясь и ненавидя Сатпена за его жестокость, люди не пришли на его свадьбу «просто потому, что они не хотели иметь» с ним «дело» (Фолкнер, 1985, с. 295).

Заключение

При реализации модели сознания и поведения «подпольного» героя в персонажах Ф.М. Достоевского и У. Фолкнера в доминантной роли неизменно выступают такие качества, как Человекобожество и эстетизм. Человекобожество рождается от неприятия героем Божьего мира и притязания его сатанинской гордыни на то, чтобы самому быть Богом и даже выше Бога (Н.О. Лосский). В том случае, когда герой осознает тщетность притязания своей гордыни и (следовательно) собственное несоответствие идеалу, он предается жестокой самоказни, которая, хотя и носит эстетический характер и доставляет герою «решительное» наслаждение, ведет его к полной самоизоляции и обуславливает нравственную гибель. При кажущемся отсутствии противоречия между притязанием гордыни героя и его поведением в презираемом им мире у него возникает потребность в совершении омерзительных поступков для эстетизации своего безнравственного бытия. Именно таков Николай Ставрогин в романе Достоевского «Бесы»; таков и готовый на любые преступления Томас Сатпен в романе Фолкнера «Авессалом, Авессалом!». О герое, в образе которого отражены сознание и поведение человека из «подполья», можно сказать словами Фолкнера: такой герой «попирает чувства людей», «не понимает того, что сам принадлежит человеческому роду», «такие люди рано или поздно терпят поражение» и достойны «жалости» (Фолкнер, 1985, с. 295–296).

Список литературы

- Банах-Маникина А.В.* Тема «случайного семейства» в творчестве Ф.М. Достоевского и ее рецепция в США: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 25 с.
- Гарин И.И.* Многоликий Достоевский. М.: ТЕРРА, 1997. 396 с.
- Долинин А.С.* Достоевский и Герцен // Статьи и материалы / Ф.М. Достоевский; под ред. А.С. Долинина. Пб.: Мысль, 1922. С. 275–324.
- Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 томах. Л.: Наука, 1972–1990.
- Лосский Н.О.* О природе сатанинской // Статьи и материалы / Ф.М. Достоевский; под ред. А.С. Долинина. Пб.: Мысль, 1922. С. 67–92.
- Фолкнер У.* Собрание сочинений: в 9 томах. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001.
- Фолкнер У.* Статьи, речи, интервью, письма. М.: Радуга, 1985. 488 с.
- Bloshteyn M.R.* “Anguish for the Sake of Anguish” – Faulkner and His Dostoevskian Allusion // *The Faulkner Journal*. 2004. Vol. 19. No. 2. Pp. 69–90.
- Chamberlain J.* Dostoyefsky’s Shadow in the Deep South // *New York Times Book Review*. 1931, 15 February. P. 9.
- Frank J.* Dostoevsky: The Stir of Liberation, 1860–1865. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1986. 395 p.
- Leavis F.R.* Dostoevsky or Dickens? // *Scrutiny*. 1933. Vol. II. No. 1. Pp. 91–93.
- McCullers C.* The Russian realists and southern literature // *The Mortgaged Heart. Selected Writings* / ed. by M.G. Smith. Boston – New York: A Mariner Book, Houghton Mifflin Company, 2005. Pp. 252–258.
- Patmore D.* A study in madness // *Critical Essays on William Faulkner: The Compson Family* / ed. by A.F. Kinney. Boston: G.K. Hall, 1982. P. 97.
- Romanov Yu.* The reflection of Dostoevsky’s Underground Man in Faulkner’s Sartoris // *Quaestio Rossica*. 2021. Vol. 9. No. 4. Pp. 1458–1472. <http://doi.org/10.15826/qr.2021.4.649>

- Sartre J.-P.* William Faulkner's Sartoris // Critical Essays on William Faulkner: The Sartoris Family / ed. by A.F. Kinney. Boston, 1985. Pp. 142–146.
- Saxon L.* A family breaks up // Critical Essays on William Faulkner: The Compson Family / ed. by A.F. Kinney. Boston: G.K. Hall, 1982. Pp. 81–82.
- Scott E.* On William Faulkner's The Sound and the Fury // Critical Essays on William Faulkner: The Compson Family / ed. by A.F. Kinney. Boston: G.K. Hall, 1982. Pp. 115–118.
- Weisgerber J.* Faulkner and Dostoevsky: Influence and confluence. Athens: Ohio University Press, 1974. 383 p.
- Weisgerber J.* Faulkner's monomaniacs: Their indebtedness to Raskolnikov // Comparative Literature Studies. 1968. Vol. 5. No. 2. Pp. 181–193.

Сведения об авторе:

Романов Юрий Александрович, кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра русского языка № 2, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-7819-3119. E-mail: romanov-yua@rudn.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-260-269

EDN: SNAEXX

УДК 82.0

Научная статья / Research article

«Расходящиеся тропки» как принцип конструирования пути героя: вариации в «Стеклянном городе» П. Остера

Д.В. Шулятьева

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация*
✉ dshulyatyeva@hse.ru

Аннотация. Рассматривается принцип конструирования пути героя в раннем романе современного писателя Пола Остера. Уже в «Стеклянном городе» наблюдается интерес писателя к проблематизации более традиционной повествовательной формы: все большее внимания уделяется не столько конструированию событий, в действительности происходящих с героем, сколько указанию на события, которые могли бы произойти, но не случились в пределах повествовательного мира. Такая работа с событием вписывает повествовательный поиск Остера в обширную традицию, по-своему проблематизирующую возможные миры в повествовании. Цель исследования – проанализировать приемы, позволяющие осуществить данную проблематизацию. Одним из приемов для создания таких возможных миров становится дизнаррация, которая позволяет – благодаря указаниям на возможное альтернативное развитие событий – создавать возможные миры внутри повествования и даже превращать их в контрфактуальные. Испытывая интерес к этой проблематике, Остер в раннем романе тоже создает путь своего героя по принципу вариаций – последовательного предъявления читателю тех путей, по которым герой мог бы пройти, но которые все-таки в его жизни остались нереализованными. Так, Остер в повествовании осмысляет идею о «расходящихся тропках» Борхеса, попутно откликаясь на кинематографические повествовательные эксперименты, которые предпринимались режиссерами во второй половине XX в. Он последовательно развивает и собственный повествовательный эксперимент, ведь спустя несколько десятилетий после «Стеклянного города» принцип «расходящихся тропок» будет воплощен в романе «4321» уже не только на уровне конструирования персонажей, но и на уровне всей повествовательной конструкции, которую потому можно определить как разветвленную.

Ключевые слова: дизнаррация, разветвление, возможные миры, вариативность

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15 января 2024 г.; отрецензирована 15 марта 2024 г.; принята к публикации 15 апреля 2024 г.

© Шулятьева Д.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Шулятьева Д.В. «Расходящиеся тропки» как принцип конструирования пути героя: вариации в «Стеклянном городе» П. Остера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 260–269. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-260-269>

“Forking Paths” as a principle for constructing the hero’s path: variations in P. Auster’s “City of Glass”

Dina V. Shulyatyeva

HSE University, Moscow, Russian Federation

✉ dshulyatyeva@hse.ru

Abstract. The author examines the principle of constructing the hero's path in an early novel by the contemporary writer Paul Auster. In “City of Glass” Auster has already undertaken the problematization of a more traditional narrative form: he pays increasing attention not so much to constructing events that actually happen to the hero, as to pointing out events that could have happened, but did not happen within the narrative world. Such work with the event fits Auster's narrative search into an extensive tradition that problematizes possible worlds in the narrative in its own way. One of the techniques for creating such possible worlds is disnarration, which allows – due to indications of a possible alternative development of events – to create possible worlds within the narrative and even turn them into counterfactual ones. Feeling an interest in this problematic, Auster in his early novel also creates the path of his hero on the principle of variations – consistently presenting to the reader those paths that the hero could have followed, but which nevertheless remained unrealized in his life. This is how Auster in the narrative comprehends the idea of Borges' “forking paths”, simultaneously responding to the cinematic narrative experiments that were undertaken by directors in the second half of the 20th century. In this way he consistently develops his own narrative experiment, because several decades after the “City of Glass”, the principle of “forking paths” will be fully embodied in his novel in “4321” not only at the level of character construction, but at the level of the entire narrative structure, which therefore can be defined as forking-path narrative.

Keywords: disnarration, possible worlds, variations

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 15, 2024; revised March 15, 2024; accepted April 15, 2024.

For citation: Shulyatyeva, D.V. (2024). “Forking Paths” as a principle for constructing the hero’s path: Variations in P. Auster’s “City of Glass”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 260–269. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-260-269>

Введение

Пол Остер – классик современной литературы – испытывает особый интерес к тому принципу конструирования повествовательных миров, который, вслед за знаменитой формулой Х.-Л. Борхеса, можно назвать «расходящимися тропками». Такой принцип – разветвления, варьирования – используется им при создании повествовательного мира на самых разных его уровнях: на уровне работы с событийностью, со временем повествования, а также при создании самого героя. Герой у Остера включает в себя

(как будто) сразу нескольких: и в повествовании читателю последовательно предъявляется сразу несколько путей, по которым он мог бы пройти, – так, в его романах предпринимается попытка размышления не только о том, что с героем в действительности произошло, но и о том, что только могло бы произойти, но в пределах повествовательного мира не случилось.

С этой точки зрения Пол Остер развивает ту повествовательную линию, которая уже была намечена в прозе предшествующих эпох (например, в «Рождественской песне» Ч. Диккенса) и которая описывалась исследователями при помощи понятия «дизнаррация» (Prince, 1988). Дизнаррация в повествовании предполагает указание на то, что не случилось с героем, но могло бы произойти, тем самым открывая для читателя возможность размышления не столько о произошедшем, сколько о потенциальном (Lambrou, 2019; Warhol, 2011). Проблематизация дизнаррации позволяет создавать в повествовании, наряду с фактуальными мирами, миры контрфактуальные (Dannenberg, 2008), наряду с актуальными событиями – события лишь возможные, виртуальные (Ryan, 1991). Дизнаррация в повествовании может быть как имплицитована, так и эксплицитована: в случае с романом Остера мы имеем дело с эксплицитацией потенциального, предпринятой на уровне варьирования пути героя.

Роман Остера «Стеклянный город» рассматривался исследователями не единожды: в интермедийном контексте (в сравнении с адаптациями, принятыми художниками) (Coughlan, 2006; Bökös, 2014), с точки зрения языковой игры в романе (Söderlind, 2011), с вниманием к метафизическому измерению нарратива (Smith, 2002). Исследованию подвергалась трансформация детективной жанровой конвенции (Nealon, 1999; Golden, 2004; Little, 1997), репрезентация травматического опыта в его повествовании (Shostak, 2009), однако специального исследования дизнаррации в его романе пока не было.

Обсуждение

Вариации персонажа в «Стеклянном городе». Уже в первом романе из «Нью-Йоркской трилогии» Остер предпринимает попытку такого размышления: в «Стеклянном городе» он использует принцип варьирования пути героя в качестве той самой дизнаррации, о которой писал Дж. Принс. Воплощение такого принципа позволяет внутри повествовательного мира создать альтернативные возможные миры, наполнить этот повествовательный мир не только актуальным (в действительности произошедшим), но и виртуальным (потенциальным). Так, разные персонажи, которые возникают в романе, нередко представляют собой заочные вариации главного героя – и именно на этой динамике (варьирования пути героя) и строится повествование в «Стеклянном городе».

В центре внимания читателя оказывается герой-писатель, который к тому же довольно быстро начинает примерять на себя роль детектива, и такое совмещение ролей – вовсе не только попытка построить собственное романное повествование в диалоге с детективной жанровой традицией, но и сигнал читателю о подчеркнутой метарефлексивности произведения, ведь

фигура детектива сама по себе нередко воспринимается как метафора не только писателя, но и читателя: «читая роман, читатель повторяет тот самый процесс познания, в котором участвует его герой, он настраивается на тот же ритм, чередующий загадки и разгадки, затруднения и их разрешения» (Зенкин, 2018, с. 303).

Роман начинается с неожиданного звонка, раздающегося в квартире главного героя – писателя Куина. Звонит незнакомец, настаивает на разговоре с неким Полом Остером, который (он и только он) может помочь ему с расследованием. Но главный герой – (пока) не детектив, и взяться за дело не может, поэтому с некоторым недоумением отклоняет предложение. Звонки с настойчивой регулярностью повторяются, раз за разом воспроизводя примерно один и тот же разговор, и вот уже главный герой вовлечен в этот странный процесс: он вроде бы (все еще) не Пол Остер и не детектив, но порученное ему дело уже ведет и от нового имени не отказывается.

Как нередко бывает у Остера (Alvarez, 2018), его главный герой «многослоен»: он и нью-йоркец по имени Куин, он и автор детективных романов, публикуемых под псевдонимом Уильям Уилсон, он «сближается» с повествователем собственных романов Марком Уорком, он становится (в чем-то неожиданно для себя) и сыщиком – тоже с чужим именем (Пол Остер), и отзвуком героя Эдгара По, и фланером Бодлера, блуждающим по городу пешком, и преломлением героя-фотографа (тоже в чем-то фланера) из фильма Антониони «Фотоувеличение». Герой не только скрывает внутри себя несколько ролей, но и расширяется вовне благодаря персонажам-отражениям, которые, по сути, воплощают разные варианты его собственной судьбы. Таков Питер Стилмен, который и просит Куина заняться расследованием: говоря о себе (в режиме полусвязной речи, имитирующей речь психически нездорового человека), он несколько раз возвращается к одной и той же формуле, повторяет, что имен у него много, а каждый день он рождается заново и проживает новую жизнь. В действительности «новая жизнь» каждый раз у него лишь воображаемая, поскольку по сюжету вследствие странных языковых экспериментов отца он в течение 9 лет не выходил из дома, оставаясь в темной пустой комнате, да и после освобождения из плена продолжил вести затворнический образ жизни все в той же темноте, но только теперь по собственной воле. Впрочем, затворничество не помешало ему (с его же слов) менять имена и менять роли – и в эту игру воображаемых разветвлений он втягивает и главного героя – Куина. Но Питер – не единственный персонаж, расширяющий главного героя. Таков и старший Стилмен – то ли безумец, то ли маньяк, профессор, проводивший языковые эксперименты над собственным сыном, в результате оказавшийся в психиатрической лечебнице и в момент рассказа вышедший на волю. Сюжетно он, кажется, совсем не похож на главного героя, но сходство все-таки есть и обнаруживается им самим, причем от читателя не скрывается, а предьявляется демонстративно – в последних словах главы (то есть в той зоне текста, которую «слепой» назвать совсем нельзя, скорее, наоборот – только сильной, наиболее заметной).

За старшим Стилменом герою поручено следить, и вот он оказывается на вокзале, где должен его встретить: уже предсказуемо в контексте идеи разветвления на глаза ему попадает не один Стилмен, а сразу два – они похожи друг на друга, как две капли воды, но никак не связаны, это не оптическая иллюзия, не сон, не наваждение, повторяет про себя главный герой, это два отдельных персонажа, которые, вместе с этим, движутся в разных направлениях, и, чтобы продолжить слежку, главному герою нужно выбрать только одного. Конечно, введение в сюжет подобных двойников – буквальное воплощение идеи разветвления, развилки, на которой находится герой, предъявление ему выбора, который он должен совершить. Здесь, в «Стеклянном городе», выбор этот сделать еще необходимо – т.е. нужно пройти только по одной тропке, неизменно отбрасывая вторую, тогда как в более позднем развитии этой идеи у Остера (например, в романе «4321»), разветвленная повествовательная форма позволит и герою, и читателю этот выбор не делать, а, наоборот, прожить все возможные варианты одного и того же события – подобно тому, как эти варианты предлагаются уже здесь, в раннем романе Остера, но пока еще сводятся к единственному выбору и к единственной линии развития персонажа.

В романе не только подчеркивается совмещение нескольких ролей в главном герое, но и их борьба: Куин сражается то с Уилсоном, то с Уорком, то – чуть позже – с Остером, и все это происходит внутри него самого; за этой борьбой скрывается и желание каждого из персонажей стать главным героем, перетянуть повествовательное одеяло на себя, и метатекстуальное размышление о тех возможностях, которые повествование может предоставлять: о его скрытом разветвлении, вариациях, развилках, открывающихся раз за разом, но и исчезающих – в тот момент, когда выбранной оказывается только одна, а остальные – по воле нарративной логики – опущены.

Такой же «выбор» возникает, когда в процессе расследования главный герой сталкивается с загадочными инициалами: «Ш.Б.». Что за ними скрывается, размышляет он: Шервуд Блэк, Шарль Бодлер, Шекспир и Бэкон, Шалтай-Болтай? Можно ли узнать, что было скрыто в этих инициалах, частью какого имени они являются? Вероятно, нет, нельзя, но можно перепрочитать всю рассказанную историю заново, посмотрев на нее через призму всех возможных вариаций. Подобная попытка в романе, кажется, предпринимается (не только задумываться о возможностях, но и буквально представлять их в тексте), когда происходит встреча сыщика и объекта его наблюдения: фольклорным (то есть в чем-то условным) образом он подходит к нему три раза, чтобы завязать разговор, и каждый раз один не узнает другого, видит в нем кого-то нового, называет его новым именем, как будто бы прокручивая одно и то же событие (встреча, знакомство) каждый раз заново, как будто бы отвечая на вопрос «Как это могло произойти иначе»? самым дискурсивным событием.

Этот вопрос – может быть, ключевой для идеи о «расходящихся тропках» – то и дело мерцает и в размышлениях главного героя: он задумывает-

ся, как представленное в повествовании событие могло быть описано глазами другого (например, Марка Уокера), как по-другому можно было бы реагировать на то или иное событие, как иначе можно было бы действовать в той же ситуации, задумывается – но ничего из этого не показывает непосредственно в повествовании, оставляя читателю только указание на то, что каждое представленное в романе событие могло бы быть описано иначе и свершиться иначе, скрывая на уровне репрезентации всю палитру вариаций, но явно направляя читательское воображение в эту сторону (реконструирования всех возможных вариантов).

После встречи на вокзале главный герой продолжает следовать за Стилменом по городу, и слежка длится не один день: раз за разом и шаг за шагом он проходит намеченный им путь, удваивая его и телесно, и мысленно, в попытке понять, почему тот выбирает именно этот, а не другой, маршрут. Конечно, в городе Остера отчетливо проступает идея лабиринта, тоже связанная с концепцией «расходящихся тропок». Если город предоставляет множество путей на выбор, то каждый раз можно выбирать иной, новый, каждый раз можно осваивать одно и то же предоставляемое герою пространство новыми тропами. Именно так, в общем, и действует Стилмен старший. До поры не разгаданной тайной остается только одно: куда ведут выбранные им дороги и что обозначает это его блуждание. Понять происходящее герою помогает письмо и изображение: он тщательно фиксирует все передвижения своего объекта, создавая собственную (и их совместную) карту города, теперь размеченную уликами, следами, указателями, ведущими к одному – к пониманию того, что за перемещениями по городу стоит попытка начертить собственным телом буквы, превратить город-лабиринт в огромный бумажный лист, по которому человек двигался бы так, как будто бы он и есть алфавит, а алфавит становился бы самим человеком.

В главном герое сокрыт не только писатель, но и, конечно, читатель, отражение которого Остер предлагает для сопоставления уже читателю реальному: сначала Куину предлагают быть кем-то другим (детективом Остером), соотносить себя с ним – но предложение странное, да и рискованное, и он отказывается; настойчивость этих предложений постепенно вовлекает его в этот мир другого, и вот уже он начинает действовать, осваивая предложенный ему город подобно тому, как читатель движется по тексту, совершая свое расследование-исследование: собирая улики, подмечая детали, ища похожее и находя различия; затем этот герой-читатель уже не может отделить себя от предложенной ему роли другого, да и не хочет: он всецело поглощен разгадкой шифра, языка, посланного ему сообщения, скрытого в телесных движениях по городу пешком; и вот, наконец, он – и «внутри» этого другого (видит его глазами и видит его со стороны, шагает вслед за ним, подражая его движениям), и унесен далеко прочь: ведь для того чтобы разгадать «шифр», на город, по которому движется человек-алфавит, необходимо посмотреть с высоты птичьего полета, и только так можно понять отправленное сообщение.

Обнаружение «читателя» в герое-писателе происходит уже в самом начале его расследования: вот он знакомится с Питером, заказчиком, несколько часов внимает его малосвязной речи вот он подбирает в магазине тетрадь, чтобы начать свои заметки (и даже эта незатейливая операция показывается Остером с акцентом на выборе, который герою предлагается: есть одна, другая, третья тетрадь, думает он, но я выбираю именно эту, красную). Затем он берется за письмо: и в сущности воспроизводит только что показанный в повествовании разговор, но уже иначе – и повторяя его (фабульно), и варьируя (дискурсивно): причем герой-«читатель» не пересказывает, он именно задается вопросами, и эти вопросы касаются, конечно, не того, что было сказано, а того, что было опущено, но что с рассказанным связано напрямую – касаются, иными словами, лакун, расставленных в монологе Питера. Фактически вопрошание главного героя, пытающегося и вспомнить только что произошедшее, и его осмыслить, и его описать (нарративизировать), – и есть та операция, которой обычно занят читатель, когда он погружается в художественный мир и взаимодействует с ним. Неудивительно поэтому, что глава, посвященная такому повторению с вариациями, заканчивается точкой, в которой сходится «я» главного героя и его собеседника: он повторяет ту же фразу, что неоднократно произносил Питер («это не мое настоящее имя»), но только присваивая ее уже самому себе, воспроизводя от своего лица и своим голосом.

Подобное воплощение читателя в главном герое происходит и тогда, когда он взаимодействует уже со Стилменом-старшим: он так тщательно повторяет его путь и шаги, так вживается в его мир и в его размышления, что даже в момент, когда Стилмен внезапно исчезает, главный герой продолжает воспроизводить это подобие, продолжает ему подражать (телесно): «магия больше не действовала», думает он, «однако тело об этом еще не догадывалось».

Конечно, велик соблазн и реального читателя погрузить в то же подражательное состояние – вынудить его так же, как делал когда-то писатель Куин, бродить за главным героем по городу-тексту, превращая его в карту, ловя мельчайшие повороты и изменения траектории: и это, разумеется, происходит, когда в повествовании с особой избыточностью описывается путь главного героя по городу. Теперь читателю (реальному) недостаточно только вглядываться в собственное отражение, созданное героем, так похожим на образ читателя; теперь ему нужно действовать – и самому идти (как в видеоигре) по городу пешком, чтобы увидеть на карте причудливый узор: окружности, расходящиеся из одной точки.

Обилие предлагаемых читателю развилок совмещается у Остера с парадоксальным контрастом – неожиданно исчезает и объект наблюдения (Стилмен-старший, человек-алфавит), превращаясь «в запятую» (цитата), и заказчики расследования (Стилмен-младший и его жена), да и, в конце концов, и сам главный герой тоже исчезает, превращаясь не в точку, нет, оставляя после себя «буквы на бумаге» (красную тетрадь, в которой фиксировал все наблюдения во время расследования).

Подобно герою «Фотоувеличения» Антониони, герой Остера тоже проникается «странной властью исчезновения», оставляя читателя лицом к лицу с невидимым, нерасказанным, скрытым, лакунированным всем тем, что прячется за представленными в повествовании событиями и что захватывает читательское воображение, движимое вопросом: «что было бы, если».

Заключение

В чем, в сущности, конститутивный принцип романа Остера, движимый размышлением о разветвлении? За стеклянным городом у него прячется зеркальный лабиринт, который (подобно тексту) можно пройти разными путями. Но сам роман – все, что в нем представлено – лишь айсберг, скрывающий за собой подводный мир – мир нерасказанного, превосходящего по объему рассказанное. Именно на это свойство повествования как такового, по-видимому, и указывает Остер, постоянно направляя читательское воображение в сторону размышления о том, что не произошло с героем, но могло бы произойти. Да, события в романе репрезентированы линейно, но работа с главным героем и его внутренним и внешним расширением, с его отражениями – движение в сторону формирования разветвленного повествования (*forking-path narrative*), которое к тому же сопровождается проблематизацией и других категорий, которые окажутся для Остера значимыми и впоследствии: случая, орнамента, лабиринта.

В том, как в «Стеклянном городе» Остер работает с вариациями персонажа, каждая из которых как будто бы предлагает ему новую, иную судьбу, он явным образом пересекается с К. Кесьлевским, чье влияние он не только не отрицал, но иногда и подчеркивал. Кесьлевский, размышляя о разветвлении теперь уже в кино, действительно многим напоминает Остера. Так, например, устроен его фильм «Двойная жизнь Вероники», в котором тоже возникает идея разветвления – как раз на уровне варьирования персонажей.

Мир «Двойной жизни...» делится на два: две Вероники, две страны (Польша и Франция), два города (Краков и Париж), две жизни, развивающиеся параллельно, но напоминающие одна другую, и, главное, – две Вероники сыграны одной актрисой, не отличимые, но не знающие о существовании друг друга. Два пути, идущие параллельно: одна (полячка) умирает раньше, другая – предчувствуя опасность смерти – печального исхода избегает; одна отзеркаливает другую и продолжает ее прервавшийся путь. В конечном счете, в фильме возникает момент (показанный рано, но понятый и осмысленный позже, ближе к финалу), в котором одна Вероника обнаруживает другую – не прямо, лишь опосредованно. Будучи на экскурсии в Кракове, француженка, снимая достопримечательности, случайно объективом захватила и польскую Веронику, и фотография – много времени спустя – ей это узнавание открыла. Фотография – встреча реальности и вымысла, видимого и иллюзорного, появляется у Кесьлевского так же, как впоследствии появится у Остера в «4321». А пока «Стеклянный город» пугающе похож (но написан раньше): тоже герой, встречающий на улице свое отражение; то же

(многократное) удвоение; то же размышление о возможности пройти путь иначе, по-другому, помноженное на постмодернистскую рамку метарефлексивности, в которой герой – не только отражение размышления о человеке и вариативности его судьбы, но и отражение осмысления персонажа и его пути внутри повествовательного мира.

«Стеклянный город» уже, как это будет и в более позднем романе, полон отсылок к Борхесу и осмысления его художественных констант: здесь и лабиринт, и вымысел, и вавилонская башня, и мир, понимаемый как библиотека, и предатель, и герой, и, конечно, сад расходящихся тропок как концепт, столь интересный Остеру на разных уровнях. Мир «Стеклянного города» металептичен, в нем легко попираются фикциональные границы, и движение насквозь проходит в обе стороны: от повествователя к герою и обратно – до полной неразличимости одного и другого, вплоть до вопроса, кто же управляет этим миром, кому здесь принадлежит право голоса, право конструирования истории и распределения персонажных ролей. Кесьлевский хотел, чтобы в каждом кинотеатре был показан разный финал «Вероники»: технически осуществить это было невозможно, но сам по себе замысел показательный. Заодно с Остером, осмысляя идею о «расходящихся тропках», они стремятся сделать повествование незавершаемым – только продолжая тем самым размышление о разветвлении.

Список литературы

- Зенкин С.Н.* Теория литературы: проблемы и результаты. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Alvarez M.* Paul Auster's Ghosts. The Echoes of European and American Tradition. Lexington Books, 2018.
- Bökös B.* Palimpsestuous intermediality: Paul Auster's "City of Glass" (1985) and "City of Glass: The Graphic Novel" (1994) // *Hungarian Journal of English and American Studies*. 2014. Vol. 20. No. 2. Pp. 101–119.
- Coughlan D.* Paul Auster's "City of Glass": the graphic novel // *Modern Fiction Studies*. 2006. Vol. 52. No. 4. Pp. 832–854.
- Dannenberg H.* Coincidence and counterfactuality: plotting time and space in narrative fiction. University of Nebraska Press, 2008.
- Golden C.* From punishment to possibility: Re-imagining Hitchcockian paradigms in "The New York Trilogy" // *Mosaic: An Interdisciplinary Critical Journal*. 2004. Vol. 37. No. 3. Pp. 93–108.
- Lambrou M.* Disnarration and the unmentioned in fact and fiction. London: Palgrave Pivot, 2019.
- Little W.G.* Nothing to go on: Paul Auster's "City of Glass" // *Contemporary Literature*. 1997. Vol. 38. No. 1. Pp. 133–163. <https://doi.org/10.2307/1208855>
- Nealon J.T.* Work of the detective, work of the writer: Auster's City of Glass // *Detecting Texts: The Metaphysical Detective Story from Poe to Postmodernism* / ed. by P. Merivale, S.E. Sweeney. University of Pennsylvania Press, 1999. Pp. 117–133.
- Prince G.* The disnarrated // *Style*. 1988. Vol. 22. Pp. 1–8.
- Ryan M.-L.* Possible worlds, artificial intelligence and narrative theory. Bloomington: University of Indiana Press, 1991.
- Shostack D.* In the country of missing persons: Paul Auster's narratives of trauma // *Studies in the Novel*. 2009. Vol. 41. No. 1. Pp. 66–87.

Smith H. “A labyrinth of endless steps”: fiction making, interactive narrativity, and the poetics of space in Paul Auster’s *City of Glass* // *Australasian Journal of American Studies*. 2002. Vol. 21. No. 2. Pp. 33–51.

Söderlind S. Humpty Dumpty in New York: Language and regime change in Paul Auster’s “*City of Glass*” // *Modern Fiction Studies*. 2011. Vol. 57. No. 1. Pp. 1–16.

Warhol R. Dickens narrative refusals // *Counterfactual Thinking – Counterfactual Writing* / ed. by D. Birke, M. Butter, T. Koeppel. Berlin: De Gruyter, 2011. Pp. 227–240.

Сведения об авторе:

Шулятьева Дина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент школы философии и культурологии, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0001-7498-7395. E-mail: dshulyatyeva@hse.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-270-277

EDN: SNCYDC

УДК 82.01

Научная статья / Research article

Вещная деталь: говорящие функции предметов одежды в изображении персонажей Ги де Мопассана

К.Н. Галай¹, С.В. Ананьева²

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Алматы, Республика Казахстан

 galay-kn@rudn.ru

Аннотация. Рассматривается описательная техника героев в рамках вещной детали французским писателем Ги де Мопассаном с точки зрения «индексов» Р. Барта. Цель исследования – объяснение говорящих функций предметов одежды в изображении персонажей в новеллах Ги де Мопассана. Ставится задача прояснить изображение вещного мира в качестве одной из стилевых доминант французского писателя как реалиста и натуралиста. Выдвигается общий тезис о том, что в сочинениях Ги де Мопассана большое значение уделяется описанию внешнего вида персонажа, которое несет в себе такие функции, как культурологическая, или культурно-историческая, характерологическая и, наконец, символическая. Французский писатель использует детали, которые помогают понять и интерпретировать чувства персонажей, выраженных в позе, походке, жестах рук и, конечно же, одежде. Р. Барт называл это «индексами», основанными на таких конкретных элементах, как внешний вид человека (телосложение или одежда). Теоретические семиотические исследования дают основания для тематического распределения «индексов», начиная от внешности персонажа и его телесных характеристик и заканчивая его одеждой, которые характеризуют его личность. Во многом именно благодаря такого рода элементам описание персонажей становится наиболее понятным читателю.

Ключевые слова: индексы, вещная деталь, одежда, индексы, Ги де Мопассан

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено в рамках программно-целевого финансирования BR21882298 «Литературоведение и искусствоведение Казахстана в контексте концептуальной эволюции мирового гуманитарного знания».

Вклад авторов. К.Н. Галай – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи. С.В. Ананьева – сбор и обработка данных, анализ материала, редактирование рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 января 2024 г.; отрецензирована 13 февраля 2024 г.; принята к публикации 16 марта 2024 г.

Для цитирования: Галай К.Н., Ананьева С.В. Вещная деталь: говорящие функции предметов одежды в изображении персонажей Ги де Мопассана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 270–277. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-270-277>

Material detail: the communicative functions of clothing items in depicting characters by Guy de Maupassant

Karina N. Galay¹ , **Svetlana V. Ananyeva²**

¹*RUDN University, Moscow, Russian Federation*

²*Institute of Literature and Art named after M.O. Auezova, Almaty, Republic of Kazakhstan*

 galay-kn@rudn.ru

Abstract. The research delves into Guy de Maupassant's narrative technique of character portrayal through the lens of Roland Barthes' concept of “indexes”, focusing particularly on the significance of material details, especially clothing, in his novellas. The primary objective is to elucidate how clothing items serve as communicative tools in shaping characters in Maupassant's works, thereby highlighting their cultural-historical, characterological, and symbolic functions. By analyzing the interplay between characters' physical appearances, gestures, and attire, Maupassant effectively conveys their inner emotions and traits to the reader. Barthes' notion of “indexes”, grounded in concrete elements like outward appearance and clothing, provides a theoretical framework for understanding the thematic distribution of these details, which range from physical attributes to sartorial choices, all of which contribute to character development. Ultimately, it is through such meticulous attention to detail that Maupassant's characters become vivid and relatable to readers, enriching the narrative experience.

Keywords: material detail, clothing, materiality of clothing, indices, Guy de Maupassant

Acknowledgements and Funding. The research was carried out within the framework of program-targeted funding BR21882298 “Literary and art criticism of Kazakhstan in the context of the conceptual evolution of global humanitarian knowledge”.

Author's contribution. Galay Karina – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing. Ananyeva Svetlana – data collection and editing, analysis of material..

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 5, 2024; revised February 13, 2024; accepted March 16, 2024.

For citation: Galay, K.N., & Ananyeva, S.V. (2024). Material detail: The communicative functions of clothing items in depicting characters by Guy de Maupassant. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 270–277. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-270-277>

Введение

Произведения французского писателя XIX в. Ги де Мопассана поражают манерой изображать своих персонажей. Он не просто, он оживляет их в мире, который кажется читателям реальным. Для изображения персонажей Ги де Мопассан пользуется детальными штрихами, которые связаны с внешностью, одеждой, обстановкой, в которую они вписаны, предметами, которыми они окружены, жестах, движениями, тембром голоса и, наконец,

множеством внешних объектов, которые служат для характеристики персонажей и помогают читателям глубже их понять.

Его разнообразные произведения невозможно рассматривать с точки зрения сторонников психологического подхода, когда мысли и чувства персонажей изображаются «изнутри». Мопассан скорее пишет свои произведения, в которых «персонаж изображен извне, в его позах, его многочисленных словах, которые говорят сами за себя» (Vial, 1971, p. 405). И здесь можно говорить о невербальной коммуникации, которая играет существенную роль в творчестве Ги де Мопассана. Французский писатель сообщает читателю не только о характере своего персонажа, его вкусах и привычках или о его чувствах, но также раскрывает самые потаенные его мысли и чувства, для которых он предпочитает использовать символы.

Сам Мопассан утверждал, что именно благодаря такому подходу автор сможет показать чувства своего персонажа через «внешнее», и это гораздо сильнее тронет читателя, чем если он будет долго описывать чувства своих героев. В предисловии к роману «Пьер и Жан» и в письмах к друзьям Ги де Мопассан писал, что хочет найти в романе не психологический анализ эмоций персонажей, а описание внешних признаков их эмоций, и, кажется, что он не сомневается в универсальном характере такого рода знаков – они в большинстве случаев интерпретируются одинаково даже спустя столетия (Bonnefis, 2005, p. 15).

Обсуждение

В целях структурного анализа произведения обычно выделяют уровни повествовательного текста. Ролан Барт в своей работе «Введение в структурный анализ повествовательного текста» предложил выделять три уровня описания, которые связаны между собой и имеют смысл только в совокупности: уровень «функций», уровень «действий» и уровень «повествования». Р. Барт предлагает, в первую очередь, определять минимальные повествовательные единицы, которые связаны между собой одной по смыслу, так как в каждой функции таится некий смысл («семья») с точки зрения понимания, «о чем оно сообщает», а не благодаря способу сообщения.

Описательную технику Мопассана можно охарактеризовать тем, что Ролан Барт называл «индексами». По мнению ученого, индексы – это нарративные элементы, которые вне зависимости от формы предполагают «метафорические релятивы», каждый из которых представляет собой семантическую единицу, так как относится к имплицитному означаемому, которое Р. Барт квалифицирует как что-то более или менее необходимое, чтобы дать подсказки относительно персонажей, касающиеся их характера, личности и пр. (Barthes R., 1966, p. 3). Такого рода единицы отсылают «не к следующей за ней и ее дополняющей единице, а к более или менее определенному представлению, необходимому для раскрытия сюжетного смысла». Чтобы пришло понимание смысла такого «индекса», при анализе произведения необходимо перейти на более высокий уровень – уровень действия или понимания.

В любом случае «индексы», определенные Р. Бартом, являются чисто текстовыми элементами, однако они, тем не менее, основаны на таких конкретных элементах, как внешний вид человека (телосложение или одежда), тембр голоса или интерьер. Во многом именно благодаря такого рода эле-

ментам описание персонажей становится наиболее понятным читателю. Таким образом, теоретические семиотические исследования дают основания для тематического распределения «индексов», начиная от внешности персонажа и его телесных характеристик и заканчивая его одеждой или предметами интерьера, которые характеризуют его личность.

Одежду персонажей причисляют, как правило, к категории вещной детали. Наиболее, на наш взгляд, привлекательно охарактеризовал эту деталь А.П. Чудаков, который понимал под вещью те «мыслимые реалии, из которых состоит изобразительный мир литературного произведения и которые располагаются в художественном пространстве и живут в художественном времени» (Чудаков, 1986, с. 18).

В сочинениях Ги де Мопассана описанию внешнего вида персонажа уделяется большое значение. Соответственно, описание, по мнению теоретиков литературного творчества, может нести в себе несколько функций, таких, как культурологическая, или культурно-историческая, характерологическая и, наконец, символическая. Все они имеют большое значение и способствуют углубленному пониманию литературного произведения. Однако в теории легче развести эти функции, тогда как на практике одна и та же деталь может выполнять несколько функций.

Культурологические детали способствуют зримому воплощению национальных, сословных и др. особенностей и являются общими знаками отображаемой эпохи. В произведениях французского автора часто встречается описание одежды людей, говорящей об их социальной и профессиональной принадлежности. Таким образом формируются представления читателя о прошлой или настоящей эпохе и, в частности, о фасонах одежды во времена Ги де Мопассана (Галай, 2013, с. 149).

Например, в рассказе «Зверь дяди Бельома» Ги де Мопассан описывает нормандских селян. «На всех пассажирах были синие блузы поверх старомодных суконных курток странного покроя, черных или зеленоватых – парадной одежды, в которой они покажутся только на улицах Гавра; на голове у каждого башней высилась шелковая фуражка – верх элегантности в нормандской деревне». Достаточно детальное описание костюмов он сопровождает подробными и иногда ироническими комментариями. Иначе это было бы понятно только для жителей Нормандии XIX в. В рассказе «Веревочка» есть полное описание одежды тех же нормандских селян: «На мужчинах были синие блузы, накрахмаленные до блеска, как будто покрытые лаком; по обшлагам и по вороту шел незатейливый узор, вышитый белыми нитками...». В этом же рассказе есть и описание того, во что одеты женщины тех мест и тех времен: «Их тощие плечи были окутаны коротенькой узкой шалью, заколотой булавкой на плоской груди; голову прикрывала белая козырька, туго стягивавшая волосы, а поверх был надет чепец».

В этих и смежно-схожих рассказах Ги де Мопассан описывает быт деревенских жителей. Рассказы о крестьянстве он выделил в отдельный цикл. Чаще всего в нем представлены фермеры Нормандии. Эти произведения Ги де Мопассана представляют определенную этнографическую ценность: они дают представления о жизни, нравах, одеждах фермеров XIX в. Примечательно, что у французского автора крестьяне выглядят почти одинаково.

Создается впечатление, что они живут в совершенно равных условиях. «Крестьянские рассказы, – отмечает Ю. Данилин, – может быть, замечательнейшие образцы новеллистики Мопассана: в них все полно запахов полей, зелени, деревни...» (Данилин, 1968, с. 149).

Естественно, автор не обошел своим вниманием и людей совершенно другого социального класса – более высоких сословий, аристократии. В своих рассказах он также дал своеобразный культурологический обзор светского общества через описание одежды персонажей.

Начнем с такого известного мопассановского рассказа, как «Бесполезная красота», любимого рассказа самого автора. Описывая театральную ложу, которая была доступна только для богатых и знатных людей, автор как бы вскользь упоминает и об одежде: «...мужчины в цилиндрах, в глубоко вырезанных жилетах, открывавших белоснежные сорочки, на которых сверкало золото и драгоценные камни запонок, оглядывали ложи, где декольтированные женщины в бриллиантах и жемчугах казались цветами в ярко освещенной оранжерее». В рассказе «Свидание» нет прямых описаний одежды, есть только упоминание о наряде молодой светской женщины. Собираясь на свидание с любовником, она выходит из дома «в шляпке, в накидке, с черной вуалью на лице, с другой вуалью в кармане... Сев в карету, она тотчас же доставала из кармана вторую вуаль, густую, черную, как полумаска, и опускала ее на глаза». Но даже такие не слишком подробные описания одежды дают читателю представления о моде мопассановского времени. Интересны и даже забавны в этом рассказе внутренние «жалобы» героини, указывающие на то, какая мода была у женщин и как им было нелегко одеваться. «Боже, до чего трудно было раздеваться без горничной! Один раз еще куда ни шло, но каждую неделю... это становилось нестерпимым. Нет, право же, мужчина не должен требовать от женщины такой жертвы. Если раздеваться было трудно, то одеваться уж просто невозможно, хотелось кричать от злости, хотелось закатить пощечину этому господину, который неловко вертелся вокруг, говоря: «Разрешите вам помочь?» Помочь? Ах, но как? На что он годился? Стоило посмотреть, как он держит в руке булавку, чтобы это понять». Такие описания, связанные с одеждой, также несут ярко выраженную культурологическую функцию, они дают представления о моде и нравах, царящих в светском обществе XIX в.

Рассказы о чиновниках занимают значительное место в творчестве Ги де Мопассана. Мелкий чиновный люд он назвал «армией обтрепанных бедняков». Он характеризовал своих героев-чиновников через описания их поведения, их манер и особенно часто посредством описания их одежды. Говоря о том, во что одеты чиновники, Ги де Мопассан предлагает также и определенный культурологический аспект своему читателю. Вот, например, описание чиновника в рассказе «Наследство»: «Г-н Торшбеф казался совсем крохотным в сюртуке, украшенном огромной орденской розеткой... Необыкновенных размеров череп, на котором сидела широкополая шляпа, давил на тщедушное тело... и черный слишком узкий галстук». Ги де Мопассан описывает чиновников, как правило, иронично и порой уничижительно. У него все как бы понятно и однозначно: и тяжелая жизнь чиновников, и их отупение на работе (Тroyat, 1994, p. 104).

В рассказе «Мой дядя Жюль» есть описание обычных нарядов на воскресную прогулку. Глава семейства был «в сюртуке и перчатках, с цилиндром на голове», а его жена «разукрашена, словно корабль в праздничный день». Или в рассказе «Господин Паран» есть также описание обычной одежды, характерной именно для Франции XIX в.: «Степенно прохаживались парами кормилицы, распутив по спине длинные разноцветные ленты своих чепцов, неся на руках что-то белое, утопающее в кружевах; девочки с голыми икрами, в коротких платьицах вели серьезные разговоры... сторож в зеленом мундире расхаживал среди детворы...». Приведем еще пример из рассказа «Маленькая Рок». В этом произведении мы узнаем, какой была одежда у почтальонов того времени – «синяя блуза, туго подпоясанная черным кожаным ремнем». А вот один из мэров небольшого городка. На нем обязательная «белая рубашка... полотняный пиджак... большая широкополая шляпа из мягкого серого фетра».

Естественно, одежда многое может сказать о человеке. Она характеризует человека, которому принадлежит. Вещи могут говорить об эмоциональном состоянии персонажа, о его вкусах, образованности, воспитании и культуре. И даже о его отношении к самому себе. В некоторых рассказах «вещная» характеристика становится основной в изображении некоторых натур (Gadomska, 2001, p. 14).

Например, в рассказе «Дочка Мартена» Ги де Мопассан описывает богатого фермера, которого читатель встречает возвращающегося с мессы: «Он был не в крестьянской блузе, которую презирал, а в серой суконной куртке и в котелке с большими полями». Таким образом, посредством вещной детали автор характеризует высокомерное отношение богатого человека к его более бедным собратьям.

А вот в рассказе «Воскресные прогулки парижского буржуа» через описание одежды персонажей автор показывает читателю жизнь обыкновенного мелкого чиновника. Главный герой этого рассказа – некий Патиссо – буквально-таки ошеломлен открывшимся ему зрелищем, когда пришел в гости к своему коллеге: «Открыв калитку, он очутился лицом к лицу с неопишуемым существом, которое, по-видимому, все же было женщиной. Грудь ее была обмотана грязным тряпьем, юбка ключьями свисала с бедер...». Здесь одежда является прямым показателем жизни мелкого чиновника. Впечатления грязи, создаваемое этой женщиной, еще более усиливается при появлении ее мужа, в «воскресной одежде», которое показывает его полное подчинение жене, выдающей ему только грязные вещи, чтобы он не выходил на улицу: «Он был в белых нанковых штанах с пятнами от кофе и в засаленной панаме». У Ги де Мопассана все натурально просто. Читателю становится сразу ясно, что хочет сказать автор.

Описание одежды может характеризовать как самого персонажа, так и его душевное состояние. Это хорошо видно в рассказе «Гарсон, кружку пива!...». Сидя в баре, рассказчик так характеризует своего соседа по столику: «Я сразу понял, что передо мною любитель пива... Слишком широкая одежда, очевидно, была сшита еще в те времена, когда он обладал брюшком. Чувствовалось, что брюки плохо на нем держатся... Одна мысль о его башмаках и о том, что

они прикрывают, бросала меня в дрожь. Обтрепанные манжеты заканчивались совершенно черной каемкой, так же, как и ногти». Перед читателем возникает образ спившегося бедняка, однако по ходу рассказа читатель понимает, что этот человек принадлежит к аристократическому роду и дело вовсе не в его пристрастии к алкоголю. Неухаженный вид одежды свидетельствует о состоянии души персонажа и безразличии ко всему после перенесенной в детстве сильной душевной травмы (Владимирова, 1993, с. 50).

Нередко в литературе одежда персонажа может быть символом определенного общественного уклада, строя психики персонажа. Одежда может разоблачать сущность героя.

Так, в рассказе Ги де Мопассана «В лоне семьи» одежда становится символом «новой жизни». Прослужив 30 лет, чиновник Караван получает награду – крест Легиона. Орденская лента в его глазах приобретает особое значение, и именно она побуждает поменять весь свой гардероб: «Неожиданная почесть внушила ему новое и весьма высокое представление о своих способностях и внесла коренное изменение в его привычки. С этих пор он отказался носить цветные панталоны и куртки и стал облачаться в черные брюки и длинные сюртуки, на которых его ленточка, очень широкая, выделялась лучше.., меняя белье через день – по естественному чувству уважения к национальному ордену, кавалером которого он стал, – он превратился отныне в другого Каравана, прилизанного, чопорного и снисходительного». Сначала лента, а потом и одежда меняют героя и в отношении к самому себе, и по отношению к окружающим. Ги де Мопассан все объясняет, как будто боится быть непонятым своим читателям.

В рассказе «Государственный переворот» Ги де Мопассан описывает одно из политических изменений, которые были во Франции его времени, когда одна Республика сменялась другой, один президент – другим. В этом рассказе одежда персонажей является символом. Ополченцы небольшого городка были «в самой разношерстной одежде; черные кепи с красным кантом составляли всю их форму. Они были вооружены заржавленными ружьями, старыми ружьями, по тридцать лет висевшими без дела над кухонным очагом, и напоминали отряд сельских стражников». Здесь разношерстная одежда является показателем бардака в головах людей, которые не понимали происходящих перемен.

Однако провести совершенно четкое разграничение между этими функциями не всегда возможно, так как зачастую автор использует то или другое описание, например, одежды, сразу в нескольких функциях. Например, в рассказе Ги де Мопассана «Приятель Жосеф» подробно представлена одежда, которая сигнализирует не только психологическое состояние персонажа, но и дает некоторые представления о моде той эпохи: «Затем он поднялся в свою комнату, чтобы, по его словам, одеться по-деревенски, и сошел вниз в костюме из синего холста, в шляпе-канотье и в желтых кожаных башмаках – в полном неглиже развеселого парижанина». Пижон в шляпе-канотье времен Ги де Мопассана, позже затерявшийся в мире моды, дает читателю представление об одежде тех лет, и в этом заключается культурологическая функция деталей и предметов одежды. Однако заключительная фраза «в полном неглиже развеселого парижанина» характеризует сам пер-

сонаж, его поведение и переливы его отношений к окружающим. Меняется отношение автора, меняется одежда персонажа. «И, казалось, он стал еще проще, веселее, непринужденнее, ибо, облачившись в сельский костюм, он одновременно напустил на себя некоторую фамильярность и развязность, которые считал приличными случаю». Все описания интересны, яркие, психологичные, и все это характерно для классики XIX в.

Заключение

Ги де Мопассан часто в своих произведениях использует детали, которые помогают понять и интерпретировать человеческие чувства. Французский писатель выражает состояние своих героев посредством мимики, эмоций, выраженных в позе, в походке, в жестах рук и, конечно же, в одежде. Мопассановский портрет по-своему глубок и однозначен. Характер, который он описывает, социально и психологически вполне определен. Ги де Мопассан как бы все знает, и это знание придает описанию определенную четкость. Автору интересны бытовые подробности, он зорек к деталям, в частности, в изображении вещного мира. В сочинениях Ги де Мопассана описанию внешнего вида персонажа нередко уделяется весьма большое значение. Описание вещного мира является одной из стилевых доминант физиологического очерка, свойственного натуралистам, к которым был близок Ги де Мопассан.

Список литературы

- Владимирова М.М. Истоки и особенности пессимизма в мировоззрении и творчестве Мопассана // Филологические науки. 1993. № 1. С. 48–61.
- Галай К.Н. Функции художественной детали в прозе И. Бунина и Ги де Мопассана: опыт типологического сравнения: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.
- Данилин Ю.И. Жизнь и творчество Мопассана. М.: Художественная литература, 1968. 255 с.
- Чудаков А.П. Вещь в реальности и в литературе // Вещь в искусстве. М.: Советский писатель, 1986.
- Barthes R. Introduction à l'analyse structurale des récits. Paris: Communications, 1966. Pp. 1–27.
- Bonnefis Ph. Sept portraits perfectionnés de Guy de Maupassant. Paris: Galilée, 2005. 243 p.
- Gadomska K. Le fantastique clinique dans les récits de l'étrangère psychique de Guy de Maupassant // Studia Romanica Posnaniensia. Poznan. 2001. Vol. 27. Pp. 11–23.
- Troyat H. Maupassant. Paris: Flammarion, 1994. 286 p.
- Vial A. Gui de Moupassant et l'art du roman. Paris: Nizet, 1971. 405 p.

Сведения об авторах:

Галай Карина Назировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-7564-2014. E-mail: galay-kn@rudn.ru

Ананьева Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, заведующая отделом международных связей и мировой литературы, Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Республика Казахстан, 50010, Алматы, ул. Курмангазы, д. 29. ORCID: 0000-0001-7349-1590. E-mail: svananyeva@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-278-288
EDN: SNQPCH
UDC 821.111(411)

Research article / Научная статья

Henry Miller's "Black Spring": a journey of sexuality from childhood to adulthood

Mahendra Madhav Kamat

Shri S.H. Kelkar College of Arts, Commerce and Science, Devgad Sindhudurg, Republic of India

✉ mahendramkamat@gmail.com

Abstract. Henry Miller is a modern American novelist who was famous for his autobiographical expression of sexuality in his novels on the background of metropolis like New York and Paris. His novel "Black Spring" which was written in 1932–1933 and first published in 1936 presents his childhood memories in Brooklyn and New York. The novel focuses on the development of sexuality of the novelist and his journey from childhood to adulthood, focusing on his sexuality. The novel presents his childhood sexuality, fantasies and his approach to sexuality changing with time. Miller challenges the taboos, canons and moral orders taking sexuality as a weapon against a person. He modifies all the rules of self-expression and perhaps he is the first novelist who presents himself as sexual hero. The research focuses on Miller's view on sexuality and morality and his journey from childhood to youth and his development of personality along with the role of sexuality in the development of his personality. The paper is also an endeavour to study the concepts of contemporary moral order and social ethics presented by Henry Miller.

Keywords: Brooklyn, moral order, canons, culture, morality

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 5, 2024; revised February 13, 2024; accepted March 16, 2024.

For citation: Kamat, M.M. (2024). Henry Miller's "Black Spring": A journey of sexuality from childhood to adulthood. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 278–288. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-278-288>

«Черная весна» Генри Миллера: путешествие сексуальности из детства во взрослую жизнь

Махендра Мадхав Камат

*Колледж искусств, коммерции и науки имени Шри С.Х. Келкара, Девгад Синдхурдург,
Республика Индия*

✉ mahendramkamat@gmail.com

Аннотация. Генри Миллер – современный американский писатель, прославившийся автобиографическим выражением сексуальности в своих романах на фоне таких мегаполисов, как Нью-Йорк и Париж. Роман «Черная весна», написанный в 1932–1933 гг. и

© Kamat M.M., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

впервые опубликованный в 1936 г., рассказывает о детских воспоминаниях в Бруклине и Нью-Йорке. Цель исследования – дать критическую оценку романа, посвященного развитию сексуальности писателя и его путешествию из детства во взрослую жизнь. Рассмотрены представленные в романе детская сексуальность Миллера, фантазии и его подход к сексуальности, меняющийся со временем. Он бросает вызов табу, канонам и моральным установлениям, используя сексуальность как оружие против личности. Показано, что Миллер изменяет все правила самовыражения и, возможно, он первый романист, который представляет себя сексуальным героем. Проанализированы взгляды Миллера на сексуальность и мораль, его эволюции от детства к юности и становлению личности, а также роли сексуальности в развитии его личности. Изучены концепции современного морального порядка и социальной этики, представленные Генри Миллером.

Ключевые слова: Бруклин, моральный порядок, каноны, культура, нравственность

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 января 2024 г.; отрецензирована 13 февраля 2024 г.; принята к публикации 16 марта 2024 г.

Для цитирования: Kamat M.M. Henry Miller's "Black Spring": a journey of sexuality from childhood to adulthood // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 278–288. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-278-288>

Introduction

The expression and presentation of sexuality in literature is not a new phenomenon and they are variant and relative to the background of its time, space and place. Though sexuality overtly seems to be the physical aspect of life, it is psychological and cultural as it is controlled by the society in which it is created. Every culture and society have their own approach towards sexuality and they assess it through their norms on the basis of canons and taboos. Further, society and culture are always changing with time and hence the change in the approach towards sexuality is unavoidable. Consequently, the changes in the social canons and taboos can be seen according to the changes in time along with the confrontation and compromise between the everchanging various moral values. The change in the approach, canons and taboos also modify and alter the moral approach of the society towards sexual relations. Subsequently, this modification also takes place in the concepts of 'good' and 'evil' according to which the ideas of morality and immorality are redefined. Thus, the study of manipulation of time and place is important in the study of sexuality and moral vision of any writer and his literature (Durell, 1961; Hassan, 1967; Nelson, 1970; Weeks, 1985; Wickes, 1966; Wickes, 1969).

Discussion

While studying the manipulation of time and place in the novels of Henry Miller, one can come across a cultural and moral background of Miller. Especially, Miller's belonging to metropolis culture and society has brought a quite frankness in his expression but at the same time he is not free from the canons and taboos (either in reaction or succession) of the culture he belongs.

Henry Miller's presentation of time and space are closely associated with the events and incidents of his own personal life. Even his books are autobiographical which give further details of his life since his childhood. In fact, his first

significant book was published in 1934 during the period of the Great Depression. Therefore, he is considered as an arch example of American expatriate of the late Depression period. He was both appreciated as well as criticized for his bohemian expressions who lived chiefly on wits and nerve. Moreover, some contemporary critics regard him as an answer to the failure of the American social and moral taboos and canons. Miller is valued as a Depression writer against his contemporaries. If the Depression period is construed with historical sense, then it is not difficult to understand Miller. But unfortunately, having the stamp of the sexual novelist, he was not given enough space by his contemporaries. This feature is observed by William Gordon. According to him, Miller was not fixed with any literary ideology. Neither was he socialist, nor bohemian until 1930. Gordon comments:

“What he knows about art and literature and philosophy is different from what our writers of the twenties and thirties knew. Miller has read more widely and deeply than most American writers of his time, but more than that, he has read different things. That difference in the kind and quantity of Miller’s reading is related both to the Brooklyn in which he grew up and to the century in which he was born; for Miller though he was born in the same period as Hemingway and Pound and Eliot, did not repudiate his early life. He built upon it.” (Gordon, 1967, p. 5).

In fact, Miller is a witness of American transition from one moral system to another, which he presents in his novels. His early Brooklyn life was the groundwork of his later career. The account of his Brooklyn childhood is detailed in his novel, *Black Spring* (Miller, 1963). Though, *Tropic of Cancer* (Miller, 1961) is his first popular published book, *Black Spring* is a significant novel for his presentation of childhood memories of Brooklyn. Here he has also presented the set-up of his mind about the time that he was writing *Tropic of Cancer*. The novel begins with “I am a patriot of the Fourteenth Ward, Brooklyn, where I was raised.” (*Black Spring*, p. 3) The novel can be looked as an introduction of Miller where he presents himself in the astrological manner, who writes:

“But I was born in the street and raised in the street. “The post-mechanical open street where the most beautiful and hallucination iron vegetation,” etc. ... Born under the sign of Aries which gives a fiery, active, energetic and somewhat restless body. *With Mars in the ninth house!*” (*Black Spring*, p. 3)

He writes about the vital, exhilarating days of his youth in *Black Spring*. The book is specially marked for the presence of an exuberance and innocence. Such quality is almost absent in other writings of Henry Miller. It is a peerless feature of Miller’s writing where place becomes more important than anything else. His skill in presenting contingency also impresses his critic, Leon Lewis, who remarks:

“A part of Miller’s appeal to a broad range of readers is his ability to exhibit an energetic delight in circumstances which most people would find distressing” (Lewis, 1968, p. 22).

In *Black Spring*, Miller seems to be honest for accepting everything, but later it is not merely an acceptance but an expectation that things will be better, gets mingled with a delight in diversity. He is repeatedly seen preaching himself by saying, “Always Merry and Bright.” He admits his childhood reality as born on

the streets and also explains how his childhood in Brooklyn sculptured his personality for future. He writes:

“To be born in the street means to wander all your life, to be free. It means accident and incident, drama, movement. It means above all dream. A harmony of irrelevant facts which gives to your wandering a metaphysical certitude. In the street you learn what human beings really are; otherwise, or afterwards, you invent them. What is not on the open street is false, derived, that is to say, *literature*. Nothing of what is called “adventure” ever approaches the flavor of street” (*Black Spring*, p. 3).

Miller here presents the seed of his future personality. He tells us here that he is a child of open streets and consequently he suggests that he is free from the taboos and canons of society which restrict an individual freedom. Further, there is nothing in his life which he should hide. The youth clings to a permanent place in his memory and hence, he reminisced about his childhood which later on got repeated partially in *Tropic of Capricorn*. But, here, he mostly remembers these years of his life which take him to the stage of being nostalgic. Jane Jacob puts this phase of Miller’s life and its consequences in these words:

“The intensity with which Miller recalled his childhood was partly a product of how quickly it ended, and how different his life seemed afterwards. The neighborhood in which his family lived began to deteriorate and his family began to collapse both economically and psychologically at the same time (Lewis, 1968, p. 23).

Jacob observes Miller’s capacity to present transitions around along with the contemporary time. Childhood phase of Miller gives him nostalgia. It was a beautiful world for him which later deteriorated. This deterioration is both – physical and psychological. Miller proffers the memory of his father in the section “The Tailor Shop”, which actually is a section of his nostalgia. His father runs a moderate tailoring shop which now transacts slighter business and ensues more financial indebtedness. The phase of financial indebtedness in his life was continued until the publication of *Tropic of Cancer* in 1934. Therefore, the vision of his happy childhood grows in imagination and memory. It also sustains him by promising of a way of life that could be reclaimed in his mature years if he finds the right means. Miller also thinks his memories schizophrenic. He writes:

“Schizophrenia! Nobody thinks any more how marvellous it is that the whole world is diseased. No point of reference, no frame of health. God might just as well be typhoid fever. No absolutes. Only light years of deferred progress. When I think of those centuries in which all Europe grappled with the Black Death I realize how radiant life can be only we are bitten in the right place! The dance and fever in the midst of that corruption! Europe may never again dance so ecstatically and syphilis! The advent of Syphilis! There it was, like a morning star hanging over the rim of the world” (*Black Spring*, p. 22).

Miller presents here the deterioration of Europe and America on the ethical and cultural level as well which later became the major theme of his writing. Moreover, he expresses his frustration quite ironically.

Miller, in the early pages of *Black Spring*, shows the condition of innocent awareness which he is no longer capable to perpetuate. Instead of keeping records of his existence, he invents it a new according to his inspiration which becomes

both a guide of his quest and the goal of his search for transcendence as well. In other ways, these are his efforts towards the rebirth of himself and to maintain his mental state accordingly. His break away from Brooklyn takes him to a big ethos. Now his search for home begins. His journey to America and European countries cannot fill the cavity of his mind that is created out of the loss of Brooklyn. Even for America, beyond Brooklyn, he passes bitter comments. He remarks:

“I see America spreading disaster. I see America as a black curse upon the world. I see a long night settling in and that mushroom which has poisoned the world withering at the roots” (*Black Spring*, p. 25).

Furthermore, he continues the theme of deterioration of culture. America, in his reminiscence of Brooklyn, is lost now. The present America is dissimilar to it and hence, his expedition to his home still continues, which later on takes him to Paris. Further, his Brooklyn passion encourages him to give a cosmic shape to his life. But his efforts are not materialized in the world he joined and this frustration gave birth to *Cancer*. The seeds of future cancer are sown in his childhood. They are visible in *Black Spring*. At a point of time, Miller writes:

“I am Chancre, the crab, which moves sideways and tropics and deal in high explosives, embalming fluid, jasper, myrrh, smaragd, fluted snot, and porcupines’ toes. Because of Uranus which crosses my longitudinal water bottles. Neptune dominates my ascendant. That means I am composed of watery fluid, that I am volatile, quixotic, unreliable, independent, and evanescent. Also quarrelsome” (*Black Spring*, p. 29).

This is also a presentation of the roots of the Apocalypse. Subsequently, he creates another world of his imagination and tries to ferret it out in real life. Here, the things are juxtaposed astrologically and reference of planets presents his failure to search an ethos. His quest is futile which reiterates and takes him back to the Brooklyn world. Leon Lewis puts this in these words:

“And when these searches turned out to be only temporarily or partially adequate, Miller was driven back to “Brooklyn” and forced to cross and recross the blighted landscape to see if some hidden forces might still be unearthed or exploited” (Lewis, 1968, p. 25).

Lewis also refers the surrealistic aspect of Miller’s later writing, *The Rosy Crucifixion*. He finds the same roots of his search for ethos. Miller feels that most of the Americans live the formalized regulated life which is a severe deterrent to any passionate participation in the world. During his childhood he had experienced the lack of love and warmth at his home. Further, he experienced that the practical world was different than the world presented in the writings of D.H. Lawrence and Jean Giono whom he used to read desperately on the stage of adolescence. He had also realized the same from the education which he was getting in the public school. Such education encouraged the same type of rigid, puritanical repressive values which his family had already forced him to accept. Thus, he began to think that everyone in America is being taught to eradicate or suppress what is most vital human feeling like sexuality. During this period, an American thinker, Laurens Van der Post observes the same in the Western society. The education which is supposed to engender good human beings has failed in its objective. Rather it fortifies the same values of life, which leads a person to be puritanical and orthodox. He asserts:

“The rational, calculating, acutely reasoning and the determined human being that Western man has made of himself has increasingly considered the dark side of himself not as a brother but as an enemy, capable, with his upsurges rich emotion and colorful impulses, of wrecking conscious man’s carefully planned and closely reasoned way of existence” (Van der Post, 1955, p. 36).

Further, Miller enunciates his feeling of obstacle between man and man, and man and knowledge which is a part of social mannerism. As a child, he thought that he could never be rational, acute and with reasoning capacity. Accordingly, the society had established a role of enemy for him. This social repression and excessive self-indulgence seem to have provoked him later to overreact in the form of the expression of desperate sexuality of his own. Moreover, all his friends were victims of this overreaction as they shared the common impulsion. Miller presents the scantiness of the soul which, according to him, is a consequence of material aspect, and therefore, he repels it. Leon Lewis comments on Miller’s views in this regard:

“The obscene nature of the sexual activity in much of Miller’s writing is a product of the loathing and self-disgust the people he describes had for the way they were using their bodies – and for the way they were neglecting their spirit of soul” (Lewis, 1968, p. 27).

In this entire cognitive process, he faces a problem to find a way to live comfortably with the instincts. He acknowledges them as crucial to his life as an artist. Moreover, he retains a sense of respect for himself as a human being through the journey of sex. Norman Mailer points out his sex and its Brooklyn roots in his essay, ‘Narcissism’ (Mailer, 1976). Mailer illustrates the association of sex and disgust which he calls filth in Brooklyn part of Miller’s life. For him, sex in Miller’s novels, is an expression of his aggression which is rooted in his Brooklyn life. He writes:

“Sex was stinky-pinky back in Brooklyn at the turn of the century (and for a good part of the next forty years) Sex and filth were components of the same equation, as related the mass and energy – tender sex was a flower you shoved up a girl’s ass. Sex was a function of filth; filth was a function of sex – no surprise that sex was getting ready for the automobile, and the smell of gasoline would prove new aphrodisiac” (Gottesman, 1992, p. 132).

Further, the determination behind his writing is to get outside of time somehow. He desires to find a way to become a part of what he says ‘eternal here and now’ and it is very human. Some of the same idiosyncratic patterns of structure motivate him. It leads to the development of several crucial elements in his narrative consciousness and in his writing. His nostalgic inclination always makes him work for the replacement of the world and time with the reincarnation of a prior one. According to Miller, Western civilization is headed for apocalyptic catastrophe. Consequently, he is convinced that progress is a bizarre mockery of actual historical reality. As an artist, he is permanently excluded from any schemes of social improvement or adaptation. This view of Miller leads him to confound chronology as a method of organizing narrative and envision the artist as outside of history. Above all, the use of chronology ascertains Miller as the timeless as the themes of his novels deal with the basic human intensity. They are a-historical and

mainly focusing on ethical and moral values. Lewis finds out the same sense of time, when he writes about Miller. He comments:

“In a way, the artist is always acting against the time-destiny movement. He is always a historical. *He accepts Time absolutely*, as Whitman says, in the sense that any way he rolls (with tail in mouth) is direction; in the sense that any moment, every moment, maybe the all; for the artist there is nothing but the present, the eternal here and now, the expanding infinite moment which flame and song” (Lewis, 1968, p. 29).

Furthermore, the above remark is enough to explain that Miller was never comfortable in the present. In fact, he lived along with nostalgic passions for his past. He worked with tensions towards some fabulous future. The time in his nostalgia which he remembers was not only late nineteenth century Brooklyn, but an era of unlimited exception and faith. He is obsessed with his identity associated with Brooklyn. He expresses it quite directly. He writes:

“In my dreams I come back to the Fourteenth Ward as a paranoiac returns to his obsessions. When I think of steel-gray battleship in the Navy Yard I see them lying there in some astrologic dimension...” (Miller, 1963, p. 5).

Miller easily shifts from one time to the other, from reality to illusion as he rifles through the world of his dreams. He searches it into pastiches and tries to stitch them together.

In the beginning of the novel, *Black Spring*, he exclaims, “I am a patriot – of the Fourteenth Ward, Brooklyn.” His pride is justified by the social arrangement that exists in this small sector of America. He presents every person in his childhood with appropriate tasks in Brooklyn background. In his monologue, “I remember the ironworks where the red furnace glowed and men walked toward the glowing pit with huge shovels in their hands” (Miller, 1963, p. 5). He presents human beings in the Brooklyn background which were so natural and innocent. All of them were genuine artists. They were black with hard work outwardly but clean at the core. The same people he presents in *Tropic of Cancer* are white and polished outwardly and black at the core. Miller covers this change quite poetically and presents the deterioration of human life on the background of time and space. Subsequently, this change is helplessly accepted by Miller. This also focuses the role of destiny here, which supersedes him. In “Megalopolitan Maniac”, the last part of *Black Spring*, Miller expresses the same aspect in the self-created epitaph. He speaks:

“Imagine having nothing in your hands but your destiny. You sit on the doorstep of your mother’s womb and you kill time-or time kills you. You sit there chanting the doxology of things beyond your grasp. Outside, forever outside” (Miller, 1963, p. 234).

The experience of feebleness before destiny gives a sentiment of out-sidedness that diverts him to alienation. In fact, out-sidedness is an essential feature of the city and a journey towards out-sidedness and its achievement is presented afterwards in Miller’s other works. Miller’s cosmos is divided into two: a world like the Fourteenth Ward where ‘we were whole’ and a world after ‘the great change’ of out-sidedness. He senses that he lives in ideas. He calls himself child in the streets, which means accidents and incidents, drama and movements. This harmony of irrelevant facts is perhaps a part of everyone’s life. It lives in the twentieth century and experiences the transition. Thus are the streets explained by Miller:

“Here there is buried legend after legend of youth and melancholy, of savage nights and mysterious bosoms dancing on the wet mirror of the pavement of women chuckling softly as they scratch themselves, of ‘wild sailors’ shouts, of long queues standing in front of the lobby, of boats brushing each other in the fog and tugs snorting furiously against the rush of tide while up on the Brooklyn Bridge a man is standing in agony, waiting to jump, or waiting to write a poem, or waiting for the blood to leave his vessels because if he advances another foot the pain, the pain of his love will kill him.” (Miller, 1963, p. 11).

He feels deeply about Brooklyn but it might have lost in his youth. The loss is on the physical and emotional level as well. He experiences that out-sidedness is something which meant to uproot the tree from its original land and to implant it in a new ground. This is an upshot of the Depression and ultimately of the capitalism in Europe and America. Miller is one of the very few writers who presents this consequence of the capitalism. The effect is not on a part or a single section of the society but it is as a whole. George Orwell appreciates Miller for his presentation of a different world than others. In his essay, ‘Inside the Whale’, he writes:

“Miller is writing about the man in street, and it is incidentally rather a pity that it should be a street full of brothels. That is the penalty of leaving your native land. It means transferring your roots into shallower soil. Exile is probably more damaging to a novelist than to a painter or even a poet, because its effect is to take him out of contact with working life and narrow down his range to the street, the café, the church, the brothel and the studio. On the whole, in Miller’s books you are reading about people living the expatriate life, people drinking, talking, meditating, and fornicating, not about people working, marrying, and bringing up children; a pity because he would have described the one set of activities as well the other” (Mitchell, 1971, p. 9).

Orwell suggests here that the streets of Brooklyn in *Black Spring* are now full of brothels which bespeak not only the physical change but cultural and ethical too. There Miller has some solace from the out-sidedness beyond sexuality.

In *Black Spring*, Miller is introduced as a person living a life of value and creative force. At a dinner party at the Lowenfels’, he provides the subject for Miller’s surrealistic story, “Jabberwhorl Cronstadt” in *Black Spring*. It begins with Miller’s arrival at the Lowenfels’ apartment. Miller describes:

“He lives in the back of a sunken garden, a sort of bosky glade shaded by whiffletrees and spinozas, by deodars and baobabs, a sort of queasy Buxtehude diapered with elytras and feluccas. You pass through a sentry box where the concierge twirls his mustache *con furioso* like in the last act of Ouida. They live on the third floor behind a mullioned belvedere filigreed with snaffled spaniels and sebaceous wens, with debentures and megrims hanging out to dry. Over the bell-push it says: “JABBERWHORL CRONSTADT, poet, musician, herbologist, weather man, linguist, oceanographer, old clothes, colloids.” Under this it reads: “Wipe your feet and blow your nose!” And under this is a rosette from a second-hand suit” (Miller, 1963, p. 131).

Here, Miller introduces Lawenfels, but moreover, it is an expression of his intimate tenderness to him. After Brooklyn, Lawenfels is a major element with

which he is sentimentally interlaced. Miller shares a lot of common features with him. Both of them are afraid of the ferociousness of the modern world and the destruction of human values. Lowenfels is near and dear to him perhaps because he also finds the evils of time in the contemporary age. Like Miller, he scans the cancer of the civilization in the Western world. Further, he finds the same in Europe and America. Like Miller, Lowenfels is apocalyptic in his vision. He observes the same destruction in his poems which Miller presents in *Black Spring* and some of his other novels. Lowenfels was working as a writer and a renting agent. He and his wife helped Henry Miller beyond description. They encouraged him and frequently fed him and lent him money. This ‘Cronstadt’ is different than other Americans for Miller. He is a natural man bereft of the heavy load of ‘being American’. But Norman Mailer feels that ‘like Dickens, Miller is at his best with the worst’ in human beings. Further he implies that Cronstadt is an illustration of what Miller could do with one of the best people he knew. However, Leon Lewis finds another importance of Cronstadt episode in the novel. He comments:

“Through the Cronstadt tour dé force, *Black Spring* has been divided nearly equally between Miller’s early life in Brooklyn and his days in France while *Cancer* was being written. The years between have been crossed without comment” (Lewis, 1968, p. 122).

Lewis highlights here the significance of the book where Miller compares different times and spaces. It is also the roundness of Miller’s character himself. Moreover, it is presented through the use of images and the entire sequence of dreams and experience. This world of experience is seen in the section “Into the Night Life” of the novel. The section begins with an image of the narrator chained to a bed:

“Suddenly the old hag comes dancing in stark naked, her hands aflame. Immediately she knocks over the umbrella stand the place is in an uproar. From the upturned umbrella stand there issues a steady stream of writhing cobras travelling at lightning speed. They knot themselves around the legs of the tables, they carry away the soup tureens, they scramble into the dresser and jam the drawers, they wriggle through the pictures on the wall, through the curtain rings, through the mattresses, they coil up inside the women’s hats, all the while hissing like steam boilers.

Winding a pair of cobras about my arms I go for the old hag with murder in my eyes. From her mouth, her eyes, her hair, from her vagina even, the cobras are streaming forth, always with that frightful steaming hiss as if they had been ejected fresh from a boiling crater. In the middle of the room where we are locked an immense forest opens up. We stand in a nest of cobras and our bodies come undone” (Miller, 1963, p. 153).

Miller presents here the shift of space and time also. This is a swing from the reverent and innocent affection of Lowenfels. He enters into the world of sexuality again. This world is not beautiful but it is more dreadful. He presents here the archetype of terrible mother which is later on presented in the *Tropics* novels. This is a sequence of dreams which move from the present to the past. His recollection from the distant past to present and vision of the future that is his apocalypse is not ended with *Black Spring* but it is continued for the next forty years in his writing. In the section of this Book “Walking Up and Down in China”, Miller

picks up Cronstadt's insight that happiness is always a search. It again takes him to illusions. For him, time is a flow and he connects it with the help of fantasy again. Moreover, he fills the lacuna of his real world with the help of his illusions and thus he constructs the impeccable world of his vision and further it takes him to China. Miller enunciates:

“In Paris, out of Paris, leaving Paris or coming back to Paris, it's always Paris and Paris is France and France is China. All that which is incomprehensible to me runs like a great wall over the hills and valleys through which I wander. Within this great wall I can live out my Chinese life in peace and security” (Miller, 1963, p. 185).

Here, China is not a tangible place for Miller but it is a condition of being for him. He also expresses it when he writes, “I became a Chinaman, a Chinaman in my own country! I took the opium of dream in order to face the hideousness of a life in which I had no part” (Miller, 1963, p. 185). Nevertheless, he visited Eastern world or China until the sixties, China in this book is a formation of concept of many other places and times. China is as good name given to the place as any for a place. These are Miller's attempts to replace the cancerous West with the timeless and eternal East. Every time, he tries to move rather than to escape from the present, and further searches spirit in the past which is unrecoverable. The final pages of *Black Spring* suggest that Miller resolves to confront the circumstances of the present and accepts the difficulties of an uncertain arduous path towards China. Moreover, he begins the process to be so.

Conclusion

Miller is successful to present the places of action in the novel, emphasizing on the changes occurring in the space and the impact of the changes upon the individual. He presents every ugly and beautiful aspect of New York and Paris and the people of these cities and in his individual life which variegates both in good as well as bad ways. In short, the metropolis and the modern life provide the space and time to the works of Henry Miller. He tries to search the roots of the problems of the modern society in the growth of the cities which changes cultural and moral approach of an individual and society. Both individuals and masses work either to gain or to change their identities on the background of the crowded cities. Miller presents the loss of the nature and innocence with the development of the cities in his novels as he describes Brooklyn of his childhood memories in *Black Spring* and how it turns to the crowded place of New York in his adolescence days. While presenting the metropolis life and its problems, Miller becomes subjective like most of his novels as his novels are autobiographical. Moreover, Miller also presents man's alienation from nature and its impact on the individual character in his novels.

References

- Durell, L., & Perles, A. (1961). *The art and outrage*. Dutton: Boojojoycer.
- Gordon, W.A. (1967). *The mind and art of Henry Miller*. Baton Rouge: Louisiana State University Press.
- Hassan, I. (1967). “My life in fiction”. *The Literature of Silence: Henry Miller and Samuel Beckett*. Knopf.

- Kermode, F. (1971). Henry Miller and John Betjeman: Puzzles and epiphanies. In E. Mitchell (Ed.), *Henry Miller, Three Decades of Criticism*. New York: University Press.
- Lewis, L. (1968). *Henry Miller: The major writings*. New York: Schocken Books.
- Mailer, N. (1976). *Genius and lust: A journey through the major writings of Henry Miller*. New York: Grove.
- Mailer, N. (1992). Narcissism. In R. Gottesman (Ed.), *Critical Essays on Henry Miller*. New York: G.K. Hall and Co.
- Miller, H. (1961). *Tropic of cancer*. New York: Grove Press.
- Miller, H. (1963). *Black spring*. New York: Grove Press.
- Nelson, J.A. (1970). *Form and image in the fiction of Henry Miller*. Detroit: Wayne State University Press.
- Orwell, G. (1971). Inside the whale. In E. Mitchell (Ed.), *Henry Miller, Three Decades of Criticism*. New York: University Press.
- Van der Post, L. (1955). *The dark eye in Africa*. New York: Morrow.
- Weeks, J. (1985). *Sexuality and its discontents: Meanings, myths & modern sexualities*. London: Routledge & K. Paul.
- Wickes, G. (1966). *University of Minnesota Pamphlets on American Writers* (no. 56). Minnesota: University of Minnesota.
- Wickes, G. (1969). Cancer and delirium. *Americans in Paris*. London: Doubleday.

Bio note:

Mahendra Madhav Kamat, Associate Professor and Head, Department of English, Shri S.H. Kelkar College of Arts, Commerce and Science, Devgad Sindhudurg, Maharashtra, 416613, Republic of India. E-mail: mahendramkamat@gmail.com

Сведения об авторе:

Камат Махендра Мадхав, доцент и заведующий кафедрой английского языка, Колледж искусств, торговли и науки Шри С.Х. Келкара, Республика Индия, 416613, Махараштра, Девгад Синдхадург. E-mail: mahendramkamat@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-289-296
EDN: SSYLEB
UDC 821.111(411)

Research article / Научная статья

Terry McMillan’s “It’s Not All Downhill from Here”: black women discharging interpersonal conflicts

Pradip N. Pawar

Rajarambapu Institute of Technology, Sakharale, Republic of India

✉ pradip.pawar@ritindia.edu

Abstract. The research work attempts to study the contemporary African American women’s struggle to discharge their interpersonal conflict with reference to Terry McMillan’s “It’s Not All Downhill From Here”. Conflict is an expression of struggle between two or more interdependent persons who have incompatible goals. Through her works, Terry McMillan voices the life of urban African American middle class women. The Black women of this class are suppressed under various roles and responsibilities especially related to their families that have lots of challenges like addiction, crime, lack of trust and emotional bonding. Lack of any support builds up antagonistic mindsets and develops interpersonal conflicts. They are trying hard to resolve these conflicts and attempting to restart with more focus on exploration of self. The research work analyses the conflict resolution strategies employed by African American women in the novel.

Keywords: conflict resolution, African American women, self, interpersonal relations

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 5, 2024; revised February 13, 2024; accepted March 16, 2024.

For citation: Pawar, P.N. (2024). Terry McMillan’s “It’s Not All Downhill from Here”: Black women discharging interpersonal conflicts. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 289–296. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-289-296>

Терри Макмиллан «Отсюда не все так плохо»: разрешение межличностных конфликтов чернокожими женщинами

П.Н. Павар

Технологический институт Раджарамбапу, Сахарале, Республика Индия

✉ pradip.pawar@ritindia.edu

Аннотация. Исследуется борьба современных афроамериканских женщин за разрешение межличностного конфликта в книге Терри Макмиллана «Дальше не все так просто». Конфликт – это выражение борьбы между двумя или более взаимозависимыми

© Pawar P.N., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

людьми, преследующими несовместимые цели. Показано, как своей работе Терри Макмиллан рассказывает о жизни городских афроамериканских женщин из среднего класса, которые подавлены различными ролями и обязанностями, особенно связанными с их семьями, и сталкиваются с множеством проблем, таких как наркомания, преступность, отсутствие доверия и эмоциональной привязанности. Сделан вывод, что отсутствие какой-либо поддержки формирует антагонистическое мышление и развивает межличностные конфликты. Проанализированы стратегии разрешения конфликтов и способы начала новой жизни с большим вниманием к самоисследованию, используемые в романе.

Ключевые слова: афроамериканские женщины, самость, межличностные отношения

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 января 2024 г.; отрецензирована 13 февраля 2024 г.; принята к публикации 16 марта 2024 г.

Для цитирования: Pawar P.N. Terry McMillan's "It's Not All Downhill from Here": black women discharging interpersonal conflicts // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 289–296. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-289-296>

Introduction

The present research work studies Terry McMillan's middle class African American female characters in the context of interpersonal relations within and outside the family. It seems that the African American women in Terry McMillan's novels are desirous to have strong mutual relationships for which they strive hard to overcome conflicts at relational level. The main drive of the study is to reveal the struggle to resolve interpersonal and intrapersonal conflict of today's African American women through representation of African American women in Terry McMillan's novel *It's Not All Downhill From Here*. Even though persons competent in communication can handle conflicting situations skillfully to groom the relationship further, Terry's African American families lack healthy interactions among its family members. Involvement in conflict is mostly a devastating experience that may shatter one's world-view or response which may be negative or positive.

As individual's training to deal with conflicting situations starts in the family, Loretha Curry, the protagonist of the novel, has experienced it with her family members. A person witnessing conflicts and handling it skillfully within the family can further apply these observations and experiences affirmatively while facing such situations in the outside world. So, the approach should be positive while dealing with the conflicts. Loretha, a certified senior citizen of Pasadena California, feels undermined due to her conflicting emotional encounters. Loretha is not sure whether she has served the purpose of her life or not, so she does not want to declare herself a retiree. She is tired of attempting to fulfill everyone's expectations in the family and feels that she should start saying no. She is of the opinion that no one is perfect. So, one should be kind towards not only others but to self also. She knows that self criticism and harsh judgment of others do not always help. Social knowledge in various forms influences interpersonal conflict. The six major influencing factors in a conflict identified by Roloff and Miller are: person's

interests, concerns and past experiences; beliefs about functioning of relationships; sequence of actions; behavioural social norms; problem appraisal; and information about a person with whom one is engaged in conflict.

Conflicting situations not only evolve at interpersonal level as a person has familial, social, and professional life but also at intrapersonal level. Changing interpersonal relations is the root cause of conflict that may be implicit or apparent. Loretha married three times “that's how many times it took her to get it right” (McMillan, 2020, p. 30). Here, she has spent her lots of energy and time. Carl, a retired contractor, is Loretha's third husband who has entered in her life when children left her for their career. His entry revitalized and restored her life to liveliness. Absence of familial stability, low level of involvement and lack of affinity with the family members are some of the causes that trigger interpersonal conflict in the family.

Discussion

According to Sartre, conflict is an unavoidable regular happening in human life that is the result of choices made by us, associations with others, and freedom of expression. He further states that “conflict is the original meaning of 'being-for-others’” (Sartre, 1993, p. 364). Loretha owns a Pasadena Store that supplies beauty products. She loves the business and never keeps “the House of Beauty and Glamour” (McMillan, 2020, p. 19) closed without a valid reason. Though she does not like getting preached, she used to be a regular visitor of church and has a strong belief in Christian life. Since Carl's death, Loretha has stopped visiting the church and decides to close her stores. Later, on the insistence of her friend Sadie, she decides to visit church on Sundays with her. Interpersonal conflict can also be explained with apprehension of interpersonal relationships that influences interpersonal communication. Loretha does not have healthy relations with her daughter Jalecia with whom she has had no dialogue since last one year. Jalecia is forty-one-year-old but not self-reliant and sheltered at Peggy's home who is half-sister to Loreth's first husband. She is helping Jalecia in making her free of alcohol addiction. Though Peggy tries to demonstrate closeness and care for Jalecia, she extracts money from Loretha as her expenses on Jalecia's stay, food, and medical treatment. Jalecia shares her emotions with Peggy but not with Loretha which hurts her lot. Loretha has a deep desire to improve relations with Jalecia. According to Hocker and Wilmot, people in Western countries most of the times could not negotiate in integrative manner that is with love and respect. The intervention should be skilled and without any vested interest otherwise it creates further complications in the relations (2018, 260).

Frank Fincham states that persons look for valid reasoning to support their being in conflicting situations and relations. Jalecia thinks that Loretha favoured Jackson, her brother who lives in Japan with his wife Aiko and his daughters. It keeps her emotionally detached from her brother. This incomprehension of relations and underrating of self leads Jalecia to be an addict. Due to her alcoholism, she got arrested many times in drunk and drive cases. Every time, Loretha bears those expenses of bail to get her free. She has a strong desire to help in taking Jalecia away from addiction. She wants Jalecia to join an alcoholic anonymous

group, but Jalecia does not want to help herself. According to Loretha, Jalecia is not good in taking decisions and also reluctant in shouldering responsibility for the decisions taken. She has this indecisiveness due to internal conflict. She is serious about bringing positive change in self and to improve relations with Loretha, but she is unable to do so. While addressing a conflict, it is necessary to review the situation from different angles and should take into consideration the involvement of everyone and everything in it. On Kwame's suggestion to keep trying to bring Jalecia on track, Loretha replies: "I'm trying my hardest but when you hold out a branch to someone and they don't grab it, it makes you wonder if they really want help at all" (McMillan, 2020, p. 206).

Jalecia does not share anything with her mother. Peggy informs Loretha that Jalecia is not showing any improvement in her behaviour and is inclined to self-destruction. If the intrapersonal conflict is not managed appropriately and in time that may have disastrous consequences. Jalecia moves to Las Vegas with her boyfriend Jerome, but Loretha does not know about it. Peggy informs Loretha that Jalecia is safe and pregnant, but does not want to keep the baby because she does not know its father. It's very awful to Loretha who blames herself for failure as being a good mother. Loretha expects that her children should show care for her at least by inquiring about her health.

When Jalecia is hospitalized to get treatment for her catatonic depression, hospital authority informs Peggy about it but not Loretha. It hurts Loretha that Jalecia has given Peggy's number in the hospital and not her. All the same, she cannot stop herself worrying about Jalecia. She seeks advice for her from a psychologist and a psychiatrist. She wants to take Jalecia home after hospital discharge. On visiting the hospital to meet, Loretha is surprised to know that she is not on Jalecia's visitation list, so she could not meet her. After the treatment at hospital, Jalecia leaves with Peggy instead of informing and going with Loretha. On the one hand, these incidents develop in Loretha a strong antipathy towards Peggy and on the other hand, she keeps blaming herself for not properly looking after Jalecia's emotional needs.

Kwame, Carl's son from another woman, is jobless and lives in Loretha's apartment after Carl's death. Loretha is of the opinion that "Nobody should have to hind who they are inside to please people on the outside" (McMillan, 2020, p. 18). He is not in healthy relations with his mother Carolyn. Loretha is empathetic to it because she does not have healthy interactions with her children. She wants Kwame to settle the issues between him and his mother. As Kwame's mother has a stroke, Loretha wants him to attend her as early as possible. She wants him to look after his mother and expects from him to fill the gap between them. Loretha ensures Kwame that she is always there to support him. She arranges airplane tickets for him to go to Michigan urgently. Also, she sends two thousand dollars as he starts looking after his sick mother. Though Loretha is not receiving love and care from her children, she tries that Kwame's mother should get that. Loretha becomes successful in making him realize the responsibilities of a son that she expects from her children also. The result of the whole incident shows Loretha's conflict management skills and it encourages her to resolve conflicts within and with others.

Different objectives of persons become a major reason behind interpersonal conflict. Odessa, a twin sister to Loretha, left her job as a policewoman. She has a handyman named Derrick who is her boyfriend. Her husband left her for a woman who is ten years younger than Odessa. In a case conflicting personalities could not handle conflict, they lose interest in relationships and try to seek such a company that supports their goal and help in achieving those goals (Donohue, Cai, 2014, p. 36). Odessa undergoes a financial crisis and claims the house that is owned by Loretha and Carl. She is facing accommodation problems and wants to stay with Loretha in her house but she is not interested in taking her in. Loretha says to self "...just because someone is family doesn't mean that you have to like them" (McMillan, 2020, p. 7). With change in attitude towards conflicting situations one can use conflict constructively with changed world views to improve the quality of one's and others' lives. While informing Loretha about his work; Jackson, her son, said that he is working for the company like a slave. Recognizing it as a bad analogy, he corrects himself and continues telling that he is under a lot of work stress. This indicates African American's attempt to leave behind the black racial past.

A woman's hidden desire to have control and power over men is expressed by Terry McMillan in Ma's story. Loretha's mother is very energetic and hopeful about life. She is of the opinion that "you're old when you think you're old" (McMillan, 2020, p. 151). She does not want anybody to interfere in her life. Ma wants equal rights to men and carries a strong desire to have equal holding of power. She shares her strong feeling of power with Loretha and shares a secret that she had relations with two men in two days intentionally to get the feel. Loretha notices a feeling underlying with Ma's expression that men get freedom of having relations with many women and nobody objects to it. Loretha is very caring for Ma, that compassion she could not receive from her children. Loretha worries about herself for receiving care in old age. According to Nancy Burrell, people have different approaches or styles to resolve conflicts. It may be integrating where person has high concern for objectives of self and others, avoiding where person has low concern for goals of both, dominating where person has high concern for own objectives, obliging where person has low concern for own and high concern for other's objectives, and compromising where person has moderate concern for objectives of both (Burrell, 2014, p. 163).

In her childhood, Jalecia was expecting complete attention from her mother that she did not get due to her younger brother. This has created a gap in her relationship with her mother. Seeking affection from people in different relations is inherent in human beings. As a result of this, people are involved in conflict for relational issues like control, trust, and affiliation and they compete for relational control using language (Donohue, Cai, 2014, p. 27). During the treatment of depression, Jalecia has seen many patients deserted by their parents. This brings to her notice Loretha's care for her and she starts respecting her. Jalecia now recognizes that her mother has never sides with either of them. She also would like to express apology to her brother who is now in Tokyo. An email from Jalecia informing about her treatment results makes Loretha very happy. This is the first time she is informing her mother about her whereabouts and health. Jalecia returns to Loretha and regrets her previous behaviour that makes her happy. During

these days, Loretha finds her relations with her sister Odessa are also improving. Loretha invites her to join on a cruise where she enjoys their stay. According to Dunn and Herrera, children follow the techniques, strategies, and approach shown during conflict resolution by elders in the family. They recommend to have such moves in resolving conflict that shows concern for others and nature of compromise (Dunn, Herrera, 1997, p. 354).

Person's changing thoughts and emotions; his/her ideas, values and beliefs; and his/her tendencies and attitude are the main causes of intrapersonal conflict. People like Poochie never reflect internal conflict through their behavior. After Poochie's death, in her letter before death, all her friends come to know that she was having colon cancer. She has also suffered from arthritis pain. She is the eldest among friends whose husband died ten years back and has no child. She looked after her mother in her last days whose death makes Poochie lonely. She is very empathetic towards people around her.

Korynthia, a friend to Loretha, has three children from three different men, but still decides to remain alone. Her daughters do not respect her for her not having any degree. She does not have a full time job or business. These things make her regret not going to college. They do not have healthy interaction among family members. Her son Bird is a drug addicted and a victim of internal conflict whom she admits in a rehab. He leaves the rehabilitation center with incomplete treatment but she wants him to re-enroll and complete the treatment. Later, Bird starts his treatment that makes Korynthia happy. During self-medication, an overdose of pain relief has taken his life. On losing Bird, Korynthia suggests to Loretha to help her daughter to overcome addiction. African American women cannot avoid responsibility of parenting as they do it till their child's middle age and grandparenting afterwards. Sometimes it is willing, most of the time it is unwilling and compelled by their child. Korynthia's daughter needs her in babysitting her four kids who are below seven year old. Like Loretha, Korynthia does not receive respect and care from her kids, grandkids, and great grandkids. Korynthia is fed up with the responsibilities of mothering – mother, grandmother and great grandmother even her mother has suicidal tendency. These unwanted and forced familial responsibilities lead to the conflict.

William Wilmot advises the married couples to have healthy interpersonal dialogue to avoid situations of quarrel. They should have clarity about each other's feelings, emotions, and thoughts (Wilmot, 1995, p. 138). Elizabeth Taylor alias Lucky, married to Joe a white, has no child. He loves Lucky and always respects her, but she is not in good relations with Joe. She could not recognise her love for him. They have a strained relationship. So, in order to avoid conflicts Joe divorces her. Now, Lucky is doing nothing except shopping and eating. Additionally, her ill-health and lots of free time lure her to smoking marijuana and lose attention from self and home. Conflict can be mutually beneficial in many cases but your attempt to avoid it may result in some loss. Especially, in a marital relationship, a couple can come across each other's expectations that remain unheard most of the time in normal situations.

Social conflict is unavoidable in the society we live in. Even though it has dark sides, racial conflict in the society facilitates in building an individual's iden-

tity. It influences a person's comprehension of incidents and situations around. A cop who looks like a redneck, a poor South American, stops Loretha who is driving a car swerving. When he stops her and asks for driving license and car papers, she starts thinking about why he has stopped her, a senior citizen. That may be because she is a black. Social conflicts help in developing affinity towards racially identical people. On knowing that Korynthia is in love with Henry, Loretha is interested to know whether he is white or black. When Loretha seeks advice for Jalecia from two doctors, one psychologist and another psychiatrist, she is expecting them to be black persons. This choice indicates Loretha's affinity towards doctors that are black. Loretha has sold her store in L.A. to two black graduates that show her kinship with black community.

Conclusion

In conclusion, change is one of the possible outcomes of any conflict. The interest of parties involved in the conflict behind its resolution should be to avoid loss for both of them. Conflict management needs to be impartial and feeling of justice done is desirable at both the parties that is by creating a win-win situation for them. In the later stages of life after a long period of conflict within and outside, Terry's female characters found taking decisions to refresh them with preference to spend free time on self and to live remaining every moment of life happily. Terry's black women choose to free themselves from all kinds of stress and from irrelevant things in their life. Conflict usually does not remain limited within parties involved; but like a chain reaction it starts affecting people associated with parties. People may learn from other's mistakes or give suggestions to conflicting parties based on their experiences as Korynthia warns Loretha. Conflict brings with it challenges and to address them one seeks from others, formal or informal help. Conflicts can be settled down by employing two methods – either mutual agreement after the discussion or inviting third party to reconcile that is negotiation. Intervention of third party to settle down the conflict may not always work due to personal interests of mediator as Peggy takes undue advantage of Loretha's helplessness. Further research can be undertaken to study impact of conflict and its resolution in shaping Terry's black women's identity.

References

- Burrell, N.A., Allen, M., Gayle, B.M., & Preiss, R.W. (Eds.). (2014). *Managing interpersonal conflict: Advances through meta-analysis*. Routledge, Taylor & Francis Group.
- Donohue, W.A., & Cai, D.A. (2014). Interpersonal conflict: An overview. In N.A. Burrell, M. Allen, B.M. Gayle & R.W. Preiss (Eds.), *Managing Interpersonal Conflict: Advances Through Meta-Analysis* (pp. 22–41). Routledge, Taylor & Francis Group.
- Dunn, J., & Herrera, C. (1997). Conflict resolution with friends, siblings, and mothers: A developmental perspective. *Aggressive Behavior*, 23, 343–357.
- Emerson, R.M. (2015). *Everyday troubles: The micro-politics of interpersonal conflict*. The University of Chicago Press.
- Fincham, F.D. (1994). Cognition in marriage: Current status and future challenges. *Applied and Preventive Psychology*, 3(3), 185–198. [http://doi.org/10.1016/S0962-1849\(05\)80070-8](http://doi.org/10.1016/S0962-1849(05)80070-8)
- Hocker, J.L., & Wilmot, W.W. (2018). *Interpersonal conflict*. McGraw-Hill Education.
- McMillan, T. (2020). *It's not all downhill from here*. Ballantine Books.

- Pawar, P.N. (2019). *Quest for identity in the novels of Terry McMillan*. Ph.D. Diss. Kolhapur: Shivaji University.
- Roloff, M.E., & Miller, C.W. (2006). Social cognition approaches to understanding interpersonal conflict and communication. In J.G. Oetzel & S. Ting-Toomey (Eds.), *The SAGE Handbook of Conflict Communication: Integrating Theory, Research, and Practice* (pp. 97–128). SAGE Publications Inc.
- Roloff, M.E., & Wright, C.N. (2013). Social cognition and conflict. In J.G. Oetzel & S. Ting-Toomey (Eds.), *The SAGE Handbook of Conflict Communication: Integrating Theory, Research, and Practice* (pp. 133–160). SAGE Publications Inc.
- Sartre, J.P. (1993). *Being and nothingness* (H.E. Banes, Trans.). Routledge.
- Weixel-Dixon, K. (2017). *Interpersonal conflict: An existential psychotherapeutic and practical model*. Routledge, Taylor & Francis Group.
- Wilmot, W.W. (1995). *Relational communication*. McGraw-Hill.

Bio note:

Pradip Nathuram Pawar, Assistant Professor, Department of Science and Humanities, Rajarambapu Institute of Technology, Sakharale, Sangli, Maharashtra, 415414, Republic of India. ORCID: 0000-0003-4778-1468. E-mail: pradip.pawar@ritindia.edu

Сведения об авторе:

Павар Прадип Натурам, доцент кафедры естественных и гуманитарных наук, Технологический институт Раджарамбапу, Республика Индия, 415414, Махараштра, Сахарале, Сангли. ORCID: 0000-0003-4778-1468. E-mail: pradip.pawar@ritindia.edu

ЖУРНАЛИСТИКА

АФРИКАНСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ГЛОБАЛЬНОЙ МЕДИАПОВЕСТКЕ

JOURNALISM

AFRICAN PROBLEMS IN GLOBAL MEDIA AGENDA

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-297-305

EDN: SVISSS

UDC 070.1

Research article / Научная статья

Political journalism on China-Africa in a changing world order: Canada, France, Francophone Africa

Isaac Bazie

University of Quebec in Montreal, Montreal, Canada

 bazie.isaac@uqam.ca

Abstract. Political journalism, as a practice aimed at covering the political scene for the benefit of citizens, is a major tool in shaping the public's opinion of political issues and actors. Taken on a global scale, this practice becomes more crucial as it positions political journalism at the intersection formed by national (own) and foreign political and ideological spots. The author has chosen one of the most polarizing topics on the international scene for the last two decades: China-Africa. This strong polarization will enable us to highlight the main trends of analysis of media discourse on China and Africa in Canada, France and French-speaking West Africa. The research confirms this trend: political perception and dominant ideology in Canada and France build a common reading lense for describing and interpreting China-Africa relations in the media. The limits of interpreting African dynamics from the “outside” Africa, in the ideological and political meaning of the term, are considered. The major bias in press coverage is to mainly focus on China-Africa, whereas African countries are nurturing and initiating important partnerships with other countries such as Russia, of course, but also India, Japan, Turkey, etc. Europe needs Africa, which it will have to support in its economic transformation, whatever the cost, to build the long-promised New Deal, that was only envisaged in the emergency thanks to the multipolar situation created by the rise of Asia, among others. Reporting on it from both a European-American and an Asian-African perspective remains a major challenge for political journalism on both sides, for a better understanding of Africa’s new dynamic in a new world order.

Keywords: political media, press bias, North Africa, francophone countries, New Deal

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

© Bazie I., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Article history: submitted January 24, 2024; revised February 15, 2024; accepted March 10, 2024.

For citation: Bazie, I. (2024). Political journalism on China-Africa in a changing world order: Canada, France, Francophone Africa. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 297–305. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-297-305>

Политическая журналистика о Китае и Африке в условиях меняющегося миропорядка: Канада, Франция, франкоязычная Африка

И. Базье

Университет Квебека в Монреале, Монреаль, Канада

✉ bazie.isaac@uqam.ca

Аннотация. Политическая журналистика, нацеленная на освещение политических процессов ради блага граждан, является важным инструментом формирования общественного мнения о политических проблемах и акторах. В глобальном масштабе политическая журналистика становится все более актуальной, поскольку оказывается на стыке национальных (собственных) и зарубежных политико-идеологических позиций. Рассматривается одна из самых противоречивых тем на международной арене за последние два десятилетия: отношения Китая и Африки. Резкая поляризация позволит выделить основные тенденции анализа медиадискурса о Китае и Африке в Канаде, Франции и франкоязычных странах Западной Африки. Исследование подтверждает: традиционное восприятие политики и доминирующая идеология в Канаде и Франции создают общую линзу для описания и интерпретации китайско-африканских отношений в средствах массовой информации. Представлены пределы интерпретации в прессе африканской динамики с позиции вне Африки в идеологическом и политическом смыслах. Основная предвзятость прессы в следующем: главное внимание уделяется Китаю и Африке, тогда как африканские государства развивают и иницируют важные партнерские отношения с другими странами (Россия, Индия, Япония, Турция и др.). Европа нуждается в Африке, которую придется поддерживать ради экономической трансформации любой ценой, чтобы построить давно обещанный «новый курс», предусматривавшийся только как выход в чрезвычайной ситуации, в условиях многополярности, спровоцированной среди прочего подъемом Азии. Освещение этой проблемы, как с европейско-американской, так и с азиатско-африканской точки зрения, остается серьезной задачей для политической журналистики, направленной на лучшее понимание новой динамики Африки в новом мировом порядке.

Ключевые слова: политические СМИ, предвзятость прессы, Северная Африка, франкоязычные страны, «новый курс»

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 24 января 2024 г.; отрецензирована 15 февраля 2024 г.; принята к публикации 30 марта 2024 г.

Для цитирования: *Bazie I.* Political journalism on China-Africa in a changing world order: Canada, France, Francophone Africa // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 297–305. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-297-305>

Introduction

In France, April, 21 has become one of those dates that refer to major events and mark collective memories. On April 21, 2002, a large part of French electors were shocked by the first round of voting, in which far-right leader Jean-Marie Le Pen won enough votes to become the candidate in the presidential race against Jacques Chirac in the second round. Seeking to explain the role of the media in this situation, Albert Du Roy (2003) denounced in his article titled “The dangerous links between journalism and politics” the lack of objectivity in political journalism's coverage of political life, the main consequence of which has been an absence of critical distance to better analyze and deepen political debate, and ultimately to better inform the public. Every discourse bears the mark of the speaker's social identity (Charron, 2006), the collision between, on the one hand, the journalist in his role as an observer, informant and adviser about the real issues at stake in the campaign and, on the other hand, the object of information and pedagogy (the political scene and actors) becomes a serious compromise: during the elections in 2002, it prevented political journalists from identifying and presenting the real issues at stake between the different political positions; in so doing, it contributes to skewing the public's perception and the choices that individuals make about these political options.

An analysis of media discourse on China and Africa in Canada, France and French-speaking West Africa confirms this trend: political perception and dominant ideology in Canada and France build a common reading lense for describing and interpreting China-Africa relations in the media.

Methodological background

Our initial research consisted of looking for print articles on Africa-Asia in North America, Europe, and Africa. But very quickly it became clear that the major recurring theme in the articles was China-Africa rather than Asia-Africa. We therefore had to rethink the whole approach and collect data on this China-Africa axis, while keeping in mind that it should be Africa-Asia. The point of compiling such a corpus is to find out, from the articles collected, what political journalism is saying about the rise of Asia, and China in particular, as far as Africa is concerned. The collection of articles targeted publications in traditional, widely circulated press organs over twenty years first (2000–2019) in the United States, Canada, France and Africa. By reducing this period to ten years (2010 to 2019) with “China-Africa keywords”, it was possible to select eighty-six texts from the nine thousand articles relevant to the present reflection. This decade is important because it saw the launch of China's gigantic Belt and Road Initiative (New Silk Roads) in 2013. It is also in this decade that one of the largest mobilizations of African states by China; fifty-three African countries were present at the 2018 Forum for “Africa-China Cooperation (FOCAC) in Beijing. Articles were selected according to criteria of length (long articles), relevance (China-Africa) and language (French).

Discussion

France-Canada: “China-Africa” seen as a Problem and a Challenge in Journalistic Discourse. In the French-Canadian press considered in my research, China's presence on the African continent is perceived as a serious threat to dem-

ocratic values and economic benefits for Africans, as well as a challenge for Western countries in their interactions with Africa.

A new competitor on the African and world stage: The dominant trend in French press coverage (*Le Monde*, *Le Nouvel Obs.*, *Le Figaro*, *Le Courrier international* etc.) is to regard China's presence on the African continent as an increasingly serious problem, as the latter expands its economic influence on the continent. China is perceived as the new major player on the African chessboard, with ambitions (economic, strategic, and military) that would not unfold without casting a shadow on Western powers, notably France. Djibouti, where this game of great powers – both old and new – is seen as an emblematic example of this new Chinese influence, as seen in *La Croix's* editorial¹: “What is China doing in Djibouti? It is ensuring the maritime security of its new Silk Road by setting up its port and military base. It is opening to the Ethiopian market, the giant and dragon of the Horn of Africa. It consolidates its presence in Africa, demonstrates its power”.

This editorial from *La Croix* reveals the common perception of the French media about China, considered “China: the pharaonic construction sites of the conquering empire” by Marc Epstein (2016). It must be said that media coverage of China-Africa is not exclusively devoted to Africa; Africa is perceived as one of the elements of a Chinese global strategy. This perception in French political journalism reveals an admiration tinged with anxiety in the face of an increasingly worrying adversary (De Barochez, 2018).

There are two major aspects to this statement in the political press's portrayal of China-Africa: the first concerns China's gigantic ambitions, with its long-term vision for achieving its ends on the African continent, and in the world more generally. The second aspect of this portrait of China is Europe's grimace and procrastination in the face of a determined adversary “demonstrating an unprecedented diplomatic pragmatism” (Thibault, 2015). Veiled admiration gives way to anxiety and irritation at Europe's, and indeed the West's, overly timid responses. Luc de Barochez warns of a “passive Europe”, while other French media take a more bellicose and antagonistic view of China-Africa.

The impatience with France and Europe that pervades media discourse in France becomes a recurrent reaction in media discourse. One of the most eloquent illustrations is to be found in the words of former French Prime Minister Dominique de Villepin, who observes that Globalization is changing shape and centre of gravity. He laments, we hardly realize it, locked in our internal French and European debates, engulfed in Western and liberal globalization thinking, imprisoned by financial and economic tools from another time.

There are many concerns about the Asian giant's “global” presence and ambitions (Epstein, 2016) in Africa: they point to the human rights practices of the People's Republic of China; on the other hand, the problem seen in the media discourse is about China seen as an abusive actor on African soil. Editorials denounce the imbalance in relations between China and African countries, whose interests are supposedly neglected while Chinese industries reap the greatest bene-

¹ À Djibouti demain commence aujourd'hui. (2017, February 16). *La Croix*. Retrieved November 2, 2023, from <https://www.la-croix.com/Monde/Afrique/A-Djibouti-demain-commence-aujourd'hui-2017-02-16-1200825144a>

fits. Among the concerns and dangers regularly put forward to decry the intensification of China-Africa relations, three stand out: a) The “debt trap” set for Africa; b) the establishment of a new hegemonic power in Africa; c) the fear of a new colonization of Africa by China. In the presentation of China as a newcomer with great ambitions on the African continent, the historic role played there by powers such as France comes up in a few places, sometimes by way of comparison, as seen in *La Croix* arguing that China is putting itself in a position, one day soon, to be the continent's “new policeman”. As part of this apprehension of a new colonization of Africa by China, Emmanuel Veron (2018) makes a semantic contribution to the distinction between colonialism and imperialism. His comments are based on an analysis by sinologist Jean-Pierre Cabestan in *Le Monde* (Lemaitre, 2018) who developed the idea of a “hegemonic”, “even imperialist” role of China in Africa.

Canada: democracy and human rights in question. The first part of this article covered the French journalistic discourse in some detail because it reflects the major trends of the French-speaking Canadian media, not to mention the Western media. Questions relating to China's “expansionist” ambitions, seen as a threat to the current world order, the risks of neo-colonialism in Africa and the “debt trap” are equally recurrent in Canada. There is no need to dwell on these, but rather to highlight other aspects of Canadian journalism that are more prominent than in France, though not absent: essentially, democracy and human rights, as well as the role that Western countries should play in Africa and the developing world in the face of China's growing power.

By way of illustration, we'll take a look at one of the most analytical and well-documented articles in the corpus. In “La recette chinoise pour conquérir le monde d'ici 2049” (China's recipe for conquering the world by 2049), Ximena Sampson (2019) provides a comprehensive overview of trends in French-Canadian journalism on China-Africa. She begins by discussing China's role on the world stage, which she sees as destabilizing the world order held dear by the West: “It's not a direct attack, but it's eroding the foundations of the world order as the West imagined it, based on human rights and freedom”.

The world order in question would therefore be based on a set of cardinal values implying that should be defended and promoted. David Shullman, one of the experts quoted in Sampson's article and a senior advisor to the International Republican Institute (IRI), notices: “They [the African leaders] can just take the Chinese money and say 'no thanks' to the IMF [or other Western institutions] and they don't have to comply with their demands for democratic reform or good governance”.

“Democracy” and “Human Rights” therefore feature prominently in media discourse in Canada and the West more generally. Another specialist quoted, Nadege Rolland (2017), makes the following analysis: “If there weren't this divergence of values, even with China's growing economic power, we wouldn't even be talking about a problem of jealousy on the part of the established powers”. An analysis of media discourse reveals “democracy” as a distinctive value. It is the standard by which the West gives itself an identity and sets itself up in opposition to China. Thanks to it, the West sets itself apart from China and acts as a bulwark against the destruction of such a value in the world, and in Africa in particular.

The West as an intercontinental mediator between Africa and China?

In French and Canadian media discourse the denunciation of China's action in Africa comes with a pedagogical and preventive approach: taking note of China's almost irrepressible advance on the continent, experts see the West as an experienced mediator able to accompany and advice African countries in their interaction with China (Sampson, 2019).

The overview of the main lines of media coverage on China-Africa in France and Canada is an excellent indicator of the contribution of political journalism to this polarizing issue. It was important to present them without evaluating their foundations and implications. This will be done succinctly in the final part of this contribution. But first, getting an idea of the media perception of China-Africa in Francophone Africa will be useful.

African perspectives. In the French-speaking newspapers analyzed over the period 2010–2019, we have included articles from press organs based in Africa and dedicated to news from the continent such as *La Tribune Afrique*, the African version of the French *La Tribune* inaugurated in Morocco in 2016. But most of the media we consulted are local media such as *Le Pays* and *Sidwaya* (Burkina Faso), *Fraternité Matin* (Ivory Coast), *Fraternité* (Benin), *Guinée Matin*, *Le Matin*, *L'Économiste* (Morocco). The Maghreb is one of the major areas in which China is taking vigorous action to strengthen economic cooperation, following on from its post-Bandung relations with Algeria and Morocco in particular (Pairault, 2017).

The main lines of journalistic coverage on China-Africa in French-speaking Africa show a clear demarcation from the concerns raised in the Western media presented above. It appears that French and Canadian warnings against China in the media and on the political scenes are not having a sufficiently strong dissuasive effect on the African continent. There is no direct, systematic link between China's presence in Africa and the possible erosion of “democracy” as an absolute value; nor, of course, is there any correlation between the search for funding, new China-Africa partnerships, and questions of democracy, with the latter conditioning the former. This fact confirms the apprehension of Canadian and French analysts who deplore the fact that Chinese investments are not accompanied by the condition of democracy operating according to the Western model. A recurrent theme in the French-language press is criticism of the West, and France in particular, for the unsatisfactory results of their historic cooperation with African countries. It is also important to note that while this criticism of old partners is frequent, it is also accompanied by questions, even concerns, about what “new” partners such as China and Russia would do differently. Hence the sporadic warnings against Chinese or Russian neo-colonialism in Africa, and the need for Africa to develop its political agenda and take advantage of this competition between the great powers on its territory.

Indeed, this seems to be the basis of what can be considered the African position as set out in the articles analyzed: a pragmatism based on the search for urgent solutions to long-standing development and security problems on the African continent. Aboubacar Yacouba Barma (2018) reports in *La Tribune Afrique*: “The Rwandan president's speech was one of the most eagerly awaited at FOCAC 2018, and true to form, Paul Kagamé once again made his presence felt through

his statements. First, he rejected the fears of a debt crisis that China is once again imposing on Africa, and which risks mortgaging its development. A “*false trap*”, according to him, stressing that the scope for cooperation between China and Africa is still quite wide. “Those who criticize China for its debt are not giving enough”, Paul Kagamé implicitly replied to Africa's traditional partners, Western donors, and international financial institutions, who are worried about China's growing power and the billions of yuan pouring into the continent.” This very representative view of media coverage shows an Africa that is open and enthusiastic about seizing opportunities for cooperation and development. It also shows that the political speeches reported in the media are formulated as responses to recurring concerns and warnings coming from Western media and political scenes.

Africa-Asia: lose interest in the West and fall in love with Asia? After this overview of China-Africa in the French-language press in Canada, France and Africa from 2010 to 2019, one observation becomes obvious: the days when the West expanded around the world untroubled, in a spirit captured by Onésime Reclus' famous slogan (1904): “*Lâchons l'Asie, prenons l'Afrique*” (Let's leave Asia, let's take Africa), are truly over. At present, we rather have the impression that it is Africa that is abandoning a certain way of doing things with the West – France – to fall in love with Asia – China. The direct consequence of Asia's breakthrough in Africa is a proportional decline in the commercial share of Western countries such as France, which enjoyed a quasi-monopoly status there during colonization and since the decades following independence.

The suspicions that accompany Western media analyses of the opening-up to Asia, and China in particular, rarely mention the fact that Afro-Asian relations are not recent. The Bandung conference in 1955 was already quite clear about the need for African and Asian countries to join forces to free themselves from the colonial yoke and cooperate to develop. The 1961 Belgrade conference, which gave birth to the Non-Aligned Movement, was not the daughter of the Bandung conference for nothing. It brought together more African players than Bandung because, by 1961, more African states had gained political independence. Like Bandung, Belgrade also appears very rarely in attempts to analyze the current dynamics in Afro-Asian relations. And yet, we must go back to these great historic meetings (Keita, 1961), but in the right way: the point here is not to give them an importance they didn't have, but to understand the basic principle that motivated them. Bandung and Belgrade are the two sides of the African coin in today's dynamic: one side is the solidarity and cooperation between Africa and Asia, which we need to appreciate if we are to stop being surprised or suspicious of the fact that the two continents are converging in the twenty-first century because this desire for convergence is not new; the other side of the coin concerns the Belgrade principle: recent events in the world, particularly in Ukraine, clearly show that to be more effective with other partners of its choice, Non-alignment is key for the African continent.

Taking a critical look at China-Africa, Mingqing Yuan and Nina Chavoz point out: “Whatever the conclusion, we'll come away convinced that the Sino-African relationship is neither a marriage of love nor a chess game pitting two adversaries against each other: rather, it's a constellation of variable geometry, where everyone – from China to Africa, via America and Europe – must play their part” (2021; p. 26).

Conclusion

Trying to understand the violent rupture between France and some of its former colonies in the Sahel, Stephen Smith (2023) notes in an article with the highly revealing title “France in Africa: Why so much hatred?”: “Seen from the really existing France, neither the scale nor the novelty of this massive rejection has been fully perceived”. The answer to such an important question, however, remains highly insufficient. The major bias in press coverage is to mainly focus on China-Africa, whereas African countries are nurturing and initiating important partnerships with other countries such as Russia, of course, but also India, Japan, Turkey etc. On the sidelines of the second edition of the Europe-Africa Forum (May 15 and 16, 2023 in Marseille), Mounir El Figuigui (2023) notes: “With Asia – especially China and India – more than ever at the top of Africa's list of “new” partners, Europe will have to come to terms with the African adage “The wisdom of the lion is not the wisdom of the panther”. More than ever, Europe needs Africa, which it will have to support in its economic transformation, whatever the cost, to build the long-promised “New Deal”.

This “New Deal” was only envisaged in the emergency thanks to the multi-polar situation created by the rise of Asia, among others. Reporting on it from both a European-American and an Asian-African perspective remains a major challenge for political journalism on both sides, for a better understanding of Africa’s new dynamic in a new world order.

References

- Barma, A.Y. (2018). Les plus populaires. *Afrique La Tribune*. Retrieved December 29, 2023, from <https://afrique.latribune.fr/>
- Charron, J. (2006). Journalisme, politique et discours rapporté: évolution des modalités de la citation dans la presse écrite au Québec: 1945–1995. *Politique et Sociétés*, 25(2–3), 147–181. <https://doi.org/10.7202/015932ar> (In French)
- De Barochez, L. (2018, August 7). La Chine s'exporte en Afrique. *Le Point*. Retrieved December 29, 2023, from https://www.lepoint.fr/debats/luc-de-barochez-la-chine-s-exporte-en-afrique-07-08-2018-2241893_2.php#11
- Du Roy, A. (2003). Les liaisons dangereuses du journalisme et de la politique. *Hermès, La Revue*, 35(1), 131–136. <https://doi.org/10.4267/2042/9326>
- El Figuigui, M. (2023, May 15). Quelles priorités pour renforcer la coopération entre l'Europe et l'Afrique? *La Tribune Afrique*. Retrieved December 29, 2023, from <https://afrique.latribune.fr/economie/strategies/2023-05-15/quelles-priorites-pour-une-cooperation-renforcee-entre-l-europe-et-l-afrique-962292.html>
- Epstein, M. (2016, April 28). Chine: les chantiers pharaoniques de l'empire conquérant. *L'Express*. Retrieved December 29, 2023 from https://www.lexpress.fr/monde/asia/chine-les-chantiers-pharaoniques-de-l-empire-conquerant_1786679.html
- Keita, M. (1961). Discours à la Conférence des non-alignés à Belgrade du 01/09/1961 au 06/09/1961. *Modibo Keita (1915–1977): Une figure de proue*. Retrieved December 18, 2023, from <https://modibo-keita.site/discours-et-interventions-de-modibo-keita/>
- Lemaitre, F. (2018, February 3). Sommet Chine-Afrique: Pékin n'est pas néocolonialiste, mais hégémonique. *Le Monde*. Retrieved from https://www.lemonde.fr/afrique/article/2018/09/03/sommet-chine-afrique-pek-in-n-est-pas-neocolonialiste-mais-hegemonique_5349720_3212.html

- Pairault, T. (2017). La Chine au Maghreb: de l'esprit de Bandung à l'esprit du capitalisme. *Revue de la regulation*, 21. Retrieved December 25, 2023, from <https://journals.openedition.org/regulation/12230> <https://doi.org/10.4000/regulation.12230>
- Rolland, N. (2017). *China's Eurasian century? Political and strategic implications of the Belt and Road Initiative*. The National Bureau of Asian Research.
- Sampson, X. (2019, August 28). La recette chinoise pour conquérir le monde d'ici 2049. *Radio Canada*. Retrieved December 25, 2023, from <https://ici.radio-canada.ca/nouvelle/1223404/influence-chine-monde-routes-soie-bri-geostrategie-chinoise>
- Smith, S. (2023, January 23). France in Africa, why so much hatred? *The Limited Times*. Retrieved December 29, 2023, from <https://newsrnd.com/news/2023-01-23-stephen-smith--%22france-in-africa--why-so-much-hatred-%22.BkeEsI2ij.html>
- Thibault, H. (2015, September 25). Xi Jinping, le monde est son empire. *L'Express*. Retrieved December 20, 2023, from https://www.lexpress.fr/monde/asia/xi-jinping-le-monde-est-son-empire_1718376.html
- Veron, E. (2018, September 5). Vers un impérialisme chinois en Afrique? *La Tribune*. Retrieved December 20, 2023, from <https://theconversation.com/vers-un-imperialisme-chinois-en-afrique-102592>
- Yuan, M., & Chavoz, N. (2021). Qui a peur de la Chinafrique? «The Road Workers of Chalbi» de Dalle Abraham et «The Sale» de Tendai Huchu. *Études littéraires africaines*, (52), 13–26. <https://doi.org/10.7202/1087062ar>

Bio note:

Isaac Bazie, expert in social anthropology, Prof. Dr., Department of Literary Studies, University of Quebec at Montreal, CP 8888, Centre-Ville, Montreal, H3C 3P8, Canada. ORCID: 0000-0001-5802-605X. E-mail : bazie.isaac@uqam.com

Сведения об авторе:

Базье Исаак, эксперт в области социальной антропологии, профессор кафедры литературоведения, Университет Квебека в Монреале, Канада, H3C 3P8, Монреаль, Centre-Ville, CP 8888. ORCID: 0000-0001-5802-605X. E-mail: bazie.isaac@uqam.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-306-314

EDN: SWBFYY

UDC 316.48

Research article / Научная статья

Media representations of conflicts in Africa: the case of Russian newspapers

Elena L. Vartanova^{ID}✉, Denis V. Dunas^{ID}, Anna A. Gladkova^{ID},
Polina A. Kireeva^{ID}, Daria O. Maluchenko^{ID}

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ eva@smi.msu.ru

Abstract. The article analyses publications in leading Russian daily periodicals – the *Komsomolskaya Pravda*, *Izvestia*, and *Kommersant* newspapers – for the year 2023, which cover conflicts and confrontations of various kinds in African states. The analysis revealed that media attention is primarily focused on the political shifts that accompany the establishment of a new multipolar order on the global arena, wherein Africa is seen as a significant actor supporting Russia. Besides, Russian newspapers represent internal regional conflicts in Africa as well, though such topics are covered substantially less intensively and continuously compared to the Russia-related hostilities. This allows to conclude about the formation of positive media representations of Africa even in negative contexts, i.e. against the conflict-prone background. The agenda built around Africa is marked by Russia-centricity, and the issues of African region are viewed through the lens of the Russian context.

Keywords: multipolarity, global South, positive image of Africa, external conflicts, internal conflicts, editorial policy

Acknowledgements and Funding. This work was supported by the Russian Science Foundation (project number 22-18-00225).

Author's contribution. *E.L. Vartanova* – development of the research concept and research program, text writing and editing. *D.V. Dunas* – development of the research concept and research program, text writing and editing. *A.A. Gladkova* – development of the research concept and research program, text editing. *P.A. Kireeva* – collection and analysis of material. *D.O. Maluchenko* – collection and analysis of material.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 18, 2024; revised February 17, 2024; accepted March 2, 2024.

For citation: Vartanova, E.L., Dunas, D.V., Gladkova, A.A., Kireeva, P.A., & Maluchenko, D.O. (2024). Media representations of conflicts in Africa: The case of Russian newspapers. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 306–314. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-306-314>

© Vartanova E.L., Dunas D.V., Gladkova A.A., Kireeva P.A., Maluchenko D.O., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Медиарепрезентации конфликтов в Африке: кейс российских изданий

Е.Л. Вартанова , Д.В. Дунас , А.А. Гладкова ,
П.А. Киреева , Д. О. Малюченко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

 eva@smi.msu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты анализа публикаций в ведущих российских газетах – «Комсомольская правда», «Известия», «Коммерсантъ» за 2023 год, посвященных Африке в контексте конфликтов и конфронтаций разного рода. Анализ выявил, что основная часть внимания СМИ была уделена политическим изменениям, касающимся установления нового мультиполярного порядка в мире, в котором Африка рассматривается как значимый и поддерживающий Россию игрок. Кроме того, в российских изданиях присутствовали упоминания о многочисленных региональных конфликтах в Африке, хотя их освещение осуществлялось не так долго и интенсивно, как в случае конфликтов, затрагивающих Россию непосредственно. Таким образом, возможно говорить о формировании положительных медиарепрезентаций Африки даже в контексте негативного – конфликтного информационного фона. Выстраиваемая вокруг Африки повестка дня характеризуется «российскоцентричностью» – то есть вопросы развития африканского региона преломляются сквозь призму российского контекста.

Ключевые слова: многополярность, глобальный Юг, положительный имидж Африки, внешние конфликты, внутренние конфликты, редакционная политика

Благодарности и финансирование. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00225).

Вклад авторов. Е.Л. Вартанова – разработка концепции и программы исследования, написание и редактирование текста. Д.В. Дунас – разработка концепции и программы исследования, написание и редактирование текста. А.А. Гладкова – разработка концепции и программы исследования, редактирование текста. П.А. Киреева – сбор и анализ материалов. Д.О. Малюченко – сбор и анализ материалов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 18 января 2024 г.; отрецензирована 17 февраля 2024 г.; принята к публикации 2 марта 2024 г.

Для цитирования: *Vartanova E.L., Dunas D.V., Gladkova A.A., Kireeva P.A., Maluchenko D.O.* Media representations of conflicts in Africa: the case of Russian newspapers // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 306–314. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-306-314>

Introduction

Africa gained notoriety for being the most conflict-prone region of the planet. Since the end of colonial rule (starting from 1960s) it has seen numerous military clashes¹. African political regimes further aggravated the internal social con-

¹ Sharif, T.A. (2015, April). Silencing the guns in Africa. A pathway to the sustainable development goals. Implementing the 2030 agenda: The challenge of conflict. *UN Chronicle*. Retrieved January 15, 2024, from <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21986>

flicts present in the region, including inter-ethnic, religious, and ethno-political disagreements that often escalated to full-fledged wars.

Amidst deep mediatization, media shows enhanced involvement in social conflicts of different kinds, as noted by the scholars (Eskjaer et al., 2015; Labush, Puyu, 2019; Morse, 2018; Vartanova et al., 2023). The African region is no exception, with Russian media often presenting a simplified and stereotypical image of Africa and normally focusing on issues such as conflict, poverty, corruption and disease.

Along with other media consumers all over the globe, the Russians actively monitor conflicts in the African region through mediating lenses (Budka, Bräucher, 2020). Media coverage has grown to become a natural component of conflict throughout its development from the outbreak up until the implication discussion (Smirnova et al., 2021). Yet studies show that conflict is primarily described in its active phase, while initial and resolution stages of conflict receive incomparably less media coverage (Lukina, Tolokonnikova, 2021).

For this reason, positive achievements of African countries, such as economic growth, technological development and improved social conditions, are not sufficiently covered in the Russian media. Moreover, the image of Africa often draws upon the obsolete colonial ideas about the continent. Africa is often portrayed as a habitat of exotic animals and location of natural resources, which ignores the complexity and diversity of the African societies.

Thus, the image of Africa in the Russian media requires a more in-depth and balanced coverage in order to overcome stereotypes and provide a more complete and accurate picture of the continent and its peoples. To match this perspective, a trend was set in 2023, after the Russia-Africa Summit that cast into stark relief African economic capacity and opportunities for Russian investment and collaboration. Cooperation with the African region was re-imagined, having gained more political importance in the light of common goals and aspirations to build a fair and equitable system of international relations based on the principles of national identity and cultural diversity, building deep understanding of African realities through Russian media. In its current international policy Russia views Africa as a major pillar of an emerging multipolar world, reaffirming the need to jointly counter neocolonialism.

Media representation of the African states in the Russian media in the past year against the backdrop of conflict is a vibrant field of analysis in the context of the rising mutually beneficial cooperation. This research aims to reveal what conflicts are presented in the Russian media in the context of the African region and what are the specifics of their media representation.

Conflict on the agenda of legacy media: theoretical foundation

Agenda-setting is a major role of media that comes down to highlighting relevant and most crucial social events that bear significance for a wider audience. Social media have brought about significant changes in the agenda-setting in recent years, as they liberate and complement the agendas built by legacy media, while sometimes going as far as building parallel agendas. Nevertheless, it is still

the legacy media that set up an agenda that is more consistent with the political agenda and keep with the national interests of the state (McCombs, Shaw, 1972).

Agenda is closely linked to news values – criteria that reflect the editorial understanding of what attracts audience interest, making one story more relevant to publish than another (Galtung, Ruge, 1965). Information selection and hierarchy is influenced by a range of criteria, including unambiguity of interpretation, cultural proximity between the audience and participants in the events described, continuity of the newsbreak, references to a negative occurrence, etc. (Schultz, 2007; O'Neill, Harcup, 2009). Timeliness, relevance, proximity to the audience, sensationalism, exclusivity and the presence of conflict are the most common criteria, conventionally accepted by scholars and journalists (Schultz, 2007).

Along with other news values, conflict is a generally accepted criterion for selecting an informationally attractive topic. Even though the criteria for news value have been revised and supplemented over time, conflict has always remained a key element in the theory of news values. Pamela Shoemaker argues that the need to scan the environment for threats stems from the biological instinct, which attaches a vital social significance to the regular news about conflict situations (Shoemaker, 1996). Experts admit that “bad” news sells better than the “good” news, i.e. attract a larger audience (Shoemaker, Reese, 2014). Ultimately, journalism revolves in large part around storytelling, and the presence of conflict or drama is a prerequisite for narration (Epstein, 1973). Scholars argue that events with dramatic potential are more frequently covered in mass media, while the stories that appear “dry” are intentionally tackled from dramatic angles (Bennet, 1996).

Conflict is the cornerstone of socio-political news narratives. Conflict frame stands out among the five frames that journalists from across the global heavily rely on while reporting on situations and contexts of different kinds. At its core lies the use of conflict between different individuals, groups or institutions as a means of attracting audience’s attention (Semetko, Valkenburg, 2000). Journalists resort to conflict as a news value through describing the positions and actions of two opposing sides. Such news items trigger group constructs in the minds of the audience, which push people to identify themselves with one of the parties.

Design and results of the study

At the preparatory stage of empirical study, a number of sources were selected based on the rating of daily newspapers² using the Integrum data base. As a result, three most popular daily newspapers in Russia were selected: the mass tabloid *Komsomolskaya Pravda* (The Komsomol Truth), and two quality dailies *Izvestia* (The News), *Kommersant* (The Businessman) newspapers. Average Issue Readership (AIR) of the *Komsomolskaya Pravda* newspaper is 2,789.7 thousand people, AIR of the *Izvestia* newspaper – 873.3 thousand people, and AIR of the *Kommersant* newspaper is 333.9 thousand people³.

² Mediascope rating of top daily newspapers in Russia. Retrieved January 15, 2024, from <https://mediascope.net/data/>

³ Ibid.

The chronological framework of the study is limited to the year 2023. Materials collection process was divided into two stages. Firstly, a query was made in the Integrum system using the keywords “Africa” and “conflict” in order to find all publications for the year 2023 in the specified three media outlets that contain both of these words and/or their derivatives. Secondly, 54 queries were made for each African country⁴ using the same keywords. As a result, a list of mentions of each country in publications with keywords was created.

The following content analysis was carried out using the codifier developed by the authors, which includes the following categories: publication date, publication source, the described region of Africa, conflict description, type of conflict.

A collection of 188 publications mentioning the words “Africa” and “conflict” for the year 2023 were gathered, with 30 of them categorized as irrelevant for the current study. The analysis was conducted based on 158 media texts that are marked by the presence of conflict context and that treat the African region as the subject of publication. The *Izvestia* newspaper published 78 materials, the *Kommersant* newspaper allowed to identify 60 published media texts on the topic, while the *Komsomolskaya Pravda* newspaper had 20 related publications in 2023.

The number of publications peaked in the middle of 2023, more precisely in the period from June till September. One may assume that it can be accounted for by a range of events: a “peace mission” of seven African leaders, who visited Russia and Ukraine in mid-June to find a solution to the Ukrainian crisis; Russia’s exit from grain deal in mid-July; Russia-Africa summit in Saint Petersburg in the end of July; military coup in Niger around the same time; the BRICS summit in the South Africa in the end of August; G20 summit in New Delhi in the beginning of September. The smallest number of publications is characteristic of the beginning and the end of the year 2023.

Analysis of mass media publications revealed that the most mentioned conflict issue is concerned with the clashes around the formation of a new multipolar world order, with Western countries being in the opposition to other states seeking to pursue independent policies based on their national interests (141 publications). The political reinforcement of the African region is mentioned among the number of significant events that point to the inconsistency of the unipolar paradigm.

As for conflicts representation, Nutrition crisis in the African region was mentioned in 19 media texts. Slightly less attention was focused on the escalation of the Palestinian-Israeli conflict in October 2023 (16 publications) and the civil war in Sudan between the Sudanese Armed Forces and the Rapid Support Forces since April 2023 (13 publications). 10 texts mentioned conflicts involving terrorists, extremists, and political radicals in the African countries, Algeria and the Central African Republic in particular. Political disagreements between African countries and former “metropolises” were covered in 7 materials; the same num-

⁴ Including Algeria, Angola, Benin, Botswana, Burkina Faso, Burundi, Gabon, Gambia, Ghana, Guinea, Guinea-Bissau, Djibouti, Egypt, Zambia, Zimbabwe, Cape Verde, Cameroon, Kenya, Democratic Republic of the Congo, Comoros, Congo, Cote d'Ivoire, Lesotho, Liberia, Libya, Mauritius, Mauritania, Madagascar, Malawi, Mali, Morocco, Mozambique, Namibia, Niger, Nigeria, Rwanda, Sao Tome and Principe, Western Sahara, Seychelles, Senegal, Somalia, Sudan, Sierra Leone, Tanzania, Togo, Tunisia, Uganda, Central African Republic, Chad, Equatorial Guinea, Eritrea, Ethiopia, South Africa, South Sudan.

ber of texts shed light on the military coup in Niger in July 2023, when power in the country passed to the National Council for the Safeguard of the Homeland.

Four publications reported regular shelling of ships traveling to Israel along the Red Sea by the Yemeni Houthis, other four mentioned the civil war in Libya of 2014–2020. The same number of texts were dedicated to the migration crisis in Europe provoked by the arrival of a large number of immigrants from Africa. Three publications addressed the problem of globalization and Westernization of cultures of different countries, including the African states, other three centred on the conflict between the African countries and the West over cheap natural resources of the African continent.

References to different conflicts in the context of the African region in the Russian newspapers

№	Conflict	Number of texts that mention the conflict
1	Conflict around the formation of a new multipolar world order, including the crisis in Ukraine	141
2	Nutrition crisis in the African region	19
3	Escalation of the Palestinian-Israeli conflict	16
4	Civil war in Sudan between the Sudanese Armed Forces and the Rapid Support Forces	13
5	Conflicts involving terrorists, extremists, and political radicals in the African countries	10
6	Political disagreements between African countries and former “metropolises”	7
7	Military coup in Niger	7
8	Civil war in Libya (2014–2020)	4
9	Migration crisis in Europe provoked by the influx of immigrants from Africa	4
10	Regular shelling of ships traveling to Israel along the Red Sea by the Yemeni Houthis	4
11	The problem of globalization and Westernization of cultures of different countries	3
12	Conflict between the African countries and the West over cheap natural resources of the African continent	3
13	The Second Congo War (1998–2003)	3
14	The Kosovo War (1998–1999)	3
15	Diplomatic conflict between the United States and South Africa from the 1970s to the early 1990s over the racial policies of the African state	3
16	Tribal clashes as part of the Darfur conflict in Sudan	2
17	Conflict escalation between “March 23 Movement” and the Congolese army in the east of the country	2

Source: compiled by Elena L. Vartanova, Denis V. Dunas, Anna A. Gladkova, Polina A. Kireeva, Daria O. Maluchenko, 2024.

Various confrontations of the past were mentioned three times each: The Second Congo War (1998–2003), the Kosovo War of 1998–1999, and the diplomatic conflict between the United States and South Africa from the 1970s to the early 1990s over the racial policies of the African state. Conflict escalation between “March 23 Movement” and the Congolese army in the east of the country and tribal clashes as part of the Darfur conflict in Sudan in 2023 were covered in two publications each. Other conflict issues were touched upon one time each, and thus are not present in the final table of the conflict newsbreaks (Table). These include the Western Sahara war in 1975–1991, protests in Guinea in 2019–2020 provoked by constitutional changes, the Civil War in Yemen since 2014 between the Houthis

and government forces, protests in Nigeria after the 2023 presidential elections year, etc.

So far as the major types of conflicts related to Africa covered in the Russian newspapers in 2023 are concerned, the absolute dominance of political (157 texts) and military (137 texts) conflict issues is striking, as topics of this kind are characteristic of almost every analysed publication. In nearly a third of publications, journalists address economic conflicts (46 texts), including the nutrition crisis in the region, the conflict between the African countries and the West over the cheap natural resources of the African continent. Social conflicts have become a key theme for 11 publications, e.g. the migration crisis in Europe due to the influx of immigrants from Africa. 4 texts deal with the ideological conflict, such as the conflict around globalization and Westernization of different cultures.

Analysis of the geography reveals that more than half of the publications address the African region as a whole (87 publications), which in most cases points to the lack of specification regarding the countries that the narrative focuses on. And yet, 19 texts out of 87 outlined above simultaneously mention the region as a whole and specific countries separately. The most widely covered African countries in the Russian mainstream media are South Africa and Egypt, mentioned 43 and 42 times respectively, which is more than twice as frequent as other countries. Sudan, Uganda and Mali are to follow, each mentioned more than 15 times, while Algeria, Zambia and Senegal appear 15 times each. The rest are mentioned less frequently, with four states – Côte d'Ivoire, Lesotho, Sao Tome and Principe and Togo – staying unreported throughout 2023 by the media outlets under study.

Conclusion

Analysis of publications in three leading Russian media for 2023 shows that the common conflict contexts in which the African region is covered spans both global and local conflicts.

Firstly, considerable attention is focused on the political conflict around the formation of a new multipolar world order, wherein Africa is viewed as an active participant. The countries of the continent are shown to be pursuing or willing to pursue independent policies based on their national interests. African states are part of the so-called “world’s majority” and the “global South”. Russian newspapers cast the African region as Russia’s ally in promoting multipolarity in global politics, highlighting the strengthened cooperation between the parties following Russia’s re-direction towards new partners. Moreover, the African region is perceived as a peacemaker seeking to expand its influence on the course of international crises.

Secondly, Russian newspapers report on numerous regional contradictions, cases of social unrest and crisis situations within the continent. However, their coverage is marked by certain brevity, as Russian journalists do not monitor issues of this type as closely as they do in case of conflicts directly related to the Russian Federation. Thus, the coverage of internal conflicts in the African region is in large part limited to a few publications, which leads to the total number of materials reporting on the “external” conflicts (e.g. escalation of the Palestinian-Israeli conflict, migration crisis in Europe, etc.) prevailing over the number of texts on

the internal crises of the African continent (e.g. civil war in Sudan, military coup in Niger, armed clashes in Congo, etc.). Analysis also indicates the dominance of military and political conflicts in Russian publications mentioning Africa.

Thus, in the majority of cases, African states are discussed in Russian newspapers in the context of global conflicts, to the extent where even internal conflicts of the region become the subject of coverage insofar as they are a consequence of world crises and geopolitical shifts. Thus, a clear-cut Russian-centricity of media representations of conflicts in the African region has been identified.

References

- Bennet, W.L. (1996). *News: The politics of Illusion*. University of Chicago Press.
- Budka, P., & Brauchler, B. (Eds.) (2020). *Theorising media and conflict*. New York: Berghahn.
- Epstein, E.J. (1973). *News from nowhere: Television and the news*. New York: Random House.
- Eskjaer, M., Hjarvard, S., & Mortens, M. (2015). *The dynamics of mediatized conflicts*. New York: Peter Lang.
- Galtung, J., & Ruge, M.H. (1965). The structure of foreign news: The presentation of the Congo, Cuba and Cyprus crises in four Norwegian newspapers. *Journal of Peace Research*, 2(1), 64–90. <https://doi.org/10.1177/002234336500200104>
- Labush, N.S., & Puyu, A.S. (2019). *Mediatization of extreme forms of the political process: War, revolution, terrorism*. St. Petersburg: SPbU Publ. (In Russ.)
Лабуш Н.С., Пую А.С. Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2019. 340 с.
- Lukina, M.M., & Tolokonnikova, A.V. (2021). Conflict in the agenda of Russian news agencies: A study in the context of constructive journalism. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (5), 27–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2021.2750>
Лукина М.М., Толоконникова А.В. Конфликт в повестке дня российских информационных агентств: исследование в контексте конструктивной журналистики // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 5. С. 27–50. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.5.2021.2750>
- McCombs, M.E., & Shaw, D.L. (1972). The agenda-setting function of mass media. *The Public Opinion Quarterly*, 36(2), 176–187. <https://doi.org/10.1086/267990>
- Morse, T. (2018). Mediatized war and the moralizing function of news about disruptive events. *Journalism*, 19(3), 384–401. <https://doi.org/10.1177/1464884917693861>
- O'Neill, D., & Harcup, T. (2009). News values and selectivity. In K. Wahl-Jorgensen & T. Hanitzsch (Eds.), *The Handbook of Journalism Studies* (pp. 161–174). New York: Routledge.
- Schultz, I. (2007). The journalistic gut feeling. *Journalism Practice*, 1(2), 190–207. <https://doi.org/10.1080/17512780701275507>
- Semetko, H.A., & Valkenburg, P.M. (2000). Framing European politics: A content analysis of press and television news. *Journal of Communication*, 50(2), 93–109. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2000.tb02843.x>
- Shoemaker, P., & Reese, S.D. (2014). *Mediating the message in the 21st century: A media sociology perspective*. New York: Routledge.
- Shoemaker, P.J. (1996). Hardwired for news: Using biological and cultural evolution to explain the surveillance function. *Journal of Communication*, 46(3), 32–47. <https://doi.org/10.1111/jcom.1996.46>
- Smirnova, O.V., Shkondin, M.V., Denisova, G.V., Antipova, A.S., & Ilchenko, D.S. (2021). Social indicators of conflict in the context of media and journalism: content analysis of Russian media. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 10(3), 422–436. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(3\).422-43](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(3).422-43)

Смирнова О.В., Шкондин М.В., Денисова Г.В., Антипова А.С., Ильченко Д.С. Социальные индикаторы конфликта в контексте медиа и журналистики: анализ содержания российских СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 3. С. 422–436. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10\(3\).422-43](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(3).422-43)

Vartanova, E., Gladkova, A., & Dunas, D. (2023). Media representations of social conflicts: Identifying theoretical foundations for typology. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, (2), 26–45. <https://doi.org/10.30547/worldofmedia.2.2023.2>

Bio notes:

Elena L. Vartanova, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-7716-4383. E-mail: eva@smi.msu.ru

Denis V. Dunas, PhD in Philology, leading researcher, Department of Theory and Economics of Mass Media, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-8531-3908. E-mail: dunas.denis@smi.msu.ru

Anna A. Gladkova, PhD in Philology, leading researcher, Department of Theory and Economics of Mass Media, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7102-6425. E-mail: gladkova_a@list.ru

Polina A. Kireeva, PhD student, Department of Theory and Economics of Mass Media, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-3720-0087. E-mail: polinakireeva_msu@mail.ru

Daria O. Maluchenko, International Office Member, master's graduate, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0009-0005-4573-8476. E-mail: maluchenkodari@gmail.com

Сведения об авторах:

Вартанова Елена Леонидовна, академик РАО, доктор филологических наук, профессор, декан, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-7716-4383. E-mail: eva@smi.msu.ru

Дунас Денис Владимирович, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, кафедра теории и экономики СМИ, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-8531-3908. E-mail: dunas.denis@smi.msu.ru

Гладкова Анна Александровна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, кафедра теории и экономики СМИ, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0001-7102-6425. E-mail: gladkova_a@list.ru

Киреева Полина Андреевна, аспирант, кафедра теории и экономики СМИ, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-3720-0087. E-mail: polinakireeva_msu@mail.ru

Малюченко Дарья Олеговна, специалист международного отдела, выпускница магистратуры, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0009-0005-4573-8476. E-mail: maluchenkodari@gmail.com

МЕДИАЦИЯ ВНУТРЕННИХ КРИЗИСОВ В АФРИКЕ: НОВАЯ РЕФЛЕКСИЯ
MEDIATION OF INTRA-AFRICAN CRISES: NEW REFLECTION

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-315-324
EDN: SIRKFKQ
UDC 070.1

Research article / Научная статья

**Images on journalism and the power of media
to turn the page in the history of crises: a Malian case**

Diana S. Stoica

West University of Timisoara, Timisoara, Romania

 diana.stoica80@e-uvt.ro

Abstract. A few images on journalism and its actors in the Sahel, and specifically Mali, that are shaped by the media itself, are presented. These images, identified in articles that capitalize on the challenges of political, social, and cultural crisis, as well as the risks that a journalist takes when reporting and writing on the realities and events he observes in Sahel, are supposed to shape the power of the media to bring change at an epistemological level in the society it unpacks and depicts. This epistemological metamorphosis is seen as a turning of a page in the history of crises and the proposal herein is to see what type of change this turning refers to, re-launching critical perspectives on the new powers or non-powers of journalists and journalism to inform, create and maintain a critical resistance meant to leave a relevant sign in the history, through deconstruction and management of crises communication, that would finally assure the durable control of crises, exercised by an informed and empowered society with the scope to overcome crises at a pragmatic and epistemic level. The analysis is qualitative and intends to invite the reader to more reflection on the interdependencies between the reality, the journalistic reality, and the journalist's power or non-power to coin the two. Crises whose management from the point of view of public awareness and truth knowledge is compromised by a second-level crisis affecting the journalists, the leaders of the civil society, and broadly the media, who have concomitant powers and non-powers to change the perception of the public on the first level crises to such a point that, in the holistic interpretation of the term, this management of crisis through deflection should be considered a new page turned in the history of crises.

Keywords: media reality, radio journalists, freedom of speech, conflict zones, vulnerability of journalists, deontology

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 19, 2024; revised February 14, 2024; accepted March 18, 2024.

For citation: Stoica, D.S. (2024). Images on journalism and the power of media to turn the page in the history of crises: A Malian case. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 315–324. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-315-324>

© Stoica D.S., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Представления о журналистике и силе медиа: перевернуть страницу в истории кризисов: пример Мали

Д.С. Стойка

Западный университет Тимишоары, Румыния

✉ diana.stoica80@e-uvt.ro

Аннотация. Представлен ряд образов журналистики и ее действующих лиц в Сахеле, в частности в Мали, которые формируются самими медиа. Данные образы, выявленные в статьях с акцентом на проблемах политического, социального и культурного кризиса, а также на рисках, которым подвергается журналист, освещая реалии Сахеля, должны формировать силу СМИ, призваны внести изменения на эпистемологическом уровне в общество. Представленный качественный анализ данных приглашает читателя к масштабному размышлению о взаимозависимости реальности, медиатизированной реальности и власти. Управление первичными кризисами в реальной жизни на основе правдивой информации оказывается скомпрометировано кризисом второго – медийного – уровня, который затрагивает журналистов, СМИ и лидеров гражданского общества. Журналисты и медиа не уполномочены изменять своей интерпретацией восприятие обществом реальных кризисов. Эта страница в истории кризисов должна быть перевернута.

Ключевые слова: медиареальность, радиожурналисты, свобода слова, зоны конфликта, уязвимость журналистов, деонтология

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 19 января 2024 г.; отрецензирована 14 февраля 2024 г.; принята к публикации 19 марта 2024 г.

Для цитирования: *Stoica D.S. Images on journalism and the power of media to turn the page in the history of crises: a Malian case // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 315–324. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-315-324>*

Introduction

In our times, talking about crises constitutes, by itself, a crisis for the main communication. When discovering a crisis, naming it, divulging it, or shedding light on it, the crisis ceases to be named as a simple event limited to creating an issue, feeding it, and keeping it alive (Heath, Palenchar, 2009). From the point of view of who is talking about a situation, or the subject of communication as the transmitter (in our context – the journalist) whose objective is to shape the information about realities with the most neutral attitude toward them, an event whose treatment as crisis determines the challenging of the communication act itself, is an event that might produce relevant changes in the acknowledgment on the potentialities of the crises resume and overcome. Through a critical analysis of articles in the online media, this paper aims to unpack the perspectives on the media implications over the change of perceptions on the crisis in Mali, related to terrorism, war, and sometimes military junta's actions, resulted as a consequence of threats to journalism and freedom of expression or the right to access the information of journalists, activists, influencers and audiences.

The narrative of crisis in the Sahel

Why is the depiction of the crisis by itself a crisis in the Sahel? In its report *What It's Like to Be a Journalist in the Sahel*, the organization *Reporters without Borders* has shown the numerous curtailment situations to which journalists in the Sahel are exposed, providing them with very few, up-to-zero, opportunities to exercise their profession in safety and freedom of speech. The report, as concluded on the website, talks about the challenges of death, abduction, limited reporting spaces, expulsion, mercenary actions related to information, and editorial pressure the journalists in the Sahel are facing day by day.

Considering that journalists in the Sahel themselves are concerned with situations that express crises, as real challenges – in the form of terrorist attacks, warfare, political crises, social movements, pandemics, and even financial crises with consequent severe secessions – the way challenges are lived influence the way the information about them is exposed to the audience. It is for this motivation that the crises to which the act of communication on crises is exposed, determine a change of perspective on the realities the information refers to, whose outcome could be the reshaping of said realities, the minimization of upheaval, or even sneering (at least as a perception from certain audiences). All these because, as Sadibou Marong, Director of RSF's Sub-Saharan Africa bureau in Dakar declared in the RSF report, the African continent would be “deprived of independent journalists and reliable reporting, a region where self-censorship is becoming the norm”¹. When self-censorship is in effect, the responsibility of the transmitter on the content of the message is reduced so visibly that the receiver can recognize this, leading to the transmitter or the information becoming not reliable anymore. A second issue to take into account is the summons of extremism that diffuses in certain parts of the Sahel, especially in Northern Mali, due to which the messages that shape the reality could be already servicing other communication interests than the representation of realities about the rights of the audience to be correctly informed, and not manipulated.

According to an article from Aljazeera (20 January 2021) until 2010 the press freedom situation in the region was considered “fairly good”. The changes came when attacks on the press were justified by the need of terrorists to control the public discourse, which showed once again the critical importance of journalism on facts of peace, stability, and politics, especially when considering the outcomes of fresh thinking, several time regime resistant thinking on public concerns, of the audiences engaged in volunteer spectatorship (Allan, 2013, p. 31). In this case, the vulnerability of journalists could have led to the distortion of the realities to such a point that the main crisis that society as a whole would have been put in front of, had diminished by the liberator discourse of those interested in gaining power from attacks, conflicts or coup d'état. Following this, the main crises would have been shifted towards being a press crisis, a critical resistance opportunity limitation, and a severe challenge to the freedom of expression (which includes the freedom to access information).

¹ What it's like to be a journalist in the Sahel. (2023, April 3). *Related Platforms*. Retrieved December 19, 2023, from <https://reliefweb.int/report/chad/what-it-be-journalist-sahel>

The same article in Aljazeera brings testimonies of journalists in the North of the country who were conducted to abandon the northern parts of Mali and move to the southern ones (Bamako), due to security risks, which is not the case for those protected by the UN peacekeepers, through programs like Multidimensional Integrated Stabilization Mission in Mali (MINUSMA). The question is – how other journalists, not integrated into the program, do report? And, although a journalist would take the courage to report from the northern parts of Mali, the journals are recommended not to send them in the dangerous parts where conflicts are in effect. Moreover, what would happen without the protection assured by MINUSMA, which is already gradually withdrawing from the Malian conflict areas?

Attaining to the above concerns and actions of the military junta to recommend journals not to send journalists in the conflict areas, by itself a double-folded border problem of limitation and protection, the distinction between military and civilian journalists would be clear in the case of Mali. It also highlights the limited possibilities of a journalist to exercise his/her profession in areas of conflict, therefore, the narrow access of audiences to manifest their spectatorship and develop new perspectives on the real challenges. The restrictions of access to conflict areas for reporting, access being given to only military journalists (which might already service, many times un-intentionally, the regime's interests), combined with the growth of internet use in Mali – a report of March 2020 showing that 64% of the population of Mali was using the internet, as single users (Vermeersch et al., 2020) – led to the deepening and streamline of radicalization mechanisms, which affect populations, their perceptions on events, and lastly, the capacity of journalists not being on the field, to use and manipulate the scarce sources they have, sometimes ending to reproduce incomplete images of the truth, intentionally or not.

The challenge of access to information and the ways perceptions on it fluctuate based on the value of the truth of reduced or, several times, unilateral reports from conflict zones, could be better understood under the form of a precept enclosed in the Touareg proverb: *“If God closes one of your eyes, He will open your other one”* which could be interpreted, from the media in conflict area's point of view, as the possibility to see, at last, although several difficulties are hindering it. But seeing with one eye only could be different from seeing with both, and that is why, the reporting on such crises, in the case of Sahel, and specifically Mali, represents a crisis of the press itself, and holistically, the act of communication, due to waves of critical resistance and interference it could be subject to, mostly without the knowledge and malevolence of the journalist, but due to the systematic oppression of the freedom of speech and the consequent right to be correctly informed. It is, therefore, to reflect on the education of journalists and the measures to ensure the journalist's capability to exercise the profession following deontological norms and the morals, culture, collective memory, and reasoning of society. Following Allan's previous proposition on the role of spectatorship (2016), education on crisis communication and crisis decoding is also important at the level of the whole society. It is provocative in this sense, the report from 2020² on

² Vermeersch, E., Coleman, J., Demuyneck, M., & Dal Santo E. (2021, April 29). The role of social media in Mali and its relation to violent extremism: A youth perspective, ICCT, March

the actions of radical groups on social media, meant to recruit young people, case related to which, the results of the interview show a 66% of respondents concerned on the fact that youth in Mali would not have sufficient educational tools to counteract such challenges.

To reduce the possibility that younger or older journalists should feel pressed to distort realities, as a consequence of their radicalization or fear, the many organizations that operate in the sector of media safety, strive to assure the journalists the needed educational tools to overcome the challenges to misinformation. However, their action in Mali, under the group *Maison de la Presse*, seemed to be yet insufficient to overcome the situation of continuous risk predictions, fear, abandonment, or even misinformation caused by death, extortion or menaces with violence on the journalists. Moreover, the arrests that some journalists were the object of, highlighted that the opposition to any campsite may be a sign of risk taken by the journalist, so no real information is guaranteed outside the postulation of the journalist's professionalism.

But a more relevant crisis of media in Mali is represented by a high number of arrests and detention of journalists having commented on politicians or their acts, or made other so-called declarations that were "likely to disturb the public order in the social media". These arrests are opposed by organizations defending the rights of journalists to the freedom of expression and with responsibility towards the audience, like in the case of The Media Foundation for West Africa (MFWA) which condemned the arrests and trial of journalists like Abdoul Niang, Sidiki Kouyaté and Tahirou Bah. The concerns for the position of Malian authorities regarding the exercise of the journalist profession are central to the actions of the MFWA whose declared intention is to be solidary with the journalists in Mali, those arrested, kidnapped, or even dead following events of November 2023³ and all journalists facing threats that could limit their capabilities to exercise their profession. But all this support may not ignore the biggest concern to find the tools for ensuring the safety, integrity, and freedom of media, to preserve the right of the end consumer to non-manipulated information.

Anticipated by images of crises about challenges the journalists encounter in Mali, circulating in the public sphere, the present reflection aims to go beyond the right of the person to receive information, as present in Art. 9 from the African Charter on Human and Peoples' Rights, and the art. 19 from the Universal Declaration of Human Rights. It sheds light on the concept of a journalist's power, or non-power, to assure access and give shape to information on a crisis when that crisis itself changes and affects the journalist. A perspective on the power and non-power of journalists, and broadly the media, could give some replies about the management of the crisis in society, through communication on it and the roles of the actors, in this case, the media, as a transmitter, and the society as a receiver, to contribute to the deconstruction of the crisis, as method to overcome it.

2020. *WATHI*. Retrieved March 10, 2023, from <https://www.wathi.org/the-role-of-social-media-in-mali-and-its-relation-to-violent-extremism-a-youth-perspective-icct-march-2020/>

³ Mali: Journalist remanded in custody for making false statements against the judiciary. (2023, November 9). *MFWA*. Retrieved December 10, 2023, from <https://www.mfwa.org/country-highlights/mali-journalist-remanded-in-custody-for-making-false-statements-against-the-judiciary/>

The first power the journalists have, despite the challenges to their safety and consequent self-censorship induced by the fear caused by the several threats journalists find in front of themselves while reporting in the Sahel and specifically in Mali, is their permanent epistemic connection with the audiences through feelings (Fuller, 2010): fear, anger, sadness, hindrance.

But before feelings, the question is put in the repository of standpoints towards a conflict in progress, observed and reported by the journalists, conflict which is the object of major debate in the society and reflected in the media. In the case of Mali, these standpoints are fluid and converge to the freedom of expression, as a major objective to be defended by the Media Foundation for West Africa. The freedom of expression would justify acts of critical resistance, and opposition to it, from a series of actors that are opposing each other, including the state authorities (in this case totalitarian and military) whose system of punishment and opposition to critical resistance would not be entirely justified, as standpoints do resonate in general lines, at least at a narrative level, hence opposition would make no sense. It is the case of the activist Adama Diarra who has organized demonstrations against the presence of French troops in Mali and the MINUSMA, but has also campaigned for major cooperation with Russia, all of which should have brought him sympathy, and not opposition from the junta, at least from the pro-Russian faction, not to speak about the presupposed cultural expressions of decolonization ideals of the Malian people protesting against the European presence and neo-colonialism, that junta in its whole should integrate. Notwithstanding this, Diarra was convicted, such as a social media influencer and activist Rokia Doumbia, who complained on a TikTok about the security risks and high prices in Mali. She pointed out that the mission of the coup d'état to bring welfare had failed, and precisely in the context of the warfare estate that the junta is forced to govern, the sentencing of this action reflects the intentions of the military power to reduce any voice that could put them in alarm, as they assess that the provocative activist would have abused and insulted the Head of State".

Contribution to the non-power of media and crisis theory

Although according to Hachten (2005) autocratic regimes can't control and censor the news as in the past, the situation in Mali seems to be the same and it is deepened by challenges to self-censorship with foundations on feelings, the connection between journalist and audience and the fluctuation of standpoints that depicts the world of communication in Mali as a no man's land, where nobody is safe unless he/she keeps quiet. On the other hand, the support of the Media Foundation for West Africa given to journalists and activists might be interpreted as additional critical resistance to regimes that are less empowered to limit the circulation of information with traditional methods, and by using violent methods (even unjust prosecution) they turn one crisis into a bigger one and risk to see information coming out anyway (Hachten, 2005, p. 24), despite their efforts to hide it.

When autocratic regimes are also military, the situation is more sophisticated, as the authorities avoid validating the role of reporting journalists as dispassionate observers (Allan, 2013, p. 178), so recommending the retirement from the conflict zone (through notifications sent to journals to withdraw journalists in northern Mali), while benefitting from a certain heresy created by journalists

around the threats to the exercise of this profession, represented not only by terrorist attacks but also by the authority's interest to reduce the level of information of the public on certain facts affecting the safety and development of the country, turns the "outcomes of crisis" into a "crisis of outcomes" from a media point of view, at least. That is to say, the event to which at the beginning the concentration is given will be deconstructed or dissolved in the fact of negotiations between the limits of access to information of the transmitter and the limits of diffusion or access to the same information of the receiver.

This negotiation is allowed by the already theorized powers of the media and the audience, powers that are growing in times of crisis and war, and bring forth, according to Hanusch, the mechanism of disaster reporting, that could lead to compassion fatigue (2010, p. 163) and the stereotyping of danger. That being said, authorities in Mali found probably a clean terrain for demanding UN peacekeepers to leave Malian territories, according to the Committee to Protect Journalist's report from December 2023, resulting in a worsening of violence on journalists, caused by an unknown enemy, who does not always attack the journalist for his work, but also for extortion. The justification of the authority's demand for UN peacekeepers is based on the enthusiasm of the Malian people for the continuation of the decolonization process, considering the manifestations against the presence of France, or the criticism of ECOWAS's⁴ interpreted ongoing dependency on French values, since member states, as postcolonial states, still serve the agendas of colonizers (Benyera, 2020, p. 27).

Following the observation of Mortensen (2015) that boundaries between media users and media producers are blurring, the journalist who finds himself in the situation of being threatened, induced to self-censorship, limited to eye-witness in the situations of conflict, whether for objective or subjective restrictions imposed on him, might find it difficult not to deliver contents that represent already manipulated, journalistic realities. This contravenes the education of journalists who should be trained for impartial documenting (Allan, 2013, p. 1), but since eye-witnessing is already partial, since it is relative and subjective, the reporting without being a direct observer, but only based on data received from sources that transcend the certainty of their truth-value, is practiced and represents the Achilles heel of journalism.

Furthermore, the non-power of the media is illustrated in the paradigm of journalism "grassrootsing". The report of the Committee to Protect Journalists informed in December 2023 that "Aziz Djibrilla, a presenter with Radio Naata, a community station in Labbezanga on the Mali-Niger border, was killed; Harouna Attino, a news presenter on the Ansongo-based community radio Alafiya, was wounded; and Assaleh Ag Joudou, director of Ansongo-based Radio Coton, and Moustapha Koné, a host at Radio Coton, were kidnapped"⁵.

⁴ ECOWAS – Economic Community of West African States. The ECOWAS region, which spans an area of 5.2 million square kilometres. The Member States are Benin, Burkina Faso, Cape Verde, Côte d'Ivoire, The Gambia, Ghana, Guinea, Guinea Bissau, Liberia, Mali, Niger, Nigeria, Sierra Leone, Senegal and Togo. Retrieved March 22, 2023, from <https://www.ecowas.int/about-ecowas/>

⁵ In Mali, 1 journalist killed, 1 injured, 2 kidnapped by unidentified gunmen. (2023, December 5). *Committee to Protect Journalists*. Retrieved December 30, 2023, from <https://cpj.org/2023/12/in-mali-1-journalist-killed-1-injured-2-kidnapped-by-unidentified-gunmen/>

So local radio stations are playing a fundamental role in shaping a civil society in Mali, as also Schultz observed (2012, p. 20), making it more evident that the journalist becomes a leader in an Odyssey of threads to the main exercise of its profession, from explanations of their colleagues from Radio Coton and Radio Naata about the fact that they were supposed to participate in a training for the identification of false information. The fact that newspapers are considered to be less effective than radio (Schultz, 2012, p. 58) would be reconfirmed, in case the mentioned attacks were seen not as simple terrorist attacks, but as attacks architected by the parties being interested in the work and symbolic position of the three journalists, or as counteractions to the freedom and power they express as media producers and subjects.

In either case, the signals given by an attack on producers of media who are more effective being radio journalists, and reach broader audiences, including the non-educated ones, are conclusive of shaping a crisis that develops at an epistemological level, as well. Despite the critical arguments against African relativism, it is worthwhile considering here two cultural aspects that might be useful in understanding the development of journalism or media crises in Mali, from an initial socio-political crisis to a crisis acting at an epistemological level. Both are capitalized by Hamminga (2016, p. 101) in the concept of the major importance given by the African to the “heard”, rather than “seen” or “read” information, and in the image of the African perception of time from the collocation: “*The future is hypothetical, unreal and uninteresting to consider now*” (Hamminga, 2016, p. 72). So to speak, attacks on radio journalists could signify an immediate act of violence over the society whose cultural boundaries are well known, through which, in the end, the victims may seem to accede to the roles of leaders and models, precisely because there is no forecasting of their future non-power to report and exercise their profession freely or at all, but only the projection of their past, as heroes.

Conclusions and reflections

Pointing to the concern to protect journalists who report from conflict zones, and to claim cases in which journalists from printed media and audio-visual, as well as other broad media representatives (such as activists and influencers), are sentenced unjustly for having freely expressed their opinions, the branch organizations have the power to define these heroes, in light of their non-powers to act. Thus, the branch organizations contribute to hindering some of the challenges of new media that were studied by Fuller (2010), capitalizing on the book of Bill Kovach and Tom Rosenstiel (2001), which, for the case of crisis metamorphosis in Mali picks up the form of sentences to further reflect upon: a) the interrupted cycle of news could produce the perception on the value, completeness and hardly obtained journalism, so that information is nor confusing, nor annoying; b) sources could not gain more power over the journalists if more protection should be guaranteed for the access to information and to diffusion; c) the debate over conflicts, interests, freedoms to witness and report, or the freedom of expression, in a paradigm of fear-deontology and passion for journalism, are still gatekeepers for journalism in Mali, risking to put aside the context and transform the perception of audiences on it; d) the reporting is not overwhelming, on the contrary, it is challenged by incompleteness; e) the focus on special cases, the image of the leader or the hero does not help blockbuster mentality to take over, as in the cases

of deaths, injuries, convictions of journalists, the heroes and their stories are only signifiers for an overall message on the crises they treat or manage as communicators, like a replication of the crisis itself, but from a different angle, of a direct victim. In this, the idea could be to recall the attention on the emotional ties between the audience and the journalist making them equal in a communication chain, on a first level of interpretation. But on a second level of interpretation, audiences are dependent on their heroes or leaders in an epistemic critical resistance that finds no basis in the need to accede the correct information, but that one which is suitable to the narratives of the heroes and leaders of communication. This is how positive misinformation might find grounds to produce and maintain the crises of outcomes, from a situation of crises whose management required the correct and efficient communication, but without mentioning who decided the definition of the correct and efficient communication.

Investigating journalism during authoritarian regimes, or conflict contexts, and also taking as example the specific case of Mali, where fear, self-censorship, anticolonial and decolonization features of mentality might jeopardize the completeness and fairly good contribution of journalism to the civil society's critical resistance – whose existence is still feared to be inconsistent – any conclusion on the juxtapositions of power on fragilities, strengths on weaknesses, and reality on journalistic reality would necessarily comprise the contextualization of powers and non-powers the journalists have over their audiences, and how these audiences might perceive crisis in the light of not only being informed of, but also living the experience, sharing the emotion and the standpoint on it with the journalist, through contextualized and also offline navigable storytelling (Pavlik, 2001).

But the outcome of this would be that crises whose management from the point of view of public awareness and truth knowledge is compromised by a second-level crisis affecting the journalists, the leaders of the civil society, and broadly the media, who have concomitant powers and non-powers to change the perception of the public on the first level crises to such a point that, in the holistic interpretation of the term, this management of crisis through deflection should be considered a new page turned in the history of crises. Hence, this would be supported, not actually by an original method to cope with any type of crisis, but by the central role of symbols and representations in the relations between the state, as the locus of recognition and public security assumptions, and the individual, mediated by self-scrutinizing and self-exposing journalism at a practical and epistemological level.

References

- Allan, S. (2013). *Citizen witnessing: Revisioning journalism in times of crisis*. John Wiley & Sons.
- Benyera, E. (2020). *Reimagining justice, human rights and leadership in Africa*. Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-25143-7>
- Fuller, J. (2010). *What is happening to news: The information explosion and the crisis in journalism*. University of Chicago Press.
- Hachten, W.A. (2005). *The troubles of journalism: A critical look at what's right and wrong with the press*. Routledge.
- Hamminga, B. (Ed.). (2016). Knowledge cultures: Comparative western and African epistemology. *Poznan Studies in the Philosophy of Sciences and the Humanities* (vol. 88). Amsterdam, New York: Editions Rodopi B.V.

- Hanusch, F. (2010). *Representing death in the news: Journalism, media and mortality*. Springer.
- Heath, R.L., & Palenchar, M.J. (2008). *Strategic issues management: Organizations and public policy challenges*. SAGE Publications.
- Kovach, B., & Rosenstiel, T. (2001). *The elements of journalism: What newspeople should know and the public should expect*. Crown.
- Mortensen, M. (2014). *Journalism and eyewitness images: Digital media. Participation and conflict*. New York: Routledge. <http://doi.org/10.4324/9780203520680>
- Pavlik, J.V. (2001). *Journalism and new media*. New York: Columbia University Press.
- Schulz, D.E. (2012). *Culture and customs of Mali*. Bloomsbury Academic Publishing.
- Vermeersch, E., Coleman, J., Demuynek, M., & Dal Santo, E. (2020). *Social media in Mali and its relation to violent extremism: A youth perspective*. International Counter-Terrorist Centre (ICCT). Retrieved December 19, 2023, from <https://www.icct.nl/publication/social-media-mali-and-its-relation-violent-extremism-youth-perspective>

Bio note:

Diana Sfetlana Stoica, Associate Fellow, Ubuntu Centre for African Studies, West University of Timisoara, 4 Vasile Parvan Blvd, Timisoara, 300223, Romania. ORCID: 0009-0008-5289-4508. E-mail: diana.stoica80@e-uvvt.ro

Сведения об авторе:

Стойка Диана Сфетлана, научный сотрудник, Центр африканских исследований Ubuntu, Западный университет Тимишоары, Румыния, 300223, Тимишоара, б-р Василе Пырван, д. 4. ORCID: 0009-0008-5289-4508. E-mail: diana.stoica80@e-uvvt.ro

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-325-336

EDN: RRTMBI

UDC 316.48

Research article / Научная статья

African newspapers reportage of sanctions: analysis of framing and agenda setting

Mustapha A. Adeitan

HSE University, Moscow, Russian Federation

✉ adeitan199@gmail.com

Abstract. International organizations and numerous countries worldwide have implemented punitive measures, often in the form of sanctions, to express disapproval of certain events within a country or to compel change. A significant body of scholarly work has focused on these sanctions, particularly when imposed on countries outside of Africa, and how the media frames these actions. In various crisis situations, news framing and agenda-setting by the media have shown enormous effect on consumers' view of the crisis. This study investigates how media in Africa frames sanctions imposed on African countries, specifically examining printed media in Zimbabwe, Mali, and Niger Republic regarding political and economic sanctions imposed on these countries. Employing the framing and agenda setting theories, the study analysed 204 sanction-related headlines (Zimbabwe – 104, Mali – 70 and Niger – 30) from five media outlets with online presence in each country. A multi-stage sampling technique was employed. In the initial stage, purposive sampling technique was utilized to choose print newspapers with online presence. In the second stage, the researcher utilized the search functionality on the newspapers' websites to identify headlines using the keywords “sanction” and “sanctions”. Quantitative content analysis was employed to analyse the data. Findings showed that a generic framing approach is widely used in the three countries. Further analysis reveals that the responsibility and conflict frames consistently dominate in all three countries. The study also finds a positive agenda-setting tone to be dominant in Zimbabwe. Conversely, both Mali and Niger Republic exhibit a dominant negative agenda-setting tone.

Keywords: media, Zimbabwe, Mali, Niger, political and economic sanctions, article headlines, generic, diagnostic and prognostic frames

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted December 27, 2023; revised January 30, 2024; accepted February 19, 2024.

For citation: Adeitan, M.A. (2024). African newspapers reportage of sanctions: Analysis of framing and agenda setting. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 325–336. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-325-336>

© Adeitan M.A., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Репортажи в африканских газетах о санкциях: анализ фреймов и повестки дня

М.А. Адейтан

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация*

✉ adeitan199@gmail.com

Аннотация. Международные организации и многие страны мира вводят карательные меры, часто в форме санкций, чтобы выразить свое неодобрение определенным событиям внутри какой-либо страны или чтобы принудить к переменам. Значительная часть научных работ посвящена подобным санкциям, особенно когда санкции налагаются на страны вне Африки, а также средствам массовой информации, трактующим эти действия. В различных кризисных ситуациях подача новостей и определение повестки дня СМИ оказывают огромное влияние на мнение людей о кризисе. Цель исследования – определить, изучив печатные СМИ Зимбабве, Мали и Республики Нигер, как СМИ в Африке формулируют информацию о политических и экономических санкциях, введенных в отношении африканских стран. Опираясь на теорию фрейминга и на теорию установления повестки дня, проанализированы 204 заголовка статей, связанных с санкциями (Зимбабве – 104, Мали – 70 и Нигер – 30), из публикаций пяти средств массовой информации, представленных в интернете в каждой стране. Использовался метод многоэтапной выборки. Сначала для отбора печатных газет, присутствующих в интернете, задействовался метод целенаправленной выборки. На втором этапе применялась функция поиска на медийных веб-сайтах по ключевым словам «санкция» и «санкции» для выявления заголовков. При анализе данных применялся контент-анализ. Результаты показали, что в трех странах широко используется так называемый фреймовый подход. Обнаружено, что во всех трех странах стабильно доминируют фреймы ответственности и конфликта. При этом в Зимбабве преобладает позитивная тональность при определении повестки дня, в Мали и Республике Нигер – негативный тон.

Ключевые слова: СМИ, Зимбабве, Мали, Нигер, политические и экономические санкции, заголовки статей, общие, диагностические и прогностические фреймы

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 27 декабря 2023 г.; отрецензирована 30 января 2024 г.; принята к публикации 19 февраля 2024 г.

Для цитирования: *Adeitan M.A. African newspapers reportage of sanctions: analysis of framing and agenda setting // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 325–336. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-325-336>*

Introduction

Recent data show that the modern world community lives in a dynamic migration flow that forms a multi-ethnic, multi-confessional and multilingual global social space, media space is becoming multivalent and debatable (Al-Kaisi et al., 2018). News media consistently plays a vital role in shaping perceptions and discussions around events. The way an event is reported, particularly the framing angle, influences people's understanding and interpretation of the event (Liu, 2019).

While media framing has been found to influence people's attitudes and behaviour, Lecheler and De Vreese (2018) argue that the media achieve this by subtly altering how issue is reported. Therefore, analysing news framing aids in understanding how news norms and practices translate into patterns in news reporting, which profoundly influence public thinking and attitudes (De Vreese, Kandyla, 2009; Lecheler, De Vreese, 2018). In various crisis situations, news framing and agenda-setting by the media have shown enormous effect on consumers' view of the crisis. For instance, Liu (2019) investigated how Russian and British media framed the 2014 Ukraine crisis. Liu found that Russian media is less propagandistic than British media. Similarly, Zengeni (2010) found that Western media's reporting of sanctions and the political situation in Zimbabwe portrayed the country negatively, thereby exacerbating the situation in the view of the media consumers. On the other hand, Kazun (2016) found that Russian media predominantly deproblematize the sanction situation in Russia, leading citizens to perceive sanctions as having less impact on the economy and standard of living. In other words, the media frames the sanctions in a way that downplays their severity.

From the foregoing, media have been characterized to positively and/or negatively shaped consumers perspective based on the framing angles used in presenting crisis events. In this study, framing and agenda-setting theories are used to analyse how media in Zimbabwe, Mali, and Niger Republic present sanctions-related news stories. These research questions are set to guide the study:

1. What is the dominant frame approach used in presenting sanction-related headlines in the media of these countries?
2. What is the dominant agenda-setting theme used in presenting sanction-related headlines in these countries?

Between 2000 and 2003, the United States, the United Kingdom, Australia, Canada, and the European Union imposed sanctions on Zimbabwe, alleging human rights abuses, property ownership violations, rule of law disrespect, and extensive political violence (Chingono, 2010). Since then, Zimbabwe has faced sanctions, with Western states citing the intention to correct anomalies, stop human rights abuses, restore democracy, and uphold the rule of law (Ogbonna, 2017). Some studies observed that the two-decades-long sanctions imposed on Zimbabwe have been ineffective in achieving its political and socio-economic objectives (Petrica, 2023). In December 2021, ECOWAS¹ imposed sanctions on Mali due to a coup d'état and military takeover. The sanctions were renewed in January 2022 after rejecting the military government's transitional election proposal scheduled for 2025. Similarly, the July 26, 2022, coup in Niger led to sanctions imposed by ECOWAS and UEMOA². These sanctions include the suspension of commercial transactions, freezing state assets, and suspension of financial assis-

¹ The Economic Community of West African States (ECOWAS) is a regional political and economic union of fifteen countries located in West Africa. Retrieved February 21, 2024, from <https://www.ecowas.int/>

² The West African Economic and Monetary Union (UEMOA) is an organization of eight West African states was established in 1994. The eight countries in UEMOA are also members of The Economic Community of West African States (ECOWAS). Retrieved February 21, 2024, from <https://www.uemoa.int/en>

tance³. Due to the sanctions of varying degrees imposed on these countries, they were purposively selected to investigate how African media frame sanctions and the agenda-setting tone used.

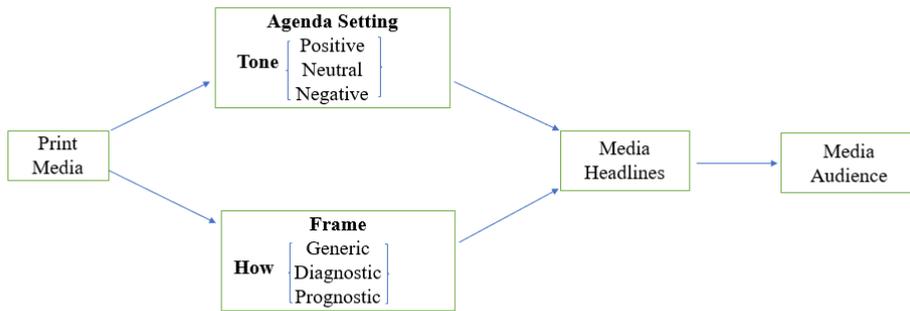
Theoretical framework

Framing theory examines how media influences public perception of political, economic, and social issues (Lecheler, Vreese, 2018). Entman defines framing as the selection of aspects of perceived reality to make them more salient in communication, promoting specific elements while downplaying others (1993). This process shapes individuals' views by emphasizing certain aspects of reality (Ouvrein et al., 2019). The theory proposes that the presentation of an event, or “frame”, influences how people process information about the event and provides a lens through which the audience perceives the intended perspective of journalists or media in an event. This study focuses on framing propositions outlined by D'Angelo (2017) to investigate the frames employed by media outlets in presenting sanctions.

Several studies (Godefroidt et al., 2016; Liu, 2019) have utilized generic, diagnostic, and prognostic news frames for analysing crisis-related news. Generic frames describe the structural aspects and presentation of general features applicable across different topics, times, and cultural contexts (D'Angelo, 2017; Semetko, Valkenburg, 2000). This frame includes subframes such as conflict, human interest, economic impact, morality, responsibility, and nationalization (Godefroidt et al., 2016; D'Angelo, 2017). To analyse news headlines using the generic frame, this study used the highlighted issues for categorisation. Diagnostic frames aid in understanding, identifying, and attributing problems (Benford, Snow, 2000), while prognostic frames are employed when news suggests alternative solutions and actions (Benford, Snow, 2000; D'Angelo, 2017; Liu, 2019). For this study, news headlines from Zimbabwe, Niger, and Mali media were analysed using the generic, diagnostic, and prognostic frames.

Agenda-setting theory primarily examines the relationship between prominent media coverage of an issue affecting society and the intensity of public attention directed toward the issue (Knudsen, 2014). In terms of media effects, agenda-setting proposes the salience of an issue in the media (Chen et al., 2019). The theory suggests that the media shape opinion by determining what issue is given the salient attention (Zahariadis, 2016; Chen et al., 2019). Various studies have employed diverse approaches to determine the salience of issues in the media. One of such approach is issue-pairing method. Respondents were asked to rate the most important of two issues based on their prominence in the media (McComb, 2004). This approach is often refer to the first level of agenda-setting when analysing news content. Media content can also be analysed based on the frequency of positive and negative tones attributed and the degree of positivity and/or negativity of attitudes toward a news story. This is regarded as the second level of agenda-setting in relation to media effects (Knudsen, 2014; Zahariadis, 2016).

³ Felix B., & Miridzhanian A. (2023, August 8). What sanction have been imposed on Niger since the Coup? *Reuters*. Retrieved December 10, 2023, from <https://www.reuters.com/world/africa/what-sanctions-have-been-imposed-niger-since-coup-2023-08-08/>

The model of analysis of framing and agenda setting and headlines in print media

Source: created by Mustapha A. Adeitan.

Building on the second level of agenda-setting media effect, this study investigated the salience of positive and negative tones found in the presentation of sanction-related headlines in the selected media. Figure presents the model of analysis of framing and agenda setting and headlines in print media.

Methodology

The study focused on sanction-related news headlines in print media from Zimbabwe, Mali, and Niger. A multi-stage sampling technique was employed. In the initial stage, purposive sampling technique was utilized to choose print newspapers with online presence from <https://www.w3newspapers.com/>. This website provides a comprehensive list of print media with online presence worldwide. Newspapers publishing daily were purposively selected from each country, with five newspapers chosen from each.

In the second stage, the researcher utilized the search functionality on the newspapers' websites to identify headlines using the keywords “sanction” and “sanctions”. A total of 204 headlines were randomly selected from October 2021 to July 2023, distributed as follows: Zimbabwe ($n = 104$), Mali ($n = 70$), and Niger ($n = 30$). Quantitative content analysis was employed to analyse the data.

Result

Framing sanction in headlines of Zimbabwe media. The analysis focused on examining generic, diagnostic, and prognostic frames for each headline. For Zimbabwe, the data indicates that 66.34% of headlines were framed using the generic frame, while only 16.35% used prognostic, proposing possible solutions to the sanctions ($n = 17$, see Table 1). Using predefined generic subframes proposed by Semetko and Valkenburg (2000) and Van Cauwenberge et al. (2009), majority of the headlines (28.98%) framed sanctions around Responsibility. This suggests that some level of the government or individual in the country or outside is seen as responsible for the sanctions. For example, a headline in the *Daily News* of April 2022 reads: “Onus on West to remove sanctions: Mthuli”, indicating the responsibility of the West to lift the imposed sanctions.

The Conflict frame follows the Responsibility frame, accounting for 24.63% of the headlines (Table 2). This frame implies that sanctions arise from conflict between some level of government or entity. In this context, headlines suggest

that the sanctions resulted from conflict between the Zimbabwean government and regional or international governing bodies. For instance, a headline in the *New Zimbabwe* of April 25, 2023, reads: “U.S told to drop ‘antiquated’ sanctions against Mnangagwa to access lithium,” indicating that the sanctions are related to a crisis between some entity in the country and the West.

Table 1

Major frames in headlines of Zimbabwe media

Major frames	Headlines	%
Generic	69	66.34
Diagnostic	18	17.31
Prognostic	17	16.35
Total	104	100

Source: compiled by Mustapha A. Adeitan.

Diagnostic framing revealed that majority of headlines depicted sanctions as having a global or regional dimension (33.35%). In essence, the headlines portrayed a dispute between Western powers or other regional entities and Zimbabwe as the cause of the sanctions. Subsequently, the framing indicated instances of human rights violations, either within the country leading to the sanctions or resulting from sanctions imposed by Western countries or other regional powers like the EU.

Table 2

Sub-frames in Zimbabwean news headlines

Generic	Headlines	Diagnostic	Headlines	Prognostic	Headlines
Conflict frame	17 (24.63%)	Political cause	3 (16.66%)	Assistance	2 (11.76%)
Human interest	11 (16.0%)	Socio-economic cause	4 (22.22%)	Rejection	4 (23.52)
Economic consequence	11 (16.0%)	Human right violation	5 (27.77%)	Change in govt	1 (5.88%)
Morality frame	2 (2.89%)	Global/regional dimension	6 (33.33%)	Financial intervention	3 (17.64%)
Responsibility frame	20 (28.98%)			Internal reform	3 (17.64%)
Nationalisation	8 (11.5%)			External assistance	4 (23.52%)
Total	69 (100%)		18 (100%)		17 (100%)

Source: compiled by Mustapha A. Adeitan.

As regards the prognostic frame, analysis showed that the rejection (23.52%) of further strict sanction actions is a significant suggestion in headlines using this frame. This rejection is assumed to alleviate the suffering of the people and prevent further deterioration of the country's economy. While all countries rely on each other for trade to boost economies, those facing sanctions are likely to experience economic deterioration due to the inability to trade with the countries or blocs imposing the sanctions.

Similarly, external assistance is proposed as a possible solution. It is suggested that external cooperation, negotiations, and dialogue on political, socio-economic, religious, and/or human rights improvement issues with countries imposing the sanctions are potential solutions to address sanctions.

Framing sanctions in headlines of Malian media. To analyse the predominant frame in the selected headlines from Malian media, a content analysis of the generic, diagnostic, and prognostic frames was conducted. The results showed that majority of the headlines (72.86%) were framed using the generic news frame (Table 3). Diagnostic framing accounted for 14.29% ($n = 10$) of the headlines, indicating that only ten headlines were framed to show the cause of the sanctions. Additionally, 12.86% ($n = 9$) of the headlines were framed to suggest possible solutions to the sanctions.

Table 3

Major frames in Malian media

Major frames	Headlines	%
Generic	51	72.86
Diagnostic	10	14.29
Prognostic	9	12.86
Total	70	100

Source: compiled by Mustapha A. Adeitan.

The headlines underwent further content analysis to identify the dominant subframes. In the case of the generic frame, the results presented in Table 4 indicated that majority of headlines framed sanctions as related to conflicts within the country or between the country and other nations in the region or globally. For instance, *Info-Matin* published in February 2023: “Suspension of Air flights: Mali will now respond blow for blow”. This headlines, implies that Mali is ready to respond sanctions imposers equally. Fifteen headlines, accounting for 29.41% indicated that the sanctions were associated with conflicts. Similarly, 29.41% ($n = 15$) suggested that certain individuals in the country or some countries in the region and globally were responsible for the imposed sanctions.

Table 4

Sub-frames in Malian news headlines

Generic	Headlines	Diagnostic	Headlines	Prognostic	Headlines
Conflict frame	15 (29.41%)	Political cause	2 (20.00%)	Assistance	1 (11.11%)
Human interest	8 (15.69%)	Socio-economic cause	2 (20.00%)	Rejection	4 (44.44%)
Economic consequence	10 (19.61%)	Human right violation	2 (20.00%)	Change in govt	0
Morality frame	1 (1.96%)	Global/regional dimension	4 (40.00%)	Financial intervention	1 (11.11%)
Responsibility frame	15 (29.41%)			Internal reform	1 (11.11%)
Nationalisation	2 (3.92%)			External assistance	2 (22.22%)
Total	51 (100)		10 (100)		9 (100)

Source: compiled by Mustapha A. Adeitan.

Results for the diagnostic frame demonstrated that majority of headlines framed sanctions to show global or regional dimensions. In other words, the headlines indicated that sanctions resulted from disputes between Western powers or regional powers and the country. Political causes, socio-economic issues, and hu-

man rights violations were also portrayed in the headlines as possible reasons for the sanctions the country faced.

The prognostic frame revealed that rejection (44.44%) was predominantly suggested by the headlines framed using the prognostic approach. In this context, rejection implies that the headlines are framed voice rejection of further sanctions and call for the lifting of existing ones. An example of such headline include: “We urge the African Union to lift the sanctions it imposed on our country on January, 2022” (Maliweb.net, 2022). External assistance, involving cooperation, negotiations, and dialogue on political, socio-economic, religious, and/or human rights improvement issues with other countries, especially those that imposed the sanctions, is considered a possible solution to the sanctions and their accompanying effects.

Framing sanction in headlines of Niger Republic media. As observed with other countries, results indicated that majority of headlines (66.67%) were framed using the generic news framing approach (Table 5). Diagnostic framing accounted for 20.00% ($n = 6$), revealing that only six headlines were framed to suggest the cause of the sanctions, while 13.33% ($n = 4$) were framed to suggest possible solutions to the sanctions.

Table 5

Major frames in Niger Republic media

Major frames	Headlines	%
Generic	20	66.67
Diagnostic	6	20.00
Prognostic	4	13.33
Total	30	100

Source: compiled by Mustapha A. Adeitan.

To gain a deeper understanding of the frames' implications regarding sanctions, predefined subframes were employed to analyse the news headlines. For the generic frame, analysis revealed that Responsibility frame (35.00%) appears dominant. This suggests that majority of the headlines attribute sanctions to certain individuals or groups in the country and/or some countries in the region or globally for the sanctions. Similarly, 25.00% of the headlines attribute the sanctions to conflicts within the country or with other countries in the region and globally (Table 6).

Table 6

Sub-frames in Niger Republic news headlines

Generic	Headlines	Diagnostic	Headlines	Prognostic	Headlines
Conflict frame	5 (25.00%)	Political cause	1 (16.66%)	Assistance	1 (25.00%)
Human interest	3 (15.00%)	Socio-economic cause	2 (33.33%)	Rejection	2 (50.00%)
Economic consequence	3 (15.00%)	Human right violation	1 (16.66%)	Change in govt	0
Morality frame	1 (5.00%)	Global/regional dimension	2 (33.33%)	Financial intervention	0
Responsibility frame	7 (35.00%)			Internal reform	0
Nationalisation	1 (5.00)			External assistance	1 (25.00%)
Total	20 (100)		6 (100)		4 (100)

Source: compiled by Mustapha A. Adeitan.

The diagnostic frames showed that majority of headlines presented sanctions as having global or regional dimension and socio-economic causes. In other words, the frames suggest that the sanctions faced by Niger Republic are caused by disputes between the country and some other countries in the region or globally. Similarly, equal number of headlines (33.33%) in the diagnostic frame suggest that the sanctions are relatively caused by socio-economic issues such as inflation, rising unemployment, poverty, a lack of prosperity, limited educational opportunities, social insecurity, and/or a growing gap between young and old citizens.

Regarding prognostic framing, majority of the headlines suggest rejection of further sanctions and lifting existing sanctions as solution to the sanctions and their accompanying effects. One of the headlines reads: “National Council of Traditional Chiefs of Niger (CNCTN) deplores and rejects outright, the sanctions imposed by the ECOWAS and UEMOA bodies on Niger” (*Le Sahel*, Aug 4, 2023).

Agenda setting analysis. The study also considered the agenda-setting tone of the headlines. As described in Knudsen (2014), the positivity, neutrality, and negativity of the headlines based on agenda-setting principles were examined. The results presented in Table 7 indicate that a positive tone dominates the sanction-related headlines in the Zimbabwean media. For instance, *The Herald* reported, “Zim finds formula to burst sanctions” (June, 2023). Positive tone, as identified in the headlines, accounted for 57.69% ($n = 60$), while the negative tone in the headlines in Zimbabwean media stood at 30.77% ($n = 32$).

Conversely, a negative tone appears dominant in the sanction-related headlines from Mali and Niger Republic. While a negative tone accounted for almost half of the headlines in Mali (48.57%), half (50.00%) of the sanction-related headlines in the Niger Republic media had a negative tone. By implication, these headlines are likely to instil fear in the minds of media consumers. One of the headlines in Niger media reads: “Instability and sanctions risk aggravating the humanitarian crisis, especially for the most vulnerable” (*Actu Niger*, Aug 5, 2023). This implies negativity and creates fear for the people even if the effect of the sanctions could be mild.

Table 7

Agenda setting tone of headlines in the media of the selected countries

Agenda setting tone	Zimbabwe		Mali		Niger Republic	
Positive	60	57.69%	28	40.00%	8	26.67%
Neutral	12	11.54%	8	11.43%	12	40.00%
Negative	32	30.77%	34	48.57%	15	50.00%
Total	104	100	70	100	30	100

Source: compiled by Mustapha A. Adeitan.

Discussion

The primary objective of this study is to identify the dominant framing approach and types of sub-frames utilized in presenting headlines related to sanctions in Zimbabwe, Mali, and Niger Republic. Framing plays a crucial role in influencing media consumers' decisions and shaping their interpretation of news sto-

ries (eShan et al., 2020; Lu, 2019). The prevalence of the generic framing approach in the headlines of the three countries can be attributed to its comprehensive nature, encompassing various aspects related to events (Liu, 2019).

In this study, headlines were analysed based on six aspects related to sanctions, considered as sub-frames. The findings consistently indicate that the responsibility and conflict frames are predominant in all three countries. The responsibility frame portrays the headlines in a manner suggesting that individuals, groups, governments, or blocs bear responsibility for the imposed sanctions. Simultaneously, the conflict frame emphasizes the close connection between the sanctions and disputes among certain groups or countries. It is not surprising that these two frames are dominant, given that the three countries under examination are currently facing or have faced sanctions. For instance, in Mali and Niger Republic, the military junta's coup d'état has led to sanctions imposed by ECOWAS, UEMOA and some Western countries. In Zimbabwe, the allegation of human right abuse, abuses of land ownership and disrespect for rule of law (Ogbonna, 2017) have contributed to the sanctions imposed by Western nations.

The study also aims to identify the dominant agenda-setting tone used in media headlines related to sanctions. The findings reveal that in Zimbabwe, the tone is predominantly positive, indicating that majority of headlines are presented with a positive tone. This aligns with the assertion by Mazorodze (2021) that ZANU PF⁴ utilizes state media to set a favourable agenda and frame sanctions in a way that portrays the party positively. Conversely, in both Mali and Niger Republic, the dominant agenda-setting tone is negative.

Conclusion and recommendations

This study focuses on identifying the prevalent framing approach and sub-frames in headlines discussing sanctions in Zimbabwe, Mali, and Niger Republic. The generic framing approach is widely used in the three countries. Further analysis reveals that the responsibility and conflict frames consistently dominate in all three nations. Additionally, the study explores the dominant agenda-setting tone in media headlines related to sanctions, revealing a predominantly positive tone in Zimbabwe. Conversely, both Mali and Niger Republic exhibit a dominant negative agenda-setting tone.

This study is limited in its research focus, therefore it is recommended that further research look into the impact of ownership on media framing of sanctions as it has been proven that media ownership influences media output. Also, it is recommended that further studies investigate extended news contents as this study only focused on headlines. Extended content analysis will further give holistic understanding of framing strategies employed by media outlets. These recommendations will further enhance the fostering of a media environment, diversity of perspectives, and informed public discourse on issues related to sanctions.

⁴ Zimbabwe African National Union – Patriotic Front, the ruling party of Zimbabwe since independence in 1980. Retrieved from <https://www.zanupf.org.zw/>

References

- Al-Kaisi, A.N., Arkhangel'skaya, A.L., Bragina, M.A., Bulgarova, B.A., & Rudenko-Morgun, O.I. (2018). Teaching the Russian language in polyconfessional classes with the use of integrating tools. *European Journal of Science and Theology*, 14(1), 47–59.
- Benford, R.D., & Snow, D.A. (2000). Framing processes and social movements: An overview and assessment. *Annual Review of Sociology*, 26(1), 611–639. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.611>
- Chen, L., Shi, J., Guo, Y., Wang, P., & Li, Y. (2019). Agenda-setting on traditional vs social media: An analysis of haze-related content grounded in the extended parallel process model. *Internet Research*, 29(4), 688–703. <https://doi.org/10.1108/IntR-08-2017-0315>
- Chingono, H. (2010). Zimbabwe sanctions: An analysis of the “Lingo” guiding the perceptions of the sanctioners and the sanctionees. *African Journal of Political Science and International Relations*, 4(2), 66–74.
- D'Angelo, P. (2017). Framing: Media frames. *The International Encyclopedia of Media Effects*, Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781118783764.wbieme0048>
- De Vreese, C.H., & Kandyla, A. (2009). News framing and public support for a common foreign and security policy. *Journal of Common Market Studies*, 47(3), 453–481. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2009.01812.x>
- Entman, R.M. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*, 43(4), 51–58. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>
- Godefroidt, A., Berbers, A., & d'Haenens, L. (2016). What's in a frame? A comparative content analysis of American, British, French, and Russian news articles. *International Communication Gazette*, 78, 777–801.
- Kazun, A. (2016). Framing sanctions in the Russian media: The rally effect and Putin's enduring popularity. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 24(3), 327–350.
- Knudsen, E. (2014). Media effects as a two-sided field: Comparing theories and research of framing and agenda setting. In L. Kramp, N. Carpentier, A. Hepp, I. Tomanić Trivundža, H. Nieminen, R. Kunelius, T. Olsson, E. Sundin & R. Kilborn (Eds.), *Media Practice and Everyday Agency in Europe* (pp. 207–216). Bremen: Edition Lumière.
- Lecheler, S., & De Vreese, C.H. (2018). *News framing effects: Theory and practice*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315208077>
- Liu, Z. (2019). *The Ukraine crisis and media systems: Comparison of UK and Russian media coverage*. PhD thesis, University of Liverpool. <https://doi.org/10.17638/03071360>
- Mazorodze, W. (2021). Targeted sanctions and the failure of the regime change agenda in Zimbabwe. In D. Stuart (Ed.), *Sanctions As War: Anti-Imperialist Perspectives on American Geo-Economic Strategy* (pp. 215–230). Brill.
- McCombs, M.E. (2004). *Setting the agenda: The mass media and public opinion*. Cambridge: Polity Press.
- Ogbonna, C.C. (2017). Targeted or restrictive: Impact of US and EU sanctions on education and healthcare of Zimbabweans. *African Research Review*, 11(3), 31–41. <https://doi.org/10.4314/afrev.v11i3.4>
- Ouvrein, G., Vandebosch, H., & De Backer, C.J. (2019). Celebrities' experience with cyberbullying: A framing analysis of celebrity stories in online news articles in teen magazines. In H. Vandebosch & L. Green (Eds.), *Narratives in Research and Interventions on Cyberbullying among Young People* (pp. 181–198). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-04960-7_12
- Petrica, D. (2023). The paradox of sanctions: a critical analysis of Zimbabwe's experience. *Online Journal Modelling the New Europe*, (41), 79–104. <https://doi.org/10.24193/OJMNE.2023.41.04>
- Semetko, H.A., & Valkenburg, P.M. (2000). Framing European politics: A content analysis of press and television news. *Journal of Communication*, 50(2), 93–109. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2000.tb02843.x>

- Shan, L., Diao, H., & Wu, L. (2020). Influence of the framing effect, anchoring effect, and knowledge on consumers' attitude and purchase intention of organic food. *Frontiers in Psychology*, 11, 2022. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.02022>
- Van Cauwenberge, A., Gelders, D., & Joris, W. (2009). Covering the European Union: From an intergovernmental towards a supranational perspective? *Javnost – The Public*, 16(4), 41–54. <https://doi.org/10.1080/13183222.2009.11009013>
- Zahariadis, N. (2016). *Handbook of public policy agenda setting*. Edward Elgar Publishing.
- Zengeni, K.T. (2010). The Western media and the crisis in Zimbabwe. *Journal of International Studies*, 6, 67–81.

Bio note:

Mustapha Adeniyi Adeitan, research student, master's program “Population and Development”, Vishnevsky Institute of Demography, HSE University, 20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7930-0177. E-mail: adeitan199@gmail.com

Сведения об авторе:

Адейтан Адении Мустафа, студент-исследователь, магистратура «Население и развитие», Институт демографии имени А.Г. Вишневого, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0000-0001-7930-0177. E-mail: adeitan199@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-337-345

EDN: RUHYHN

UDC 070.1

Research article / Научная статья

The effects of polls on Burkinabe populations during election periods

Regis Dimitri Balima^{ID}, Casimir dit Pengdwende Sawadogo^{ID}

Joseph Ki-Zerbo University, Ouagadougou, Burkina Faso

dimitri.balima@gmail.com

Abstract. Opinion polls play an important and often controversial role in electoral contests. It is one of the main tools of political communication in democratic societies, where citizens receive much of their information during election campaigns. In Francophone Africa, pre-election polls are increasingly visible in the public arena. However, the release of their results during the election period has been the subject of criticism and controversy questioning their credibility: opinion polls published in the media can influence voters. The polls conducted by the Apidon Research and Survey Institute commissioned by the newspaper “Bendre” ahead of the November 2015 presidential and legislative elections in Burkina Faso drew sharp criticism from the public. Many citizens denounced them for being unreliable. Given the interest shown in this political communication tool in Burkina Faso, the authors sought to investigate the extent to which the publication of the polls influenced voting behavior. By interviewing respondents in the capital Ouagadougou and the rural province of Loubila, the authors were able to study the reactions of different social categories of the electorate. Analysis of the results showed that the impact of published pre-election polling data on voters was insignificant. At the same time, voters had a deliberately negative perception of the role in political life of the publication of pre-election public opinion monitoring figures. The results of the research revealed the problem and showed the necessity of its further study. On the one hand, future research could focus on the impact of opinion poll results on political actors to determine how they are used. On the other hand, it is useful to see whether journalists follow professional rules when dealing with such information.

Keywords: opinion polls, voters, influence, electoral behavior, Burkina Faso

Author’s contribution. *Regis Dimitri Balima* – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing. *Casimir dit Pengdwende Sawadogo* – data collection, transcription and analysis.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted November 4, 2023; revised December 3, 2023; accepted December 29, 2023.

For citation: Balima, R.D., & Sawadogo, C. dit P. (2024). The effects of polls on Burkinabe populations during election periods. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 337–345. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-337-345>

© Balima R.D., Sawadogo C. dit P., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Влияние публикаций опросов на население Буркина-Фасо в электоральный период

Р.Д. Балима , К. дит П. Савадого

Университет Джозефа Ку-Зербо, Уагадугу, Буркина-Фасо

 dimitri.balima@gmail.com

Аннотация. Опросы общественного мнения играют важную и зачастую противоречивую роль в предвыборных состязаниях. Это один из основных инструментов политической коммуникации в демократических странах, где значительную часть информации граждане получают в ходе избирательных кампаний. Во франкоязычных странах Африки предвыборные опросы все более заметны на публичной арене. Однако обнародование их результатов в период выборов становится предметом критики и споров, ставящих под сомнение их достоверность: опросы общественного мнения, публикуемые в СМИ, могут повлиять на избирателей. Опросы, проведенные научно-исследовательским институтом «Апидон» по заказу газеты «Бендре» перед президентскими выборами и выборами в законодательные органы, состоявшимися в ноябре 2015 года в Буркина-Фасо, вызвали резкую критику в обществе. Многие граждане осудили их за недостоверность. Учитывая интерес, проявленный к этому инструменту политической коммуникации в Буркина-Фасо, цель исследования – выяснить, в какой степени публикация опросов повлияла на поведение избирателей. Интервьюирование респондентов в столице Уагадугу и сельской провинции Лумбила позволило изучить реакции различных социальных категорий электората. Анализ результатов показал, что влияние на избирателей опубликованных данных предвыборных опросов незначительное. При этом голосовавшие имели заведомо негативное представление о роли в политической жизни обнародования цифр предвыборного мониторинга общественного мнения. Полученные результаты подтвердили наличие проблемы и показали необходимость ее дальнейшего изучения. С одной стороны, будущие исследования могли бы сосредоточиться на влиянии результатов опросов общественного мнения на политических игроков, чтобы определить, как они используются. С другой стороны, полезно посмотреть, придерживаются ли журналисты профессиональных правил при работе с подобной информацией.

Ключевые слова: опросы общественного мнения, избиратели, электоральное поведение

Вклад авторов. Р.Д. Балима – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи. К. дит П. Савадого – сбор, расшифровка и анализ данных.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 4 ноября 2023 г.; отрецензирована 3 декабря 2023 г.; принята к публикации 29 декабря 2023 г.

Для цитирования: Balima R.D., Sawadogo C. dit P. The effects of polls on Burkinabe populations during election periods // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 337–345. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-337-345>

Introduction

Opinion polls according to Frankovic (1998, p. 498–499), they help to “create a sense of constant movement and uncertainty in the course of the contest, occasionally generating an element of animation without which the campaign might appear dull”. Thus, polls are prized in the media world, which uses them to keep their audiences on

their toes during election campaigns. They are also invaluable to political scientists. Research in this area has been done before and it is being done right now (Larsen, Fazeakas, 2021; Gasuku, 2023; Di Franco, 2024; Fernández-Roldán, Barnfield, 2024; Graham et al., 2024). Marquis (2005, p. 10), often highlighted the influence of polls in elections: “elected politicians and their teams are interested in knowing the movements of opinion in their constituencies, in particular, to determine the appropriate responses to make, to anticipate the consequences of their decisions, to imagine how the public and their opponents will react to these consequences, and to prepare a response to possible attacks”. It's a means of warning against electoral sanctions by making the *right decisions*. Here *right decisions* refer to the punctual desires of the majority at that time.

In French-speaking Africa, election polls are increasingly visible in the public arena. However, the practice is not without reservations, as the debate over their possible electoral effects resurfaces after their publication (Brule, 1988; Marquis, 2005).

Polls published in Burkina Faso in the run-up to the November 29, 2015, presidential as well as legislative elections have raised many questions and debates within the political class and even at the level of public opinion. The latest rounds of polls by the *Bendre* newspaper and Apidon Research and Survey Institute predicted victory for candidate Roch Marc Christian Kaboré of the People's Movement for Progress (French: Mouvement du Peuple pour le Progrès, MPP) over candidate Zéphirin Diabré of the Union for Progress and Change (French: Union pour le Progrès et le Changement, UPC). In the legislative elections, the MPP was also expected to win against its rivals. The debates sparked by the publication of the various rounds of polls intrigued us. Why such an interest in electoral polls, which were still unfamiliar to ordinary Burkina Faso citizens?

A reader who requested anonymity reproached the consultant who collaborated with the *Bendre* for “producing and publishing erroneous results that can confuse a large number of people”¹. But what is the case? Our study aims to determine the degree of poll influence published in the run-up to the 2015 choice of Burkinabe voters. To do this, we will review the work carried out on the issue of the influence of opinion polls on behavior, outline the study methodology and present and discuss the research findings. The relevance of the problem is due to the instability of political communication in Burkina Faso.

Theoretical framework

Controversies about the influence of opinion polls on voters. The issue of the influence of opinion polls on voters highlights the debate on the effects of mass media on audiences. Indeed, poll results constitute information on which the voter can base an opinion about parties or candidates, and as Gerstle (2010, p. 80–81) points out, “information removes or reduces the uncertainty of the receiver. Whether we like it or not, it is characterized by the effect it produces on at least one recipient, not to mention the public of mass information”.

Among other things, opinion polls are criticized for having a significant impact on the electoral game, and on voters in particular, if they are unaware of the manipu-

¹ Sawadogo, C.P. (2015, February 20). Sondage du Journal Bendré: La réaction du SG du MPP. *Infowakat: Portail d'actualités*. Retrieved December 1, 2023, from <https://infowakat.net/sondage-du-journal-bendre-la-reaction-du-sg-du-mpp/>

lative effect, they tend to exert on them. Marquis (2005, p. 28) concludes that “far from the objectives of opinion research, and even electoral forecasting, opinion polls can sometimes be used to instrumentalize or even manipulate public opinion”. In the same vein, Champagne (1990; 1995, p. 85) finds that the publication of pre-election polls “can lead some voters to adopt a new type of voting”. On the other hand, some researchers believe that the influence of opinion polls is overestimated.

These criticisms of polls take place in a context where the tool is trying to carve out a place for itself in political communication in Africa.

Polling in the pre-electoral context of November 2015 and its controversies.

Burkina Faso returned to the publication of electoral polls in the run-up to the coupled presidential-legislative elections of November 29, 2015. The socio-political context was marked by the political transition following a popular uprising that occurred on October 30 and 31, 2014 which put an end to the 27-year reign of President Blaise Compaoré. The very reason for this historical uprising has been Compaoré’s intention to stay in power by modifying the constitution. This context was an opportunity for Burkinabè pollsters to launch into both voting intention polls and Burkinabè citizens’ judgment of the management of the political transition. The particular context of these elections provides a propitious moment insofar as the power in place was neutral and had as its main mission to organize the elections.

Nevertheless, the polls carried out during this period caused controversy in the political landscape. As in other countries where the tradition of opinion polls is well established, politicians’ attitudes were soon turned upside down by the results of opinion surveys. Their methods are sometimes criticized when the results go against them. Thus, after the publication of the results of the first *Bendre* newspaper poll, Clément Sawadogo, then Secretary General of the MPP, said that the choice of a sample of 700 people from four of the country’s towns to carry out the poll was “insufficient in that it deprived certain candidates of the benefit of a stronger presence on the national territory”².

Generally speaking, polling professionals downplay the effects their results can have on voters’ choices. In the opinion of Honko Roger Judicaël Bemahoun, who has collaborated with the *Bendre* newspaper in conducting polls, “even if polls have an effect on voter choice, the campaign balances things out”; Yannick Farma, director of operations at IRSOA, for his part, maintains that when “the voter knows it’s a snapshot of opinions, it’s not likely to change his choice”³.

Analysis framework

The survey was carried out in the city of Ouagadougou and in 4 villages in the region (Loumbila, Nomgana, Goundry and Nangtenga). Purposive sampling enabled us to collect data from 200 citizens who had participated in the elections. In all, 93 men (46.50%) and 107 women (53.50%) answered our questions.

² Sawadogo, C.P. (2015, February 20). Sondage du Journal Bendré: La réaction du SG du MPP. *Infowakat: Portail d’actualités*. Retrieved December 1, 2023, from <https://infowakat.net/sondage-du-journal-bendre-la-reaction-du-sg-du-mpp/>

³ Sam Wend-Tin B. (2016, February 10). Sondages d’opinion politique au Burkina: une innovation majeure pour l’élection présidentielle de 2015. *L’Evenement*. Retrieved December 1, 2023, from <https://www.evenement-bf.net/spip.php?article1306>

Our investigation extended from February 16 to November 24, 2015. Its results have not been published before. Indeed, the first round of polls commissioned by *Bendre* newspaper was published on February 16, 2015. The other three were published on June 15, September 14 and September 23, 2015, respectively. As for the polls conducted by IRSOA, they were published between April 7 and November 24, 2015.

Voters aged 22 or over and registered on the electoral rolls constituted our study population according to the Article 42 of the Electoral Code of May 2015, which served as the basis for the organization of the November 29, 2015 elections.

In addition, we approached opinion leaders, notably a traditional chief, a town councillor and a religious leader, to find out about any interpersonal exchanges with members of their communities on the results of the polls. In addition, we included in the target population resource persons from fields such as the media, political science, and sociology. Finally, to gain a better understanding of the publication of surveys in Burkina Faso, we approached the initiators of these surveys to determine their motivations and the circumstances in which they carried them out.

Methodology

The mixed-methods approach was chosen for this study. According to Balima and Duchenne (2005, p. 47), “the methods are most often complementary and can be added together depending on the different data we want to obtain”.

In practice, we made use of data collection techniques such as document review by examining the literature on surveys in the context of countries other than Burkina Faso. We read the newspapers that published the reports of the various surveys. We then drew up an interview guide covering the themes we discussed with our interviewees. According to Charlier and Campenhoudt (2014, p. 97), “it includes the themes that the researcher must address with his interlocutor so that the latter's responses best answer the research question”. However, as we opted for the semi-structured interview technique, we had the latitude to address themes related to those we had set out in the guide.

After conducting the semi-structured interviews with the various stakeholders, we began by transcribing them in full and translating those conducted in the national language Moore into French. This provided us with consistent material on which to base our analyses. We then carried out a thematic analysis of the transcribed data, comparing the content of the responses theme by theme. Finally, we analyzed these themes to ensure that they were in line with our initial objectives.

The quantitative approach aims to “explain a phenomenon and is based essentially [...] on the enumeration, quantification and measurement of concepts relating to the phenomenon under study” (Bonneville et al., 2007, p. 67). The main tool used was the questionnaire, which was administered both directly and indirectly, depending on the circumstances. In our case, the questionnaire is said to be indirectly administered when the interviewer completes it himself, based on the answers provided by the respondent. It is said to be directly administered when the respondent completes it himself. Respondents with a level of education that enabled them to complete the questionnaire themselves were given the latitude to do so. Indirect administration, on the other hand, was preferred for respondents with an approximate level of education and for the uneducated. For the latter, we administered the questionnaire in Moore.

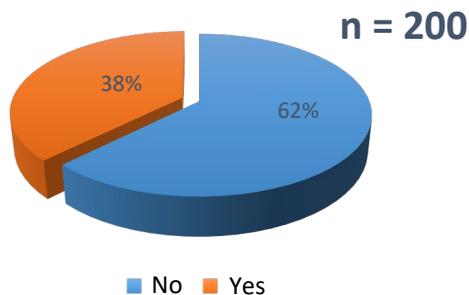
Concerning the processing of quantitative data, descriptive statistical analysis of the data collected was carried out. This type of analysis “makes it possible to structure, organize and describe a set of quantitative data, taken from a sample of a population, into a readable and coherent whole” (Bonnevillie et al., 2007, p. 125).

To achieve this, we used Epi info version 7 software, which enabled us to design an input mask on which we recorded our data. This analysis method enabled us to cross-reference the different variables in our study.

We then exported our data to Excel 2013 to calculate frequencies and present them in tables. The data distribution tables enabled us to discover how the data relating to the variables are distributed. We also used graphs to represent the information contained in certain tables.

Results and discussion

To analyze the issue of polls' influence on voters, we first need to look at how they are received by the various social categories that make up the electorate. Otherwise, it would be difficult to discover whether polls had any influence on their voting decisions.

Distribution of voters according to whether or not they were aware of the poll results

Source: performed by Regis Dimitri Balima, Casimir dit Pengdwende Sawadogo based on field survey conducted in November – December 2019.

The graph shows that 38% (red) of respondents were aware of the results of the polls that were published before the holding of the coupled presidential-legislative elections on November 29, 2015, versus 62% (blue) who said they had not been informed (Figure). This low level of exposure calls into question the massive reception of messages conveyed by the mass media set out by Harold Lasswell's hypodermic syringe theory (2015). This proves that, regardless of where people live, their exposure to the media is not as systematic as the theory of the powerful effects of the media would have us believe. Ten years after the publication of the first electoral polls in Burkina Faso, a very significant proportion of the population, due to their low level of political competence and education, are either unaware of the polls or simply unaware of their results. According to Assegna Anselme Somda, program manager at the Center for Democratic Governance (CGD), before his organization began conducting *Afrobarometer* surveys in 2008, Burkinabè were only familiar with the *Recensement général de la population et de l'habitat* (RGPH – General census of population and housing) conducted by the *Institut national de la statistique et de la démographie* (INSD – National Institute of Statistics and Demography).

Voting for the party ahead in the polls. 15% of voters exposed to the results of the polls acknowledged that they had been encouraged to vote for the party leading in the polls, i.e. 5.5% of our study sample. They acknowledged that they had voted for the MPP in the legislative elections after learning that it was ahead in the opinion polls. Men were more influenced to vote for the MPP than women (73% vs. 27%). Women's distrust of opinion polls led them not to vote in line with voting intentions.

We also note that the poll results had a much greater influence on voters in the rural commune of Loumbila (55%) than those in the city of Ouagadougou to vote for the MPP (45%). The crystallization of respondents' votes in rural areas could justify this fact. Furthermore, and to corroborate this fact, 2 of the 3 opinion leaders we interviewed for this study, namely the municipal councillor of the village of Goundry and the chief of the village of Nangtenga, specified that no one in their respective communities had come to better understand the results of the polls or to form their voting decision for the upcoming coupled elections.

According to level of education, at the November 29, 2015 legislative elections, 18.18% of those who said they had been influenced by the polls in voting for the MPP had a higher level of education. The same is true for respondents with post-primary education. Among non-educated voters, those with non-formal education and those with primary education, only one person said they had reacted in this way (9.09%). Voters with secondary education were the most influenced (36.36%). The polls therefore had a greater influence on educated voters. These results show that people with low levels of education were the least influenced by the polls.

Voting for candidates trailing in the opinion polls. The study shows that 15% of voters exposed to opinion polls decided to support certain parties based on their position in the polls (5.50%). The result was that the electorate distrusted the information provided by the polls. This is the underdog effect. As a result, 45.45% of those who came to the aid of parties lagging in the polls admitted that they had voted for PAREN because of its disreputable position in the polls.

Voting for the candidate at the top of the presidential election polls. Presidential elections are generally the most closely watched and the ones that attract the most voters to the polls. They also attract the greatest interest from pollsters to the extent that opinion polls are often used as sources of misinformation to influence or confuse voters.

The study shows that 15% of voters informed of the polls voted for Roch Marc Christian Kaboré, i.e. 63.64% of men and 36.36% of women (Table 1). Incidentally, electoral polls had little influence on voters, in that the rate of voters influenced was only 5.50% if we take into account the 200 individuals in our sample. In other countries, such as France, Brule (2005, p. 84) notes that studies carried out on the effects of polls by IFOP in 1965 on the occasion of the presidential elections of December 1965 revealed that 9% of those informed of the polls declared that they had been encouraged to vote for the candidate General Charles de Gaulle. Although this study dates back to the twentieth century, it allows us to compare the bandwagon effect of polling in two countries at a time when polling was in its infancy. The bandwagon effect of polls was much greater among French voters in 1965 than those in Burkina Faso in 2015.

Table 1

**Voter attitudes to polls predicting Roch Marc Christian Kaboré's Victory,
by gender and place of residence**

Voter behaviour	Ouaga-dougou		Loumbila rural district								Total	Percentage	
			Loumbila		Nangtenga		Nomgana		Goundry				
	M	F	M	F	M	F	M	F	M	F			
Vote for RMCK	3	2	2	0	0	1	1	1	1	1	0	11	15 %
Vote for a trailing candidate	9	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	12	16%
No effect	17	15	8	0	1	0	7	1	1	1	3	52	69 %
Total	29	20	10	0	1	1	8	2	2	2	3	75	100%

Source: performed by Regis Dimitri Balima, Casimir dit Pengdwende Sawadogo.

Table 2

**Distribution of candidates trailing in the polls
who benefited from the voters' vote, by place of residence**

Candidates	Ouaga-dougou	Loumbila rural district				Total	Percentage
		Loumbila	Nangtenga	Nomgana	Goundry		
Bénéwendé S. Sankara	1	0	0	0	0	1	8,33%
Tahirou Barry	7	0	0	0	0	7	58,33%
Zéphirin Diabré	4	0	0	0	0	4	33,33%
Total	12	0	0	0	0	12	100%

Source: performed by Regis Dimitri Balima, Casimir dit Pengdwende Sawadogo.

The Table 2 shows that 58.33% of voters declared they had voted for PAREN candidate Tahirou Barry, 33.33% for UPC candidate Zéphirin Diabre and 8.33% for UNIR/PS candidate Bénéwendé Stanislas Sankara. All the voters who cast their ballots for the candidates in the worst positions in the polls came from the city of Ouagadougou. In the rural commune of Loumbila, none of the voters declared that they had supported a candidate out of sympathy for him or her.

Conclusion

Opinion polls are now part of the election ritual in Burkina Faso. From the analysis of the data we have collected, it emerges that Burkinabe voters had little exposure to the results of the polls that were published on the eve of the parliamentary/presidential cut-off elections of November 29, 2015. 38% of the voters we surveyed were aware of the results of these polls.

The study also shows that election polls, because of their novelty, do not appeal to the majority of voters, and have therefore influenced only a tiny proportion of voters. Although polls have sometimes been called into question by certain political players, the fact remains that they have been invaluable to the vitality of democracy. However, polling is still in its infancy and needs to be further improved and popularized to establish a genuine democratic culture among politicians and citizens alike. The results of this study make it necessary to explore other research horizons to learn more about certain aspects revolving around this issue. On the one hand, future studies could focus on the effects of opinion poll results on political actors, to determine how they are used. On the other hand, it would be useful to look at how opinion polls are treated in the Burkinabe press, to discover whether journalists deal with such information following the rules laid down by their profession.

References

- Balima, S.T., & Duchenne, V. (2005). *Méthodologie de la Recherche en Sciences de l'Information et de la Communication, l'élaboration du mémoire de maitrise*. Ouagadougou: Sankofa & Gurli, Sidwaya.
- Bonneville, L., Grosjean, S. & Lagace, M. (2007). *Introduction en méthodes de recherche en communication*. Quebec: Chenelière Education.
- Brule, M. (1988). *L'empire des sondages: Transparence ou manipulation?* Paris: Robert Laffont.
- Champagne, P. (1990). *Faire l'opinion le nouveau jeu politique*. Paris: Editions de Minuit.
- Champagne, P. (1995). Les sondages, le vote et la démocratie. *Actes de la recherche en sciences sociales*, 109(4), 73–92. <https://doi.org/10.3917/arss.p1995.109n1.0073>
- Charlier, J.E., & Campenhoudt, L.V. (2014). *Quatre méthodes de recherche en sciences sociales. Cas pratiques pour l'Afrique francophone et le Maghreb*. Paris: Dunod. <http://hdl.handle.net/2078.1/146176>
- Di Franco, G. (2024). The return of non-probability sample: The electoral polls at the time of internet and social media. *Qual Quant*, 58, 3811–3830. <https://doi.org/10.1007/s11135-024-01835-8>
- Fernández-Roldán, A., & Barnfield, M. (2024). Voters share polls that say what they want to hear: Experimental evidence from Spain and the USA. *International Journal of Public Opinion Research*, 36(4), edae047. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edae047>
- Frankovic, K.A. (1998). Public opinion and polling. In D. Graber, D. McQuail & P. Norris (Eds.), *The Politics of News: The News of Politics*. Washington, DC: Congressional Quarterly Press.
- Gasuku, S.M. (2023). Public perception of political opinion polls and their influence on people's voting behavior: The case of Mwanza City residents. *Sage Open*, 13(2). <https://doi.org/10.1177/21582440231174167>
- Gerstle, J. (2010). *La communication politique* (2e ed.). Paris: Armand Collin.
- Graham, M.H., Hillygus, D.S., & Trexler, A. (2024). Misleading polls in the media: Does survey clickbait have social consequences? *Public Opinion Quarterly*, 88(2), 315–336. <https://doi.org/10.1093/poq/nfae009>
- Larsen, E.G., & Fazekas, Z. (2021). Alternatives to opinion polls: No polls, vox pop, poll aggregators and social media. *Reporting Public Opinion* (pp 109–121). Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-030-75350-4_6
- Lasswell, H. (2015). *Propaganda techniques in the World War*. Kindle Edition. Ravenio Books.
- Marquis, L. (2005). *Sondages d'opinion et communication politique*. Sciences Po Center for Political Research.

Bio notes:

Regis Dimitri Balima, PhD, Associate Professor, Department of Communication and Journalism, Joseph Ki-Zerbo University, 03 BP 7021 Ouagadougou, Burkina Faso. ORCID: 0009-0008-0156-7654. E-mail: dimitri.balima@gmail.com

Casimir dit Pengdwende Sawadogo, lecturer, Department of Communication and Journalism, Joseph Ki-Zerbo University, 03 BP 7021 Ouagadougou, Burkina Faso. ORCID: 0009-0009-9227-3965. E-mail: sawlecasi@yahoo.fr

Сведения об авторах:

Балима Реджис Дитри, доцент, доктор наук, кафедра коммуникаций и журналистики, Университет Джозефа Ки-Зербо, Буркина-Фасо, 03 BP 7021, Уагадугу. ORCID: 0009-0008-0156-7654. E-mail: dimitri.balima@gmail.com

Савадого Казимир дит Пенгдвенде, преподаватель, кафедра коммуникации и журналистики, Университет Джозефа Ки-Зербо, Буркина-Фасо, 03 BP 7021, Уагадугу. ORCID: 0009-0009-9227-3965. E-mail: dimitri.balima@gmail.com

МЕДИЙНЫЕ РАМКИ РЕЛИГИОЗНЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ
MEDIAFRAMES OF RELIGIOUS AND ETHNIC CONFLICTS

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-346-357

EDN: RULINH

UDC 316.48

Research article / Научная статья

**Misinformation and disinformation
in ethno-religious conflicts:
a comparative study of media in Ghana and Nigeria**

Rasaq M. Adisa¹ , Samuel K. Segbefia² ,
Sadiq Mohammed³ , Galina N. Trofimova⁴

¹University of Ilorin, Ilorin, Federal Republic of Nigeria

²University of Cape Coast, Cape Coast, Republic of Ghana

³Ibrahim Badamasi Babangida University, Lapai, Federal Republic of Nigeria

⁴RUDN University, Moscow, Russian Federation

 adisa.rm@unilorin.edu.ng

Abstract. Misinformation and disinformation are receiving momentous global attention largely because of the risks they pose to almost every sector. Also, it deepening hate among ethnic groups, particularly, in Ghana and Nigeria. Lately, the most critical is the consistent manufactured lies in the semblance of news which have further threatened the fragile ethno-religious fabric in these two West African nations. In view of this, the study explores the intricate interconnection between misinformation, disinformation, and their impact on intensifying ethno-religious conflicts in Ghana and Nigeria. The propagation of inaccurate or deceptive information across various mediums has been observed to play a substantial role in exacerbating tensions, deepening divisions, and magnifying animosity among diverse ethnic communities. The primary objective of this research is to establish a wide-ranging comprehension of how misinformation and disinformation contribute to the escalation of ethno-religious conflicts, thereby shedding light on potential strategies to mitigate their detrimental consequences. Employing a qualitative approach of in-depth interview, the study uncovered the mechanisms through which misinformation and disinformation disseminate, shape perceptions, and contribute to the fragmentation of communities in Nigeria and Ghana unity. By highlighting these dynamics, the study seeks to offer valuable insights to policymakers, media professionals, and community leaders, enabling them to confront the predicament of misinformation and disinformation, ultimately cultivating a more unified and harmonious Nigerian and Ghanaian societies.

Keywords: West Africa, media frames, Ghana and Nigeria societies, ethnic groups

Author's contribution. *Rasaq M. Adisa* – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing. *Samuel K. Segbefia* – data collection, transcription, and analysis. *Sadiq Mohammed* – data collection and analysis of material. *Galina N. Trofimova* – analysis of material.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted December 17, 2023; revised January 21, 2024; accepted February 28, 2024.

For citation: Adisa, R.M., Segbefia, S.K., Mohammed, S., & Trofimova, G.N. (2024). Misinformation and disinformation in ethno-religious conflicts: A comparative study of media in Ghana and Nigeria. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 346–357. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-346-357>

Неточная информация и дезинформация относительно этнорелигиозных конфликтов: сравнительное исследование медиа Ганы и Нигерии

Р.М. Адиса¹ , К.С. Сегбефия² ,
S. Mohammed³ , Г.Н. Трофимова⁴

¹Университет Илорина, Илорин, Федеративная Республика Нигерия

²Университет Кейн-Кост, Кейн-Кост, Республика Гана

³Университет Ибрагима Бадамаси Бабангида, Ланай, Федеративная Республика Нигерия

⁴Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 adisa.rm@unilorin.edu.ng

Аннотация. Неточная информация и сознательная дезинформация привлекают внимание исследователей из-за рисков, которые они представляют во всех сферах. Существенно влияние дезинформации на усиления ненависти среди этнических групп, в том числе в Гане и Нигерии. В последнее время наиболее опасной является сфабрикованная ложь в новостях, она угрожает хрупкой этнорелигиозной структуре этих двух западноафриканских стран. Распространение в средствах массовой информации неточной или вводящей в заблуждение информации играет существенную роль в обострении напряженности, углублении разногласий и усилении враждебности внутри различных этнических сообществ. Цель исследования – установить системное понимание того, как дезинформация и неverified новости способствуют эскалации этнорелигиозных конфликтов. Предлагаются потенциальные стратегии по смягчению пагубных последствий. Посредством качественного подхода углубленного интервью выявлены механизмы распространения неточной и фейковой информации; показано, как формируются мнения, способствующие разобщению социума в Гане и Нигерии. Даны рекомендации политикам, специалистам СМИ и общественным лидерам по противостоянию проблемам, связанным с дезинформацией, и формированию единых гармоничных сообществ Нигерии и Ганы.

Ключевые слова: Западная Африка, фреймы СМИ, общества Ганы и Нигерии, этнические группы, фейки

Вклад авторов. *Р.М. Адиса* – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи. *К.С. Сегбефия* – сбор, транскрипция и анализ данных. *С. Мохаммед* – сбор данных и анализ материала. *Г.Н. Трофимова* – анализ материала.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 17 декабря 2023 г.; отрецензирована 21 января 2024 г.; принята к публикации 28 февраля 2024 г.

Для цитирования: Adisa R.M., Segbefia S.K., Mohammed S., Trofimova G.N. Misinformation and disinformation in ethno-religious conflicts: a comparative study of media in Ghana and Nigeria // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 346–357. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-346-357>

Introduction

Ethnic conflicts pose a significant challenge in Africa, leading to a focus on ethnicity in African studies (Venkatasawmy, 2015; Adisa et al., 2016). Etefa (2019) highlight a lack of understanding of the root causes of ethnic conflict, often overlooking grievances towards the state. In Nigeria, ethnic conflicts threaten peace, unity, and governance due to its diverse ethnic groups and religious divide between the north and south. Similarly, Ghana experiences ethno-religious tensions, particularly between Christians and Muslims.

The rise of misinformation and disinformation, amplified by social media, exacerbates these conflicts. In Nigeria, false information spread via platforms like Twitter and Facebook¹ has fueled tensions surrounding issues like Boko Haram² and farmer-herder clashes. Hassan and Hitchen note an unprecedented volume of disinformation circulating in Nigeria, worsening existing ethnic and religious tensions³.

In both Nigeria and Ghana, misinformation exploits historical grievances and reinforces stereotypes among different ethnic and religious groups. Despite growing recognition of this issue, there is a research gap in understanding its nuanced consequences. Chilwa and Samoilenko (2018) call for more in-depth studies to analyse the multifaceted repercussions of misinformation on society.

Local variations and cultural factors influence the impact of misinformation in African contexts (Adisa et al., 2015; Vraga, Bode, 2020). Comparative analyses across African countries are needed to understand the differential impacts of misinformation on ethno-religious conflicts and inform region-specific strategies. Overall, addressing misinformation is crucial in mitigating ethnic tensions and promoting peace and unity in Africa.

Misinformation and disinformation present formidable challenges in Nigeria and Ghana, particularly intensified by the proliferation of social media platforms (Au et al., 2022). These phenomena contribute to societal polarization, instability, and democratic threats (Tandoc et al., 2018). Disinformation, prevalent on social media, exacerbates social divisions and jeopardizes security, as evidenced during

¹ Facebook is part of Meta, which is recognized as an extremist organization and banned in Russian Federation.

² The organization is recognized as a terrorist and its activities are prohibited on the territory of the Russian Federation.

³ Hassan, I., & Hitchen, J. (2020, October 6). Nigeria's disinformation landscape. *Social Science Research Council*. Retrieved December 15, 2023, from <https://items.ssrc.org/disinformation-democracy-and-conflict-prevention/nigerias-disinformation-landscape/>

events like the 2020 #EndSARS protests, spotlighting the media's influence on public opinion. Nigeria and Ghana face similar issues, where disinformation exploits grievances, undermining national unity and coexistence⁴. Combating these challenges necessitates ethical media practices and promoting critical thinking to mitigate the harmful effects of misinformation⁵.

The intersection of ethnic and religious diversity with misinformation and disinformation has garnered scholarly attention, notably in Nigeria and Ghana. In Nigeria, conflicts like the Biafra war often carry ethno-religious nuances, influenced by these factors (Achi, 2021). Similarly, Ghana faces conflicts with religious and ethnic undertones, such as market clashes and land disputes. The persistence of ethno-religious distinctions fuels conflicts exacerbated by misinformation and disinformation, undermining unity and coexistence. Guess et al. (2019) highlight misinformation's role in shaping political beliefs within diverse communities, while divisive misinformation escalates tensions, threatening social cohesion. Understanding and addressing the impact of misinformation within ethno-religious contexts are crucial for promoting harmonious coexistence in Nigeria and Ghana.

Social media's influence on misinformation and disinformation amplifies tensions and spreads falsehoods in ethno-religious conflicts. Pennycook et al. (2018) explore how ethnic and religious diversity affects misinformation spread on platforms like Facebook⁶ and Twitter, noting susceptibility to false information due to echo chambers. Vosoughi et al. (2018) stress social media's dual role as an amplifier of both accurate and misleading information. In Ghana, platforms such as WhatsApp and others serve as conduits for rapid misinformation dissemination, further complicated by limited media literacy. This challenges religious literacy advancement, as social media fosters both educational opportunities and conspiratorial echo chambers (Henry, 2021). Absence of traditional editorial oversight in social media exacerbates challenges in discerning accurate information from falsehoods.

Echo chambers, where like-minded individuals reinforce beliefs, significantly contribute to misinformation in diverse societies like Nigeria and Ghana (Cinelli et al., 2020). These chambers are reinforced through social interactions and have a profound impact on information dynamics, especially in ethnically and religiously diverse populations (Arthur, 2018). Achi's study (2021) emphasizes how ethno-religious nuances amplify misinformation dissemination, affecting unity and tolerance. Social media platforms intensify echo chambers, making diverse networks susceptible to false information (Pennycook et al., 2018; Vosoughi et al., 2018). Limited media literacy exacerbates echo chambers' impact, leading individuals to accept biased information. Understanding the interplay between echo chambers and ethno-religious diversity is vital for combatting misinformation and promoting unity in diverse societies.

⁴ Ibrahim, H. (2023, June 5). How disinformation deepens hate among Nigerians. *Friedrich-Ebert-Stiftung*. Retrieved December 15, 2023, from <https://fesmedia-africa.fes.de/news/how-disinformation-deepens-hate-among-nigerians/>

⁵ Disinformation is on the rise in Nigeria. (2023, May 9). *The Guardian*. Retrieved December 15, 2023, from <https://guardian.ng/news/disinformation-is-on-the-rise-in-nigeria/>

⁶ Facebook is part of Meta, which is recognized as an extremist organization and banned in Russian Federation.

Methods and materials

The qualitative research employs an in-depth interview approach to explore ethno-religious conflicts in Nigeria and Ghana, aiming to understand misinformation dynamics. The interviews were conducted in Nigeria between October 3rd and September 10th 2023, while that of Ghana were carried out by S.K Segbefia, who is based in Ghana between October 15th and September 21st respectively.

Purposively sampled informants, including community leaders and policy-makers, share personal experiences and observations, ensuring confidentiality. Reflexivity addresses biases, following Creswell's guidelines (2012), with thematic analysis revealing recurring themes. NVivo 14 software aids data storage and analysis, facilitating the iterative coding framework development.

Informants' privacy and confidentiality rights are respected through informed consent and code name anonymization. For example, Community Leaders from Ghana were code named Inf. GhaCL while that of Nigeria identified as Inf. NigCL. Similarly, Policymakers from both Ghana and Nigeria; Inf. GhaPM, and Inf. NigMP. As for the Media Professionals from Ghana and Nigeria; Inf. GhaMP, and Inf. NigMP, ensuring anonymity throughout the analysis.

Results and discussion

Theme 1. Impacts and consequences of misinformation and disinformation on ethno-religious conflicts (Figure 1). Escalation of tensions and violence. The findings underscore the pervasive and detrimental impact of misinformation on social harmony, inter-community relations, and overall peace. The recurring theme across the sources demonstrates how false narratives, whether disseminated through social media, videos, articles, or manipulated images, have tangible and often severe consequences. For instance, the first source highlights how false messages on social media led to heightened tensions and clashes within a community event, illustrating the potential for misinformation to incite immediate conflict thus, Inf. GhaPM 1, “Last year, false messages circulated on social media claiming that a particular ethnic group was planning a violent uprising. This led to heightened tensions, and unfortunately, clashes erupted during a community event”. Similarly, Inf. GhaCL 2, emphasizes the amplifying effect of a misleading video, creating an atmosphere of hate speech endorsement among religious leaders, “There was a case where a misleading video was shared, suggesting religious leaders were endorsing hate speech. This escalated tensions, and it took considerable effort to quell the resulting conflicts”.

The Inf. NigCL 9, illustrates how false reports about a religious leader's remarks led to clashes, “False reports about a religious leader making derogatory remarks led to clashes between followers. Misinformation directly contributed to the escalation of tensions and violence”. The Inf. NigMP 10 however, reveals the political ramifications of misinformation.

The eleventh and twelfth sources from Nigeria show the alarming consequences of a viral video and misleading messages, “A viral video falsely depicting an interfaith event as an act of disrespect led to widespread outrage and violence. It's alarming how misinformation can distort events and trigger real-world consequences”.

Other 10 sources from Ghana and Nigeria underscored the urgent need for robust strategies to counteract the spread of misinformation. The consequences outlined by these sources demonstrate that misinformation is not merely a distortion of facts but a potent force that can actively contribute to the escalation of tensions, violence, and prolonged conflicts within communities.

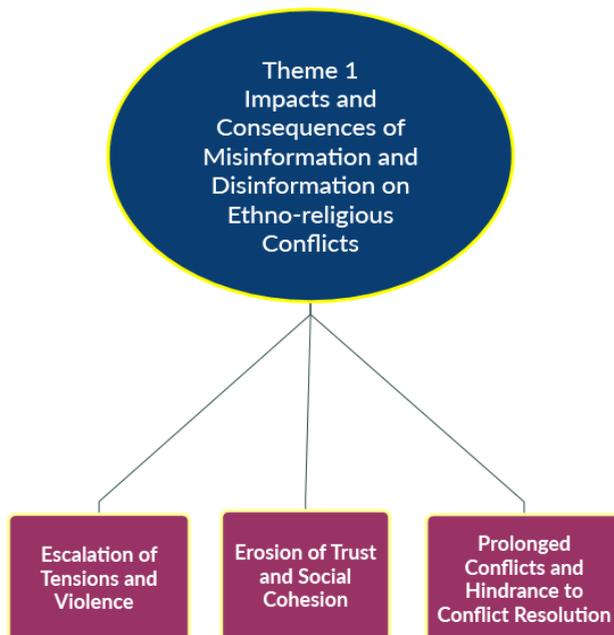

Figure 1. Impacts and consequences of misinformation and disinformation on ethno-religious conflicts

Source: performed by Rasaq M. Adisa, Samuel K. Segbefia, Sadiq Mohammed, Galina N. Trofimova.

Erosion of trust and social cohesion. Another finding on impacts and consequences of misinformation and disinformation on ethno-religious conflicts paints a vivid picture of the pervasive and damaging impact of misinformation on trust, social cohesion, and community bonds. The consistent theme across the sources underscores how the relentless spread of false narratives has not only eroded trust but has also created a climate of fear, suspicion, and division within these societies. For instance, Inf. GhaPM 1 highlights, “The constant barrage of false stories erodes trust between communities. People become suspicious of each other, making it difficult to build the social cohesion necessary for peaceful coexistence”. Similarly, Inf. GhaCL 2 emphasizes thus, “Misinformation has created a climate of fear and suspicion. Trust between neighbours and even within families has been compromised, making it challenging to foster a sense of community”. Other sources which include Inf. GhaPM 3, and Inf. GhaMP 4 expand on the idea that, Communities that once coexisted peacefully now harbor deep distrust due to persistent misinformation.

Echoing similar views, Informants from Nigeria highlight how the erosion of trust at various levels is creating ethno-religious conflicts in Nigeria. These was the perceptions of Inf. NigCL 9, Inf. NigMP 10, Inf. NigPM 11, and Inf. NigPM 12.

Prolonged conflicts and hindrance to conflict resolution. The finding also underscores the detrimental role of misinformation in perpetuating and prolonging

conflicts. The finding highlights how false narratives, stereotypes, and misconceptions fueled by misinformation contribute to the entrenchment of positions, hinder dialogue, and act as substantial barriers to conflict resolution. Confirming this, Inf. GhaPM 1 emphasizes that, “Misinformation has prolonged conflicts by perpetuating stereotypes and misconceptions. It becomes challenging to find common ground for resolution when the narrative is distorted”. Other informants from Ghana among whom are Inf. GhaCL 2 and GhaPM 3 also variously described misinformation as a roadblock to conflict resolution efforts.

Among the informants, Inf. NigCL 9 echoes the sentiment that, “Misinformation sustains conflicts by perpetuating false narratives and deepening divisions. It becomes a barrier to finding common ground for resolution”. Similarly, Inf. NigMP 10 and Inf. NigPM 11 reinforce how the persistence of misinformation sustains conflicts.

Theme 2. mitigation strategies for misinformation and disinformation on ethno-religious conflicts (Figure 2). *Strengthening media literacy and critical thinking skills.* In the course finding mitigation strategies for misinformation and disinformation on ethno-religious conflicts in Ghana and Nigeria, the informants interviewed suggested various strategies. For instance, Inf. GhaPM 1 discloses that, “One effective strategy is investing in educational programs that enhance media literacy. By teaching people how to critically evaluate information, we empower them to discern between credible and misleading sources”. Similarly, Inf. GhaCL 2 and Inf. GhaPM 3 claim that critical thinking skills in schools can be a game-changer. Corroborating the earlier source, Inf. GhaMP 4 and other sources highlight strengthening media literacy at a young age.

Among the strategies coming from Nigerian informants, Inf. NigCL 9 suggests, “Critical thinking skills need to be emphasized in educational institutions. The ability to question and evaluate information is a powerful tool in countering the impact of misinformation”. Inf. NigPM 11 calls for a comprehensive media literacy campaign, while Inf. NigPM 12 suggests continuous awareness campaigns on misinformation.

Figure 2. Mitigation strategies for misinformation and disinformation on ethno-religious conflicts

Source: Rasaq M. Adisa, Samuel K. Segbefia, Sadiq Mohammed, Galina N. Trofimova.

Responsible journalism and fact-checking. Another strategy recommended by informants from both Nigeria and Ghana is the need for responsible journalism and fact-checking. According to Inf. GhaPM 1 who claims, “Responsible journalism is our first line of defense. News outlets must prioritize accuracy over sensationalism and commit to fact-checking before publishing any information.” Inf.

GhaCL 2 wants fact-checking initiatives to be more prominent in newsrooms. Emphasizing the importance of ethics Inf. GhaPM 3 wants journalistic ethics to prioritise accuracy and truth, while Inf. GhaCL 6 stresses on stringent editorial policies on fact-checking.

Buttressing the previous views, Inf. GhaCL 7 and Inf. NigPM 12 highlight that fact-checking should be non-negotiable standards in newsrooms to counter the spread of false narratives. Inf. NigCL 9 suggests media houses must prioritize accuracy over speed.

Engaging social media platforms in countering false information. On this finding, the informants highlight a range of strategies, emphasizing collaboration, technological advancements, and community engagement. For instance, Inf. GhaPM 1 recommends that, “Social media platforms should take a proactive approach to identify and flag misinformation”. This aligns with the Inf. Gha 5 who advocates thus, “Social media platforms should invest in artificial intelligence for content moderation”. In view of this, Inf. GhaCL 2 and Inf. GhaCL 6 emphasizes collaboration between social media and fact-checking organizations. Other sources from Ghana also suggested proactive measures by social media platforms to combat misinformation.

Taking it further, Inf. GhaCL 7 reiterates, “Social media platforms need to be more proactive by implementing algorithms that detect and flag misinformation”. Inf. NigCL 9 emphasizes, “A community-driven approach to report suspected misinformation”. Echoing, Inf. NigMP 10 calls for, “Features like pop-up reminders, like in Facebook⁷, to verify information before sharing”. Other sources from Nigeria stress the need to join forces to fight against misinformation.

Theme 3. Community engagement and dialogue (Figure 3). Fostering inter-ethnic communication and understanding. The finding underscores the importance of fostering inter-ethnic communication and understanding. The informants suggest ingenuities aimed at breaking down stereotypes, promoting positive interactions, and building bridges between individuals from diverse ethnic backgrounds. According to Inf. GhaPM 1, “To foster inter-ethnic communication, we need open dialogues to share perspectives and build mutual understanding”. To Inf. GhaCL 2, “Creating platforms for cultural exchange events is crucial to breaks down stereotypes and promotes better understanding”. Advocating for joint community projects Inf. GhaPM 3 said, “Inter-ethnic communication can be strengthened through joint community projects”. Other sources suggest the establishment of inter-ethnic dialogue clubs in schools, promotion of cultural festivals that celebrate the diversity, aiming to inspire others to look beyond ethnic differences.

Among the sources from Nigeria, Inf. GhaCL 7 suggests, “Inter-ethnic communication should start in schools to encourage students from different ethnic backgrounds to interact fosters understanding from a young age”. Echoing the importance of cultural exchange events at the community level are Inf. Nig 8 and Inf. NigCL along with other sources from Nigeria suggest the establishment of inter-ethnic dialogue clubs in universities.

⁷ Facebook is part of Meta, which is recognized as an extremist organization and banned in Russian Federation.

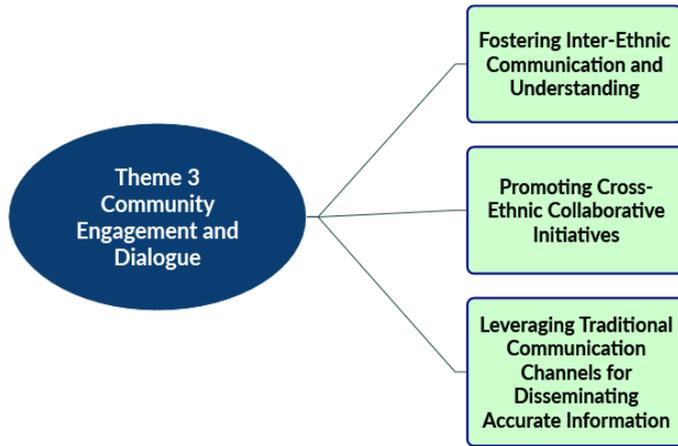

Figure 3. Ways to engage the community in dialog

Source: performed by Rasaq M. Adisa, Samuel K. Segbefia, Sadiq Mohammed, Galina N. Trofimova.

Promoting cross-ethnic collaborative initiatives. The data from Informants in Ghana and Nigeria reveal the importance of cross-ethnic collaboration and offer various strategies and initiatives to promote unity, foster understanding, and break down ethnic divides. According to Inf. GhaPM 1 who emphasizes, “common goals, community development projects and shared objectives to promote unity”. Similarly, Inf. GhaCL 2 suggests, “Encouraging diverse teams and partnerships as innovative solutions to breaking down ethnic divides”. However, Inf. GhaPM 3 and Inf. GhaCL 7 propose that educational institutions should implement exchange programs between students from different ethnic backgrounds. Other sources from Ghana expressed divergent views on the need to promote cross-ethnic collaborative initiatives.

Reinforcing this, Inf. NigCL 9 notes, “NGOs can organise cross-ethnic workshops and seminars for diverse ethnicities to collaborate on projects that can contribute to unity”. In view this, Inf. NigMP 10 proposes, “Government policies should incentivize businesses to form diverse partnerships”.

Leveraging traditional communication channels for disseminating accurate information. The findings on leveraging traditional communication channels highlight crucial role of traditional communication. For instance, Inf. GhaPM 1 emphasises, “Traditional leaders can play a pivotal role in disseminating accurate information and dispelling rumours”. Similarly, Inf. GhaCL 2 suggests that, “Community radio stations, a traditional communication channel, should prioritize fact-checking and responsible reporting”. Also, Inf. GhaPM 3 proposes, “Utilizing town criers for accurate information dissemination can be effective”.

Buttressing the idea, Inf. GhaCL 7 claims that, “Traditional leaders should be involved in disseminating accurate information. Their influence can be harnessed to counter misinformation”. Reiterating this, Inf. Nig 8 discloses that, “Community radio stations are essential in reaching remote areas where misinformation can have severe consequences”. Inf. NigCL 9 suggests, “Town criers, a traditional communication method, can be effective in conveying accurate information”. Giving further suggestion Inf. NigPM 11 recommends, “Local cultural events should incorporate information dissemination sessions. Using traditional

platforms to share accurate information aligns with established communication channels within the community”. Highlighting, Inf. NigPM 12 and other sources noted that community meetings is effective way to disseminate accurate information which leaders can use to address misinformation, ensuring that accurate information reaches every member of the community.

The analysis of finding reveals a shared understanding across sources from both regions on the effectiveness of traditional communication methods and leaders in countering misinformation.

Conclusion

Misinformation fuels tension, clashes, and violence in Nigeria and Ghana, with urgent strategies needed, especially during elections. False narratives erode trust and social cohesion, fostering fear and division within societies, hindering conflict resolution. Misinformation perpetuates conflicts by fueling false narratives, hindering dialogue and resolution efforts, shaping perceptions and creating barriers to negotiation.

Informants advocate for investing in educational programs to bolster media literacy and critical thinking, focusing on discerning credible sources. Strategies include promoting critical thinking in schools, workshops on media literacy, and integrating it into the curriculum. Responsible journalism and fact-checking are vital, prioritizing accuracy, stringent editorial policies, and continuous journalist training. Collaboration between social media platforms and fact-checking organizations is crucial, with suggestions like investing in algorithms, AI content moderation, and public awareness campaigns to combat misinformation.

Promoting inter-ethnic communication involves community forums, cultural events, and dialogue clubs. Educational institutions can facilitate exchange programs, while media campaigns highlight positive cooperation. Cross-ethnic collaboration in community projects and businesses is encouraged, along with government policies supporting diverse partnerships. Traditional leaders aid in accurate information dissemination, with fact-checking prioritized in community radio and town criers utilized. Cultural events and meetings incorporate information dissemination, leveraging traditional communication channels for effective outreach.

The findings emphasize the urgent need for comprehensive strategies to counteract the spread of misinformation and disinformation in Nigeria and Ghana. Misinformation is not merely a distortion of facts but a potent force that actively contributes to the escalation of tensions, violence, and prolonged conflicts within communities. The recommended strategies encompass a multi-faceted approach, involving education, responsible journalism, collaboration with social media platforms, and community engagement initiatives. Implementing these strategies is crucial for restoring trust, fostering social cohesion, and mitigating the harmful effects of misinformation in these ethno-religious contexts.

Policy makers should launch public awareness campaigns in Nigeria and Ghana to educate communities on the dangers of misinformation and promote fact-checking. Responsible use of social media and regulatory measures should be considered to curb false narratives. Media professionals must prioritize accuracy, fact-checking, and ethical journalism. Governments should conduct media literacy

campaigns to promote critical thinking. Social media platforms should invest in identifying and flagging misinformation. Community leaders should establish forums for inter-ethnic dialogue and utilize traditional communication methods to counter misinformation.

References

- Achi, V.E. (2021). *Ethno-religious conflicts in Nigeria: Tips for peace and reconciliation*. Abuja: Ya-Byangs Publishers.
- Adisa, R.M., Mohammed, R., & Ahmad, M.K. (2015). News framing and ethnic conflicts vulnerability in multiethnic societies. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6(6S1), 496. <https://doi.org/10.1287/mnsc.2019.347810.5901/mjss.2015.v6n6s1p496>
- Adisa, R.M., Mohammed, R., & Ahmad, M.K. (2016). Issues and consequences of newspaper framing on ethnic conflict: A qualitative study of ethnic group leaders' conflict frames. *Malaysian Journal of Communication*, 32(2), 294–316. <https://doi.org/10.17576/JKMJC-2016-3202-16>
- Arthur, J.A. (2018). *The politics of religious sound: Conflict and the negotiation of religious diversity in Ghana*. Muenster: LIT Verlag.
- Au, C.H., Ho, K.K.W., & Chiu, D.K. (2022). The role of online misinformation and fake news in ideological polarization: Barriers, catalysts, and implications. *Information Systems Frontiers*, 24, 1331–1354. <https://doi.org/10.1007/s10796-021-10133-9>
- Chiluwa, I.E., & Samoilenko, S.A. (2019). *Handbook of research on deception, fake news, and misinformation online*. IGI Global Publ. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-8535-0>
- Cinelli, M., Morales, G.D.F., Galeazzi, A., Quattrocioni, W., & Starnini, M. (2020). Echo chambers on social media: A comparative analysis. *arXivLabs framework*. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2004.09603>
- Creswell, J.W. (2012). *Qualitative inquiry and research design: Choosing among five approaches*. Sage.
- Etefa, T. (2019). Ethnicity as a tool: The root causes of ethnic conflict in Africa – a critical introduction. *The Origins of Ethnic Conflict in Africa. African Histories and Modernities* (pp. 1–27). Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-030-10540-2_1
- Guess, A., Nagler, J., & Tucker, J. (2019). Less than you think: Prevalence and predictors of fake news dissemination on Facebook⁸. *Science Advances*, 5(1). <https://doi.org/10.1126/sciadv.aau4586>
- Henry, A.M. (2021). Religious literacy in social media: A need for strategic amplification. *Religion & Education*, 48I(1), 89–101. <https://doi.org/10.1080/15507394.2021.1876507>
- Pennycook, G., Bear, A., Collins, E.T., & Rand, D.G. (2018). The implied truth effect: Attaching warnings to a subset of fake news headlines increases perceived accuracy of headlines without warnings. *Management Science*, 66(11), 4944–4957. <https://doi.org/10.1287/mnsc.2019.3478>
- Tandoc, E.C., Lim, Z.W., & Ling, R. (2018). Defining “fake news”: A typology of scholarly definitions. *Digital Journalism*, 6(2), 137–153. <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1360143>
- Venkatasawmy, R. (2015). Ethnic conflict in Africa: A short critical discussion. *Transcience Journal*, 6(2), 26–37.
- Vosoughi, S., Roy, D., & Aral, S. (2018). The spread of true and false news online. *Science*, 359(6380), 1146–1151. <https://doi.org/10.1126/science.aap9559>
- Vraga, E.K., & Bode, L. (2020). Defining misinformation and understanding its bounded nature: Using expertise and evidence for describing misinformation. *Political Communication*, 37(1), 136–144. <https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1716500>

⁸ Facebook is part of Meta, which is recognized as an extremist organization and banned in Russian Federation.

Bio notes:

Rasaq M. Adisa, PhD, Associate Professor, Department of Mass Communication, Faculty of Communication and Information Sciences, University of Ilorin, Ilorin, P.M.B. 1515, Kwara State, Federal Republic of Nigeria. ORCID: 0009-0004-3790-2195. E-mail: adisa.rm@unilorin.edu.ng

Samuel K. Segbefia, tutor, Country President of Eudoxia Research Center (Social Sciences); senior high school teacher, Department of Business and Social Sciences Education, College of Education Studies, University of Cape Coast, Sekondi Road, Cape Coast, Central Region, Republic of Ghana. ORCID: 0000-0002-8246-5287. E-mail: samsegbefia329@gmail.com

Sadiq Mohammed, lecturer II, Department of Mass Communication, Faculty of Languages and Communication Studies, Ibrahim Badamasi Babangida University, KM3, Lapai – Minna Road, Lapai, Niger State, Federal Republic of Nigeria. ORCID: 0000-0002-8768-4315. E-mail: assadiq12@ibbu.edu.ng

Galina N. Trofimova, D.Sc. in Philology, Professor, Department of Mass Communication, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1295-5002. E-mail: trofimova-gn@rudn.ru

Сведения об авторах:

Адиса М. Расак, доктор наук, профессор департамента массовых коммуникаций, факультет информационно-коммуникационных наук, Университет Илорина, Федеративная Республика Нигерия, штат Квара, П.М.Б. 1515, Илорин. ORCID: 0009-0004-3790-2195. E-mail: adisa.rm@unilorin.edu.ng

Сегбефия К. Самуэль, преподаватель, президент Международного исследовательского центра «Евдоксия» (социальные науки); преподаватель, департамент бизнеса и социальных наук, Университет Кейп-Коста, Республика Гана, Центральный регион, Кейп-Кост, Секонди-роуд. ORCID: 0000-0002-8246-5287. E-mail: samsegbefia329@gmail.com

Мохаммед Садик, преподаватель, департамент массовых коммуникаций, факультет иностранных языков и коммуникаций, Университет Ибрагима Бадамаси Бабангиды, Федеративная Республика Нигерия, штат Нигер, Лапай, КМ3, Лапай – Минна Роуд. ORCID: 0000-0002-8768-4315. E-mail: assadiq12@ibbu.edu.ng

Трофимова Галина Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-1295-5002. E-mail: trofimova-gn@rudn.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-358-366
EDN: SDSOSR
UDC 316.48

Research article / Научная статья

Peace journalism practice in Nigeria: war language and blasphemy conflicts

Abubakar A. Bukar¹, Bishir Bala¹,
Aisha I. Omoloso², Bella A. Bulgarova^{3,4}

¹*Ahmadu Bello University, Zaria, Federal Republic of Nigeria*

²*University of Ilorin, Ilorin, Federal Republic of Nigeria*

³*RUDN University, Moscow, Russian Federation*

⁴*Alnoor University, Mosul, Republic of Iraq*

aabukar@abu.edu.ng

Abstract. Violent conflicts precipitated by allegations of blasphemy have resulted in loss of many lives and property in Nigeria. Worse still is the effects on peaceful coexistence among the different ethno-religious groups in the country. In all this, the media is a stakeholder, whether as a promoter of peace or exacerbator of tension and division. 306 editions of Daily Trust and The Punch newspapers were explored to ascertain how these national dailies are responding to the tenets of peace journalism enunciated by Johan Galtung, especially in their choice of words, to what extent do they specifically avoid war language in the coverage of sensitive incidents as blasphemy. Using quantitative content-analysis and framing as methodological and theoretical frameworks respectively, this study found that 71 of such (war) lexical indicators were used in covering the incidents of blasphemy investigated, with The Punch having the highest frequency (63). Out of the three war language categories coded (demonizing, victimizing, and emotive), first one is the most prevalent (90%) with individual words like ‘barbaric’ (25.3%), ‘fanatic’ (23.9%) and ‘extremist’ (18.3%) preponderating. All these are arguably a corollary of political, professional and economic factors. The research finally recommends that for blasphemy conflict with its attendant violence to be pre-empted, Nigerian journalists covering ethno-religious crises need to be conscientized on the tenets of peace journalism, whilst national cohesion and peaceful coexistence need to be prioritized by media industry over and above profiteering.

Keywords: newspapers, framing, military language, deontology, media education, Johan Galtung

Author’s contribution. *Abubakar A. Bukar* – development of the research idea, research data collection and analysis, manuscript writing and editing. *Bishir Bala* – data collection and editing. *Aisha I. Omoloso* – data collection and analysis of material. *Bella A. Bulgarova* – analysis of material.

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted October 27, 2023; revised December 1, 2023; accepted December 30, 2023.

© Bukar A.A., Bala B., Omoloso I.A., Bulgarova B.A., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Bukar, A.A., Bala, B., Omoloso, I.A., & Bulgarova, B.A. (2024). Peace journalism practice in Nigeria: War language and blasphemy conflicts. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 358–366. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-358-366>

Практика мирной журналистики в Нигерии: язык войны и религиозные конфликты

А.А. Букар¹, Б. Бала¹, И.А. Омолосо², Б.А. Булгарова^{3,4}

¹Университет Ахмаду Белло, Зария, Федеративная Республика Нигерия

²Университет Илорина, Илорин, Федеративная Республика Нигерия

³Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

⁴Университет Альнур, Мосул, Республика Ирак

✉ aabukar@abu.edu.ng

Аннотация. В Нигерии конфликты, спровоцированные обвинениями в богохульстве, привели к гибели многих людей и потере имущества. Еще сложнее последствия для мирного сосуществования в пределах одной страны различных этнорелигиозных групп. В подобных конфликтах важным участником являются средства массовой информации, которые выступают как сторонниками мирного решения вопросов, так и противниками. Исследование 306 выпусков газет Daily Trust и The Punch помогло выявить, как национальные ежедневные газеты реализуют принципы мирной журналистики, провозглашенные Йоханом Галтунгом, в какой степени они избегают военного языка при освещении темы богохульства и связанных с этим инцидентов. Посредством количественного контент-анализа и фрейминга в качестве методологической и теоретической основ обнаружено, что 71 из военных лексических индикаторов использовался для освещения расследованных случаев богохульства, при этом издание The Punch показало самую высокую частотность (63). Из трех закодированных категорий военного языка (демонизирующий, виктимизирующий и эмоциональный) именно первый является наиболее распространенным (90%) с преобладанием таких слов, как «варварский» (25,3%), «фанатический» (23,9%) и «экстремистский» (18,3%). Выявленная ситуация, предположительно, является следствием политических, профессиональных и экономических факторов. Заключено, что для предотвращения богохульного конфликта с сопутствующим ему насилием нигерийские журналисты, освещающие этнорелигиозные кризисы, должны быть сознательными в отношении принципов мирной журналистики, тогда как сплоченность нации и мирное сосуществование – приоритетом медиаиндустрии, а не поводом для спекуляции.

Ключевые слова: газеты, фрейминг, военный язык, деонтология, медиаобразование, Йохан Галтунг

Вклад авторов. А.А. Букар – разработка идеи исследования, сбор и анализ исследовательских данных, написание и редактирование рукописи. Б. Бала – сбор и обработка данных. И.А. Омолосо – сбор данных и анализ материала. Б.А. Булгарова – анализ материала и редактирование рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 27 октября 2023 г.; отрецензирована 1 декабря 2023 г.; принята к публикации 30 декабря 2023 г.

Для цитирования: Bukar A.A., Bala B., Omoloso I.A., Bulgarova B.A. Peace journalism practice in Nigeria: War language and blasphemy conflicts // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 358–366. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-358-366>

Introduction

Nigeria is unarguably a country blessed with enormous human and natural resources but continually faces existential threats since inception (Maier, 2000). At present, almost every sub-region of the country's six geopolitical zones is embroiled in protracted, specialized form of violent conflict. In the catalogue of woes betiding the nation such as endemic corruption that cuts across all nooks and crannies, northern region is conspicuously the worst affected – with highest poverty rate, out-of-school children and perennial violent ethno-religious and political-economic conflicts. The recent rising cases of kidnappings and killing of the inhabitants in their multitude in various parts of Northwest, and the incessant clashes among communities in the Northeast, have led many citizens into concluding that Nigeria is a failed state because it has failed in responding to its most paramount responsibility: protection of lives and property.

Interspersing all these are the intermittent cases of violence precipitated by allegations over blasphemy. Besides setbacks to peaceful coexistence as a result of these blasphemy-induced conflicts, lives and property were also claimed from 1994 when a certain Igbo trader, Gideon Akaluka, was hacked to death for alleged desecration of the Qur'an; to 2002 when *Thisday's* Iseoma Daniel made irreverent characterization of Prophet Muhammad resulting ultimately to the violent reprisal that claimed many lives, down to 2016 when similar cases recurred more than ever before in Kano, Zamfara and Niger States of Northern Nigeria. The role of media in the escalation or de-escalation of such conflicts cannot be denied. "The media have important roles to play in promoting unity in diversity on both the ethnic and religious fronts through ethical journalism. Otherwise, the media can become a liability rather than an asset in the management of religious pluralism. Nigeria has experienced both possibilities" (Oloyede et al., 2015, p. 65). Among other things, media (especially the press) are often accused of using inflammatory language that endanger peace (Pate, 2012). It is on the basis of this, this research therefore explored 306 editions of *Daily Trust* and *The Punch* newspapers to ascertain how these national dailies are responding to the tenets of peace journalism in their diction while framing stories on blasphemy controversies in the country. The three cases that occurred in 2016 in Kano, Niger and Zamfara were considered and Galtung's war language indicators were used as checklists. Details of all these, below.

Blasphemy controversies in Nigeria

Chronologically, the controversy of blasphemy in Nigeria, whether genuine, prima facie or spurious, commenced with Gideon Akaluka's case in December 1994, who was accused of desecrating the Qur'an, forced out of police custody and beheaded by mobs in Kano. This was followed by the uproar caused by Iseoma Daniel's pageantry piece in *Thisday* of 16th November, 2002.

To a lesser degree of outburst, similar incident occurred in Gombe State in March 2007 where a secondary school teacher, Christianah Oluwasesin, was killed by her students after accusing her of mistreating the Qur'an.

Then came to the fore the controversy of blasphemy within – where in May 2015, a certain cleric, Abul Nyass (of a deviant sect from Tijjaniyya Sufi order)

allegedly claimed that Ibrahim Nyass has priority over the Prophet (peace be upon him). Protesters in their multitude razed down his house in the outskirts of Kano and burnt down the Rijiyar Lemo Shariah court when they perceived 'a tactical delay' in his arraignment. He was sentenced to death with four others in absentia, but an appeal court in Kaduna recanted the judgment and acquitted the appellants. To calm down and diffuse the atmosphere of unrest, Kano State government affirmed its resolve to pursue the case in an upper court.

In 2016, three incidences of blasphemy were recorded within the space of three months. The first instance occurred on May 27th, where mobs lynched one Methodus Emmmanuel in Pandogari area of Niger State for alleged discourteous comment against the Prophet. Few days after (2nd June), Bridget Abahime, an Igbo trader in Kano Textile market, was killed on similar allegation.

Notwithstanding, blasphemy crises are understudied specie of ethnoreligious conflicts in Nigeria. Despite recurrence of such incidents since at least 1994, very few academic studies have been conducted by particularly media scholars to assess whether journalists' coverage of such contentious issues as blasphemy help in dousing tension and promoting peace or exacerbate tension and division. These few studies include the one by Okunna and Omenugha (2008) who investigated local newspapers coverage of the Danish cartoons crisis as it spilled over to Nigeria – the implication of this on peace and national cohesion. There was also some researches on southern/northern Nigerian press framing of *ThisDay's* Iseoma Daniel's negative characterization of prophet Muhammad in 2001 and the ensuing violent clashes. Kperogi (2013) too investigated the framing of the same incident in the editorials and opinion columns of British press. However, none of these examined the use of language by the newspapers in the coverage of such incidents to establish whether words chosen are inflammatory (emotive, demonising, and victimizing) or otherwise. Hence the relevance of this research to the body literature in the area.

Moreover, the cases examined in this research are recent in comparison to the above, namely the three that occurred in quick succession (between May and August 2016) and cause death and destruction of property as a result of violent reactions. These, to my knowledge, have not investigated by any media researcher, local or foreign.

Peace journalism: a review of conceptual and empirical literature

Peace journalism is a departure from violence-as-news value orientation in journalism practice. It emphasizes on the context and background of a conflict rather than the violent scenes of 'here and now'. For example, in exploring the consequences of conflict, it goes beyond such visible effects as deaths and destruction of property to uncover invisible ones like trauma, resentment, fear and desire for revenge. In the process of doing this, propaganda and demonizing language are eschewed to allow less tensed platform for negotiation and change that will result in peace ultimately (Galtung, 2013; Hanitzsch, 2004).

Johan Galtung, a Norwegian Professor and pioneer in Peace Studies, is credited with the coinage and groundbreaking work in Peace Journalism. He observes

that much of war reporting is akin to sports journalism where the focus is on contest between two parties each struggling, principally, for victory against the other which therefore tends to exacerbate tension. This, according to him, is a low road of looking at a conflict. He consequently started deflecting attention towards what he called Peace Journalism (otherwise the high road) in the 1970s which he likens to Health Journalism that typically traces the causes of a particular disease, its effects on the body system, its cures and preventive measures. This started gaining currency among media scholars and practitioners with the turn of the 21st century (Galtung, 2013). A schema which highlights the attributes of peace and war journalism respectively was subsequently presented by Galtung in Fong (2009, p. 33): “War Journalism” uses victimising language, tells only what has been done to people, uses demonising emotive language. “Peace Journalism” avoids victimising language, reports what has been done by people and could be, how they are coping, avoids demonising emotive words.

War journalism, on the other hand, is the antithesis of peace journalism. It is naturally preoccupied with what happen in the battleground (violence, death and destruction of property with their attendant sensationalism). Constricted in time and space, war journalism reduces the parties in conflict to two entangled in tug-of-war each striving to win as the ultimate (if not the only) goal. The “grass” underneath is therefore stampeded not only by the actors but by such journalism, which quickly moves on to the next flashpoint after the victor has emerged.

A number of empirical studies have been conducted to ascertain the presence or otherwise of Galtung’s peace journalism indicators in media content using Goffman’s framing theory but none was specifically on language usage especially in the coverage of blasphemy cases in Nigeria. However, I think the nexus between peace journalism and magic bullet theory in Hanitzsch’s, 2004 essay is overstretched. From Galtung to Jake Lynch and Annabel McGoldrick; to Howard and Tehranian (2002), I am yet to read or derive the alleged impression that media can, on its own, prevent or end conflict. But it is reasonable to surmise that it can be a facilitator for peace or war – as it was in Rwandan genocide of the 1990s.

Theoretical/methodological framework

In this study, framing theory is considered relevant because it deals with how the newspapers (*Daily Trust* and *The Punch*) handled the blasphemy controversies in respect of areas of lexical emphasis, inclusion and exclusion which ultimately influences reader’s perception and judgement of issues and events in line with the intended frames (Entman, Matthes & Pellycano 2009).

Methodologically, content analysis is deemed fit because the research is concerned with the examination of documented information – how frequent and prioritized these particular units (words) are in the content and how they fit into the broad classification of war journalism indicators developed by Johan Galtung. A census, which deals with the examination of the entire population elements (Krippendorff, 2004), on incidents of blasphemy in Northern Nigeria was taken from two national dailies. Thus, all the editions of *Daily Trust* and *Punch* newspapers from 1st May to September 30th, 2016, a total of 306 editions, were considered for data collection and analysis.

The researcher used purposive sampling in selecting the period of the coverage because it is in the editions of these months that articles on the cases under investigation can be found. Hence this peculiar characteristic informed the choice of timeframe. The choice of the date (May to September, 2016) is informed by the fact that the first case of the blasphemy controversy in the year commenced with the acquittal of Abul Nyass and four others from blasphemy charges in May by Kaduna High Court of Appeal which the Kano State Government vowed to pursue in higher court till they are ‘properly’ brought to book, while the last, so far, occurred in Zamfara on the 22nd of August, but coverage and commentaries spilled into September.

Results and discussion

A sum of 71 war language indicators were produced by both *Daily Trust* and *The Punch* within the period of investigation. Out of the three categories of war language (Table 1), demonizing lexis received the greatest attention in both *Daily Trust* and *The Punch* taking 90% (DT = 11.2%; P = 78.8%) of the total war language indicators. It is followed by emotive language usage 7.0% (DT = 0%; P = 7%), while victimizing language received the least attention in both *Daily Trust* and *The Punch* 2.8% (DT = 0%; P = 2.8%). Of the 23 words coded, ‘barbaric’ 18 (25.3%), ‘fanatic’ 17 (23.9%), ‘extremist’ 13 (18.3%), all belonging to demonizing category, received the highest frequency.

Occurrences of war lexical indicators in *Daily Trust* and *The Punch* newspapers

Categories	Words	The Punch, N %	Daily Trust, N, %	Total N, %
Demonizing	Barbaric	15, 23.8	3, 37.5	18, 25.3
	Cruel	0, 0	0, 0	0, 0
	Vicious	0, 0	0, 0	0, 0
	Brutal	4, 6.3	1, 12.5	5, 7.0
	Terrorist	6, 9.6	0, 0	6, 8.4
	Extremist	11, 17.4	2, 25	13, 18.3
	Fanatic	15, 23.8	2, 25	17, 23.9
	Fundamentalist	3, 4.8	0, 0	3, 4.2
	Tyrant	1, 1.5	0, 0	1, 1.4
	Savage	1, 1.5	0, 0	1, 1.4
	Ruthless	0, 0	0, 0	0, 0
	Inhuman	0, 0	0, 0	0, 0
Victimizing	Destitute	0, 0	0, 0	0, 0
	Devastated	0, 0	0, 0	0, 0
	Defenceless	0, 0	0, 0	0, 0
	Demoralized	0, 0	0, 0	0, 0
	Pathetic	2, 3.1	0, 0	2, 2.8
Emotive	Genocide	4, 6.3	0, 0	4, 5.6
	Assassination	0, 0	0, 0	0, 0
	Systematic	0, 0	0, 0	0, 0
	Tragedy	1, 1.5	0, 0	1, 1.4
	Decimated	0, 0	0, 0	0, 0
	Massacre	0, 0	0, 0	0, 0
Total		63, 100	8, 100	71, 100

Source: compiled by Abubakar A. Bukar, 2023.

The presence or absence of war lexis in media content is one of the key determinants of a given medium's commitment to peace journalism. This research therefore gauges and compares the occurrences of war lexical indicators in both *Daily Trust* and *The Punch* newspapers.

It is generally observed that both *Daily Trust* and *The Punch* have been relatively sensitive for, arguably, the conscious eschewal of highly emotive words such as 'massacre', 'systematic', 'decimated' and to some extent 'genocide'. Instead of 'massacre' for example, 'murder' and 'killing' were repeatedly and consistently used by both newspapers. Even the frequency of 'barbaric' (which is the highest of all war lexical indicators) can be argued to be in the service of peace. For, if mob justice (arson and killing for alleged blasphemy or whatever crime) is not strongly chided by particularly the northern elite (Sultan, emirs, governors, scholars etc), it can be easily interpreted as connivance or tacit approval, hence the attendant reprisal and breakdown of peace, order and trust. Implicitly, this triggers the need to revisit this war lexis to ascertain whether it is in all contexts that these terms serve the end of violent conflicts or there are exceptions. If the use of such words as 'barbaric' in this case cast the actors as 'beyond the pale of civilized behavior' (Lynch, McGoldrick, 2005); 'make the other side seem impossible to negotiate with' (Howard, 2009) and 'to use them puts the journalist on that (other) side and help to justify an escalation of violence' (Lynch, McGoldrick, 2005), what else shall the journalist use for such action as the one described above where there seem to be unanimous agreement that it is immoral, irreligious and illegal?

Moreover, the frequent use of demonizing language in *The Punch* newspaper (see for example the editorials of June 21, and September 5, 2016 where 'extremist' and 'terrorist' were used more than a dozen time, quite evocative of anarchists in Conrad's *Secret Agent*) and the relative downplay of such language in *Daily Trust* for the same incidents can equally be interpreted as a result of economic expediency – pandering to audience's preferences.

Again, it may also be a mark of professionalism exhibited by the Trust which according to Shehu (2014) is empirically more conflict-sensitive than the rest of Nigerian newspapers he investigated. Arguably, this is noticeably lacking in *The Punch* for the preponderance of war language and war frames in comparison.

However, this is not an isolated case in war language usage and deployment of conflict-inducing frames. Besides using such words as 'brutal', 'barbaric' and 'ethnic cleansing' in an editorial titled *Rescuing Benue from murderous Fulani herdsmen*, *The Punch* of August 4, 2016, alleged that the President's taciturnity over the matter is due to the involvement of his ethnic group to whom he is paradoxically protective in the face of cattle-rustling in Zamfara. As such Benue communities should have a way of self-preservation and defence '...against the impunity and genocide of the Fulani'.

Finally, geographical factor may also be another cause of the difference in the coverage. *Daily Trust* being closer to the people and places of these conflicts obviously appreciate better the socio-economic and psychological variables at play in such incidents.

Where genuinely so, when one's object of adoration is dragged to the gutter, and the judiciary and security institutions are perceived with incapacitation for

redress, and one lacks the know-how of the religion let alone of conflict management, such violence can surely be a rule. This also draws the nexus between the invisible and visible effects of violent conflict – a crisscross of identity need and suppression of freedom both of which are precursors of direct violence.

Conclusion

Perspectives vary as to what should ideally be the role of the media and what ethical stand a journalist should take – from the deontological which privileges ‘saying it as it is’ (or rather as the journalist sees it) irrespective of whose ox is gored, to the teleological that prioritizes weighing the consequences of one’s choice side by side public interest. This is largely the context within which peace journalism debate is premised. What is, however, undeniably important is for the journalist to be sensitive to the milieu within which he operates. Nigeria, for example, is not only a potpourri of hundreds of ethnicities but remarkable for its volatility as a result of political, economic, historical, religious and geographic dynamics.

Drawing from the findings of this study, there is the need for media organizations to invest in the training of their particularly conflict reporters in the art and science of peace journalism. This will hopefully reduce the amount of inflammatory language in the coverage of conflicts in Nigeria. There is also a need for curriculum review of higher institutions offering Mass Communication and Journalism courses. As research by Pate, Osov and Jibril (2017) vindicated, most universities offering bachelor’s degrees in Mass Communication and Journalism do not have courses in this area. This research therefore recommends a prerequisite course on conflict-sensitivity for all final year students majoring in Mass Communication and Journalism, and refresher courses for those on-the-job.

References

- Entman, R.M., Matthes, J., & Pellicano, L. (2009). Nature, sources and effects of news framing. In K. Wahl-Jorgensen & T. Hanitzsch (Eds.), *The Handbook of Journalism Studies* (pp. 175–190). New York: Routledge.
- Fong, N.Y.L. (2009). Framing analysis of a conflict: War/peace journalism. *Journal of the South East Asia Research Center for Communications and Humanities*, 1(1), 17–32.
- Galtung, J. (2013). High road, low road: Charting the course for Peace Journalism. *Springer Briefs on Pioneers in Science and Practice*, 5(1), 95–102. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-32481-9>
- Hanitzsch, T. (2004). Journalists as peacekeeping force? Peace journalism and mass communication theory. *Journalism Studies*, 5(4), 483–495. <https://doi.org/10.1080/14616700412331296419>
- Howard, R. (2009). *Conflict-sensitive reporting: State of the art*. France: UNESCO.
- Kperogi, F.A. (2013). Clash of civilization or clash of newspaper ideologies? An analysis of the ideological split in British newspaper commentaries on the 2002 Miss World riots in Nigeria. *Asia Pacific Media Educator*, 23(1), 121–143. <https://doi.org/10.1177/1326365X13510101>
- Krippendorff, K. (2004). *Content analysis an introduction to its methodology*. California: Sage.
- Lynch, J., & McGoldrick, A. (2005). *Peace Journalism*.
- Maier, K. (2000). *This house has fallen. Nigeria in crisis*. London: Penguin.
- Okunna, C.S., & Omenugha, K.A. (2008). Media, ideology and the nation: The Nigerian press coverage of the “Denmark cartoon” crisis. *Journal of Media & Communication*, 1(1), 92–109.

- Oloyede, B.I., Oni, B.O., & Oluwole, A.V. (2015). Religion and media in a plural society: The Nigerian experience. *RUDN Journal of Public Administration*, (3), 65–79.
- Pate, U.A. (2012). Practices and challenges of media performance in conflict prone multicultural Nigeria. In L. Oso, E.O. Soola & U.A. Pate (Eds.), *Media Governance and Development in Nigeria: Issues and Trends*. Lambert Academic Publishing.
- Pate, U.A., Osov, L., & Jibril, A. (2017). Status of training and research in reporting conflict, peace journalism and safety education in English speaking West Africa: The cases of Ghana, Nigeria and Sierra Leone. *Journalism Education*, 6(2), 28–36.
- Shehu, A. (2014). *Press coverage of the Boko Haram insurgency and its implications for conflict-sensitive journalism in Nigeria* (unpublished M.Sc. dissertation submitted to the Department of Mass Communication, Faculty of Social Sciences, Ahmadu Bello University, Zaria).
- Tehraniyan, M. (2002). Peace journalism: Negotiating global media ethics. *The International Journal of Press/Politics*, 7(2), 58–68.

Bio notes:

Abubakar A. Bukar, PhD, lecturer, Department of Mass Communication, Faculty of Social Sciences, Ahmadu Bello University, Samaru Campus, Community Market, Zaria, 810211, Kaduna, Federal Republic of Nigeria. ORCID: 0009-0000-3179-7954. E-mail: aabukar@abu.edu.ng

Bishir Bala, researcher, Department of Mass Communication, Faculty of Social Sciences, Ahmadu Bello University, Samaru Campus, Community Market, Zaria, 810211, Kaduna, Federal Republic of Nigeria. ORCID: 0000-0003-1181-8759. E-mail: bbala@abu.edu.ng

Aisha I. Omoloso, PhD, senior lecturer, Department of Mass Communication, Faculty of Communication and Information Sciences, University of Ilorin, P.M.B. 1515, Ilorin, Federal Republic of Nigeria. ORCID: 0009-0003-6981-7940. E-mail: omoloso.ai@unilorin.edu.ng

Bella A. Bulgarova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Mass Communication, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation; Professor, Department of Digital Media, College of Arts, Alnoor University, Mosul, 41012, Republic of Iraq. ORCID: 0000-0001-6005-2505. E-mail: bulgarova-ba@rudn.ru

Сведения об авторах:

Букар Абубакар Альхаджи, доктор философии, преподаватель кафедры массовых коммуникаций, факультет социальных наук, Университет Ахмаду Белло, Федеративная Республика Нигерия, штат Кадуна, Зария, 810211, Общественный рынок, кампус Самару. ORCID: 0009-0000-3179-7954. E-mail: aabukar@abu.edu.ng

Бала Бишир, исследователь, кафедра массовых коммуникаций, факультет социальных наук, Университет Ахмаду Белло, Федеративная Республика Нигерия, штат Кадуна, Зария, 810211, Общественный рынок, кампус Самару. ORCID: 0000-0003-1181-8759. E-mail: bbala@abu.edu.ng

Омолосо Аиша И., доктор наук, старший преподаватель, департамент массовых коммуникаций, факультет информационно-коммуникационных наук, Университет Илорина, Федеративная Республика Нигерия, Илорин, П.М.Б. 1515. ORCID: 0009-0003-6981-7940. E-mail: omoloso.ai@unilorin.edu.ng

Булгарова Белла Ахмедовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; профессор кафедры цифровых медиа, Колледж гуманитарных наук, Университет Альнур, Республика Ирак, Мосул, 41012. ORCID: 0000-0001-6005-2505. E-mail: bulgarova-ba@rudn.ru

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА INTERVIEW

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-367-371

EDN: SFXXYFM

UDC 070

Africa and media paradigms – the view of an African expert from Russia: interview with Zenebe T. Kinfu

Article history: submitted January 8, 2024; revised January 26, 2024; accepted March 31, 2024.

For citation: Kinfu, Z.T. (2024). Africa and media paradigms – the view of an African expert from Russia (Irina I. Volkova, personal communication). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 367–371. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-367-371>

Африка и медийные парадигмы – взгляд африканского эксперта из России: интервью с З.Т. Кинфу

История статьи: поступила в редакцию 8 января 2024 г.; отрецензирована 26 января 2024 г.; принята к публикации 31 марта 2024 г.

Для цитирования: *Kinfu Z.T.* Africa and media paradigms – the view of an African expert from Russia / personal communication by Irina I. Volkova // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 367–371. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-367-371>

Doctor of Philosophy Professor Kinfu is among the most famous specialists in the media systems of Africa, one of the founders and publisher of the international magazine “Business Africa”, President of the Association “Union of African Diasporas in Russia”, member of the expert council of the State Duma the Federal Assembly of the Russian Federation, in the Committee for the Development and Support of Comprehensive partnerships with African countries, non-staff advisor to the Ministry of Foreign Affairs of Ethiopia and the Embassy of the Democratic Republic of Ethiopia in the Russian Federation. We asked Mr. Kinfu, a graduate of

© Kinfu Z.T., Volkova I.I., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

RUDN University, where he a former taught with his supervisor, the legendary international journalist Professor Yakov Lomko, to answer our questions on current issues of the Russian-African agenda and share his views on today's journalism.

– *Could you tell our readers about the mediatization in Africa? Is it different from mediatization elsewhere? How digital is Africa now?*

The concept of mediatization is absolutely same throughout the changing world. In practical terms, all sectors, ranging from politics through business and economy to culture, and their levels of development in the African society are largely influence by the mass media. There is no way for businesses to perform without using forms of media available, to promote products and services. In political sphere, we cannot over-estimate the role media plays in informing the electorate, the political parties and their aspirations. Africa is fast developing and the youth are media-savvy, the use of internet has become very fashionable but the only obstacle encountered in the process is the limited resources. Many African countries are seriously experiencing energy crisis, and this places limitation on the process of mediatization. It is a fact that the mediatization and digitalization in Africa are currently facing the challenges developed countries have left behind, i.e., poor infrastructure, lack of financial support, and technological gap between urban and rural areas, not to mention language and cultural barriers. However, African governments realize that mediatization and digitalization possess enormous developmental potential, which gradually makes them top priorities on the African agenda.

– *In this respect, is there a pan-African media system? Or is it a sum of national media systems? Do language communities affect mediatization?*

With mediatization and other modern forms of accessing information are facilitated irrespective of location. Readers who live in Pretoria, South Africa can access and read about Egypt, Morocco, Tunisia and Libya. The prefix "pan" has little meaning this modern times. More than half a century ago, Kwame Nkrumah (Ghanian), Julius Nyerere (Tanzanian) and their colleagues, during the struggle to attain independence, created Pan-African News Agency (PANA). Today that news agency still exists somehow, but the editor lives in the United States and still manages this Pan African News Wire. But many more news information media have become popular, more popular than the pan-African News Wire. In addition to this, the latest Africa.com could be considered pan-African media whose South African-operators live in the United States.

Today there is no difficulty to find Swahili and/or Hausa or Amharic news-information channels. They facilitate for local listeners to learn and know about diverse developments in the west – in Washington, London and Paris.

In another way Africa has problems for example with the Internet connection, mean number of internet users in selected countries 2024¹.

As of January 2024, Nigeria had more than 103 million internet users – the highest number reported all over Africa. Meanwhile, Egypt is ranked second

¹ Published by Saifaddin Galal, March 13, 2024. Retrieved March 20, 2024, from <https://www.statista.com/statistics/505883/number-of-internet-users-in-african-countries>

with over 82 million users. The majority of web traffic in leading digital markets in Africa originated from mobile devices – in Nigeria, one of the countries with the largest number of internet users worldwide, 86.2 percent of web traffic was generated via smartphones and roughly 13.3 percent via PC devices. This is due in part to the fact that mobile connections are much cheaper and do not require the infrastructure that is needed for traditional desktop PCs with fixed-line internet connections.

The projected trend for Africa indicates a consistent rise in internet users from 2024 to 2029. It will have a collective addition of 337.3 million users (equivalent to a growth of 51.79 percent). Following fifteen successive years of growth, the user count is anticipated to reach a record high of 1.1 billion by 2029.

The region has witnessed a steady increase in internet users over the years. In January 2024, Southern Africa stood out as the African region with the most substantial internet penetration rate, reaching approximately 73.1 percent. The proportion of individuals accessing the internet in this part of Africa and Northern Africa surpassed the global average (66.2 percent). Moreover, Morocco boasted an impressive internet penetration of about 91 percent, securing its position as Africa's foremost country. Libya held the second position with a penetration rate of approximately 88 percent, followed closely by Seychelles at around 86.7 percent.

– How politicized are African media? Is their role in conflicts constructive or destructive?

In Africa and elsewhere around the world, politics and media are inseparable. The Government owns media for its primary aim of promoting political propaganda. Media are currently supported by state budget. For example, BBC is funded by a specified approved budget, so also media owned by the government in Africa. In our time also is not secret that what Carlson Tucker TV channel is clandestinely financed and supported by the Russian government. A number of private media are granted funds for good and useful performance. This does not mean the media cannot spread disinformation, or make false narratives, or promote coordinated misinformation resulting in exacerbating tensions across communities. Whether constructive or destructive, both depends much on the situation in a particular country, also some media are destructive as they aggravate political conflicts, promote hatred, and encourage aggression. However, independent media can be quite consolidating: they introduce public problems, expose corruption, and shape progressive public opinions.

I think, today Global African culture is maintained by the media. businesses record high performance through media adverts. And politicians sustain their high prestigious positions as media talks about their good performance and highlight their successful projects to the citizens. The presidency, the cabinet and the parliament are connected to the media. South African President Cyril Ramaphosa travels with media to BRICS. In the same way, Kenyan President William Ruto is promoted to be the next African Union Commission chairperson through the media. Whether local, national, regional or foreign travels, the media plays an important pragmatic role by informing the elites and the public about the results of high-level meetings, therefore politically-engaged.

– Do African media facilitate democratic processes on the continent?

We understand that, in reality the processes of democracy and its ethical values are guided by the legislations, enacted by parliament. Throughout history, media does not have to facilitate these processes, but rather inform and explain to the public how the democratic processes are developing. Of course, the influence of media outlets could help change aspects of democracy based on a systematic campaign either for or against certain aspects of the democratic process. Any change has to be discussed and approved by parliament, as the legislators are the people's representatives. But people believe that Democracy protects the media from censorship, government pressure, and private interests. Democratic legislation ensures freedom of speech and information. As a result, the media gain access to a variety of sources. If the media are not forced to broadcast particular facts or opinions, they eventually teach their readers the art of critical thinking.

I don't agree or believe that the media and democratic processes all time are interconnected since democratic media they didn't all-time promote freedom of information and encourage citizens to participate in political life, which is an important aspect of democracy.

– New digital media technologies – are they a blessing for Africa or a dis-information tool?

Unsurprisingly in many African countries, modern forms of digital technologies have indeed appeared. Now it is possible to run e-voting ballot system, which is more comfortable and more convenient for people. To a large degree, it helps societies to maintain transparency. Digital technologies, undoubtedly have merits and demerits, advantages and disadvantages. But this again depends on system administrators to demonstrate technical precision and correctness in its applications. It is incorrect to deal with the complexities and how modern technologies threaten development of society across Africa.

– As a media scientist, which research paradigms do you see as especially relevant in African political conflict resolution and media studies?

As a media professional I have been working for more than 40 years but as a media researcher – since my graduating in 1994 from Peoples Friendship University of Russia (today again named after Patrice Lumumba), I would suggest it is imperative to remain tactfully informed and be unwaveringly vigilant to every aspect of the political conflict as it develops. With regards to the research paradigms, it will be inappropriate to look at the theoretical paradigms. I think it is necessary to study and identify the practical root-causes and the trends so as to determine resolution of the conflict. Here there should be an emphasis on a coherent critical approach related to the causes of the conflict. Media can be used to communicate, if necessary, and transform the conflict platform into resolution platform. In most cases, conflicts continue primarily due to ambiguities, confusion and lack of adequate information, which is why the role of the media is necessary as well as the role of an individual journalist.

– As for African scholars, which media systems and media problems do they find prospective? What do they think of collaborations between African and Russian research teams?

A combination of both African and Russian researchers to form teams could be preferable. This kind of collaboration gives multidimensional perspectives to the problem at stake. The evolving hybrid media system can be useful to argument traditional ones. Arguably hybrid is increasingly used for interactive discussions among academics as it saves time and more convenient these days. Collaborative research is by nature more motivational, and therefore strongly recommended.

– What are your plans as a media researcher and publisher?

As always to be a media practitioner, a researcher, a publisher and an academic professor or a Social worker/activist. It is rewarding to work with people and be part of the society. My plan is to make information about Russia's peoples, cultural life, economic and investment perspectives available to African readers. My publications as an expert' explain the processes that are currently taking place in regional countries and provide our readers with a profound understanding of Russian-African reality. We help our Russian audience recognize the best investment and relationship conditions by revealing the advantages and risks for each African country. We are happy to provide our mission to be the bridge between Russia and Africa.

Interviewed by Irina I. Volkova / Интервью провела И.И. Волкова

Bio notes:

Zenebe T. Kinfu, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communications and of the Department of Journalism, Moscow International University (MI University), 17 Leningradskii Prospekt, Moscow, 125040, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0908-4736. E-mail: z.kinfu@mmu.ru

Irina I. Volkova, Dr. Sc., Professor, Department of Mass Communication, Philological Faculty, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2693-1204. E-mail: volkova-ii@rudn.ru

Сведения об авторах:

Кинфу Зенебе Тафессе, доктор философии, профессор кафедры лингвистики и межкультурных коммуникаций и кафедры журналистики, Московский международный университет, Российская Федерация, 125040, Москва, Ленинградский пр-т, д. 17. ORCID: 0000-0000-0002-0908-4736. E-mail: z.kinfu@mmu.ru

Волкова Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-2693-1204. E-mail: volkova-ii@rudn.ru

ОБЗОРЫ REVIEWS

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-372-380

EDN: ROXFCM

УДК 82-93

Обзорная статья / Review

Синкретичность творчества М.Ю. Левидова

И.А. Фатеева¹, А.С. Гаврилов²

¹Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

²Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация

 fateevafia@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются такие особенности словесного творчества М.Ю. Левидова, как разносторонняя продуктивность и синкретизм письма. Утверждается, что данные качества как некая творческая константа были присущи его печатной продукции на протяжении всей жизни. Чтобы обосновать данный тезис, проведена периодизация творчества писателя и выделены в нем три периода: 1) дооктябрьский (1914–1917); 2) годы наибольшей активности (1918–1931); 3) предсмертное десятилетие (1932–1942). Протестировав каждый из периодов на предмет совмещения в них таких видов деятельности М.Ю. Левидова, как журналистика, литература, критика, наука, педагогика, авторы пришли к выводу, что уже на раннем этапе Левидов проявлял авторскую активность в области литературы, критики и газетной журналистики; в зрелости к этим сферам прибавились наука и педагогика, а критическая деятельность достигла уровня «цветущей сложности». В последнее десятилетие, в силу неблагоприятных общественно-политических условий, сфера приложения творческой энергии Левидова была вынужденно сужена: теоретические работы прекращены, а практическая деятельность сфокусирована на литературном творчестве, причем наиболее приемлемым форматом становится биографическая проза. В ней синкретичность текста достигла своего апогея.

Ключевые слова: журналистика, литература, критика, наука, газетоведение, синкретизм

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. И.А. Фатеева – разработка идеи исследования, сбор исследовательских данных, анализ данных, написание и редактирование рукописи. А.С. Гаврилов – сбор данных и анализ материала.

История статьи: поступила в редакцию 5 января 2024 г.; отрецензирована 13 февраля 2024 г.; принята к публикации 16 марта 2024 г.

© Фатеева И.А., Гаврилов А.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Фатеева И.А., Гаврилов А.С. Синкретичность творчества М.Ю. Левидова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 372–380. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-372-380>

Syncretic nature of of M.Yu. Levidov's creativity

Irina A. Fateeva¹, Alexander S. Gavrilov²

¹*Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation*

²*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation*

 fateevafia@gmail.com

Abstract. Such features of M.Yu. Levidov's verbal creativity as versatile productivity and syncretism of writing are considered. These qualities, as a kind of creative constant, were inherent in his printed products throughout his life. To substantiate this thesis, the authors conducted a periodization of the writer's work and identified three periods in it: 1) the pre-October period (1914–1917); 2) the years of greatest activity (1918–1931) and 3) the last decade (1932–1942). Having tested each of the periods for combining such types of M.Yu. Levidov's activities as journalism, literature, criticism, science, pedagogy, the authors came to the conclusion that already at an early stage Levidov showed authorial activity in the field of literature, criticism and newspaper journalism; in maturity, science and pedagogy were added to these areas, and critical activity has reached the level of “blooming complexity”. But in the last decade, due to unfavorable socio-political conditions, the scope of application of Levidov's creative energy was forced to be narrowed: theoretical work was discontinued, and practical activity was focused on literary creativity, with biographical prose becoming the most acceptable format. In this genre the text's syncretism has reached its apogee.

Keywords: journalism, literature, criticism, science, newspaper studies, syncretism

Author's contribution. *Irina A. Fateeva* – development of the research idea, research data collection, data analysis, manuscript writing and editing. *Alexander S. Gavrilov* – data collection and analysis of material.

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 5, 2024; revised February 13, 2024; accepted March 16, 2024.

For citation: Fateeva, I.A., & Gavrilov, A.S. (2024). Syncretic nature of of M.Yu. Levidov's creativity. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 372–380. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-372-380>

Введение

Значение творчества М.Ю. Левидова для отечественной культуры бесспорно. Однако чем дальше уходит в прошлое его эпоха, тем чаще в центре внимания оказываются не его произведения, а его личность – освещаются участие Михаила Юльевича в переломных для страны событиях, его близкие контакты со знаковыми фигурами первой половины XX в., его «жизнь и судьба» в контексте развития тех сфер, к которым он был причастен (художественной и документальной прозы, драматургии и театра, журналисти-

ки и публицистики, кинематографа, медиаменеджмента, науки, педагогики, ораторского искусства, разных видов критики). Между тем несомненную ценность представляет собственное творчество М. Левидова: в нем выпукло проявились специфические черты «креативных индустрий» его времени, среди которых особого внимания заслуживает изощренный синкретизм письма, который и обеспечил ему широту реализации и признания.

Данная особенность неоднократно обращала на себя внимание экспертов. Так, Я. Березницкий в 1960-е гг. указывал на «сочетание строгой научности с беллетристичностью» (Березницкий, 1967) в его романе о Свифте, а современные исследовательницы Е. Елина и А. Раева относят Левидова к числу деятелей словесности 1920-х гг., подтвердивших тезис о том, что «труд писателя и труд журналиста имеют общие корни, что литературно-художественная и журналистская деятельность – результат одного и того же творческого процесса» (Елина, Раева, 2018, с. 219). Но при отсутствии крупных монографических работ, посвященных Левидову, остается вопрос – проявлялась ли отмеченная особенность на протяжении всей его творческой жизни либо только в те периоды, в которые она фиксировалась исследователями? Цель статьи авторы видят в попытке ответа на данный вопрос.

Периодизация творчества М. Левидова

Для начала необходимо провести детальную периодизацию творческой деятельности Левидова, взятой в пределах тех отраслей культуры, в которых его вклад уже описан (литература, критика, журналистика, наука, педагогика). Представляется логичным и обоснованным – как с общеисторической, так и с биографической точек зрения – выделить в жизни интересующей нас персоны три периода: 1) дооктябрьский; 2) годы наибольшей активности (1918–1931) и 3) предсмертное десятилетие. Протестируем каждый из периодов на предмет совмещения в них вышеперечисленных видов деятельности М.Ю. Левидова.

1914–1917. Уже первый этап биографии оставил значительные и легко поддающиеся учету результаты благодаря сотрудничеству молодого литератора в изданиях круга А.М. Горького: ежемесячном «толстом» журнале «Летопись» (1915–1917) и ежедневной газете «Новая жизнь» (1917–1918). Издания хорошо изучены, хотя работ, посвященных персональному участию в них Михаила Юльевича, нет. Легко атрибутируются 11 публикаций Левидова в журнале и более 30 его работ в газете. По природе это разные тексты: в журнале – литературно-критические статьи (с пристрастной оценкой произведений И. Шмелева, А. Ремизова, В. Вересаева, Л. Андреева и др.), а в газете, требовавшей, в первую очередь, бесстрастной фиксации разворачивавшихся на глазах исторических событий, – преимущественно репортажи. При этом под пером Левидова ситуативный репортаж нередко переходил в тематический, а далее – в аналитическую статью или политический фельетон.

Не вдаваясь в конкретное содержание текстов, зафиксируем то, что представляется важным в свете поставленной нами проблемы: уже в ранний период Левидов выступал (на самом деле не только на страницах «Летописи»

си» и «Новой жизни») в разных творческих амплуа – в роли литературного критика и газетного журналиста. Стоит также иметь в виду, что до 1915 г. он пробовал себя в художественной прозе – писал рассказы. Таким образом, в рамках взятых для рассмотрения областей культуры нам оказывается нечего сказать применительно к дооктябрьскому периоду, фактически только о Левидове как теоретике и преподавателе.

1918–1931. Зато уже в самом начале второго периода он уверенно выступил и на научно-педагогическом поприще. Речь идет об известном образовательном проекте РОСТА – корпоративных курсах его московского отделения, из которых вскоре вырастет специальное структурное подразделение агентства, а из него, в свою очередь, – самое раннее учебное заведение для журналистов в системе отечественного формального образования (Институт журналистики в Москве, ГИЖ). Зафиксировано, что первому набору курсантов РОСТА осенью 1918 г. Левидов читал лекцию о зарубежной печати (Привалов, 1982, с. 10–11).

Нам не известно ее содержание, зато понятно, в каком направлении развивался далее Левидов-теоретик. Обладая острым умом и европейской образованностью, он осуществлял аналитическую деятельность в нескольких гуманитарных областях – журналистике; литературе и искусстве; истории. Однако не всегда результаты его теоретизирования соответствовали форматным стандартам и получали признание «ученого сословия», хотя такие случаи и бывали. Например, его книга по истории интервенции в России, представлявшая собой исследование введенного им в научный оборот богатейшего «официального, официозного и газетного материала» (Левидов, 1925, с. 5) иностранного происхождения, была «включена в рекомендательные списки учебно-исторической литературы» в СССР¹.

Но чаще современная автору наука не замечала его усилий, отстраняясь от неакадемических по форме, хотя и новаторских по содержанию работ, и они надолго оставались фактами только публицистического дискурса. Так было, например, со статьей «Организованное упрощение культуры». Слишком неожиданными и провокативными казались ее тезисы тогда, и лишь нынешняя гибридная и цифровая эпоха актуализировала их эвристический и прогностический потенциал. Не менее значимы работы Левидова о кино, которое он считал «единственным строго целевым искусством», «всегда социально значимым, для всех слоев человечества», единственным «искусством для масс», которое при этом не является «суррогатом, с точки зрения эстетической» (Левидов, 1927, с. 21–25).

На сегодня можно считать признанными его научные заслуги в рамках газетоведения (хронологически первого отечественного направления в области журналистики). Существенным вкладом в него является книга Левидова «Информация в советской прессе (к постановке проблемы)», положившая в СССР начало теории информации и медиадетальности. Чем новостной журналистский материал отличается от всех других типов текстов? Какова его специфика? В каких случаях текст информационного жанра мо-

¹ Биография М.Ю. Левидова // РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Д. 3607. Л. 2.

жет быть признан успешным? Вот вопросы, на которые искал ответы Левидов-газетовед.

Его разработки в области газетоведения, опиравшиеся на достижения наиболее значимых национальных школ, находились на уровне мировой науки. Советское газетоведение пыталось решать вопросы из сферы информации с особых (классовых, марксистско-ленинских) позиций, что, кстати, вызывало известный интерес иностранных коллег. Но Левидов в своих концептуальных построениях оказался в положении «между», не солидаризуясь до конца ни с «буржуазными газетоведами», находившимися на точке зрения социального объективизма, ни с советскими коллегами, слишком прямолинейно пытавшимися вписать журналистскую деятельность в матрицу формирующейся в СССР идеологической доктрины и базирующейся на ней пропаганды.

Определяя газетную информацию как «ряд сообщений о случившемся в определенный промежуток времени и в определенных пространственных рамках», Левидов не приемлет ее репрезентации в форме простой «регистрации фактов», но при этом протестует и против «агитации штампами, казенными клише, сбитыми общими местами». Он выдвигает в качестве главного критерия «активного отбора» жизненных фактов в газету их «интерес для читателя», при этом дальнейшую их обработку, по его мнению, надо вести «таким образом, чтобы этот интерес возрастал». Для «усиления индивидуальной заинтересованности» читателя теоретик прописывал советской журналистике такой рецепт: необходимо уйти от «противоположения политики и быта», отказаться от «боязни жизни как таковой», от отсутствия в прессе «человеческих историй», от «системы канцелярско-ведомственной тайны» (Левидов, 1925, с. 15, 30, 35–36). Вместо сухой регистрации фактов или набивших оскомину лозунгов Левидов провозглашает в качестве императива для прессы «политику фактами» (как вариант: «агитацию фактами»); и эти две формулировки закрепятся в газетоведении в качестве маркеров теоретической концепции Левидова (Фатева, 2020, с. 42). Она широко использовалась в преподавательской практике всех предназначенных для сотрудников СМИ образовательных учреждений страны – высшего (Фатева, 2017, с. 64–72), среднего (Фатева, 2008, с. 35–45) и начального уровней. Сам же ее создатель в 1920-е гг. трудился в столичном ГИЖе, ведя там «Правку материала», «Публицистику», «Технику газетного дела», «Иллюстрированный журнал», причем по последнему из курсов состоял в вузе председателем предметной комиссии.

Как бы ни был интегрирован в научно-образовательную сферу Левидов, бесспорно, что в историю он вошел, прежде всего, как журналист и публицист. В анализируемый период он активно сотрудничал с журналами «Красная новь», «Россия» («Новая Россия»), «Огонек», «30 дней», «Журналист», «За рубежом», «Леф» и «Новый Леф», «Прожектор»; газетами «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Труд», «Рабочая газета», «Вечерняя Москва» и пр. «Его стилистически безукоризненные статьи обращали на себя внимание политической остротой; в них сказывался литературный талант Левидова и большой его опыт как одного из самых наших

крупных журналистов»². Обладая широким творческим диапазоном, он предпочитал работать со «статейными материалами» – так тогда называли тексты неновостных жанров, в том числе художественно-публицистических.

Анализируя газетно-журнальную карьеру Левидова в начале послеоктябрьского периода, нельзя не заметить ее нового качества: согласившись работать на советскую власть, он из рядовых работников стремительно переходит в разряд руководящих, а его деятельность приобретает черты, соотносящие ее с Public Relation. Так, он становится заведующим отделом печати наркомата иностранных дел, редактирует «Вестник НКВД»³, возглавляет иностранный отдел РОСТА, а позже ТАСС, занимается созданием агентских бюро за рубежом. В том же ряду – работа Левидова во главе московской редакции берлинской газеты «Накануне» и столичного корпункта «Ленинградской правды» (Миндлин, 1979, с. 353). Не забудем и о его руководстве журналом «Экран».

Здесь логично перейти к следующей номинации нашего тест-списка – к критике. Кинокритика – ее разновидность, и, возглавляя издание о кино, не оставить в ней следа невозможно. Но чаще фильмов объектами внимания Левидова-критика были театральные постановки и литературные произведения, а статьи о них автор публиковал и в универсальной прессе, и в изданиях тех творческих группировок, к которым был близок. Однако близость эстетических принципов не означала заведомой комплементарности в отношении их художественной практики или прогнозов. Так, примкнув к «левому фронту искусств» и поддержав создание «Лефа», Левидов в дебютном номере журнала отметился публикацией с красноречивым заголовком «Лефу предостережение (Дружеский голос)». Это не что иное как пример обычной для Левидова поведенческой стратегии «против течения», которая обеспечивала ему позицию «своего среди чужих и чужого среди своих». В искусстве «чужим» доставалось изрядно: мастерски используя сарказм, иронию, аллюзию и другие приемы, он наносил болезненные уколы оппонентам и эпатировал публику: «Левидов всегда любил эпатировать. Эпатировать не только противников, но и друзей... Парадоксы были его любимым приемом» (Миндлин, 1979, с. 238). Нередко это приводило к конфликтам, даже «третьейским судам» (таковой состоялся в 1927 г. с В.Э. Мейерхольдом), но распространена была и противоположная реакция современников: «Никогда с ним не соглашаюсь и всегда рад слушать его» (Миндлин, 1979, с. 241).

А что же собственное литературное творчество? Занятия им активизировались во второй половине 1920-х гг., когда для беспартийного Левидова ушли в прошлое административные должности. Наиболее активно он проявлял себя в драматургии, легализовавшись вступлением в драмсоюзы обеих столиц⁴. Судьбы его пьес различны: некоторые с успехом шли в театрах (комедия «Азорские острова»), другие отвергались либо постановщиками («Костяк»), либо цензорами («Заговор равных» был поставлен в Камерном

² Биография М.Ю. Левидова // РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Д. 3607. Л. 1.

³ Там же.

⁴ РГАЛИ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 33. Л. 249; Оп. 2. Д. 363. Л. 1.

театре А.Я. Таировым, но перед самой премьерой спектакль запретили) (Миндлин, 1979, с. 143). Выступал Левидов также как киносценарист («Руки прочь!», 1924; «Две дороги», 1931) и переводчик (например, в 1929 г. в соавторстве с С.Я. Алымовым предпринял попытку открыть русскоговорящему читателю «Улисса» Дж. Джойса).

1932–1942. В последнее десятилетие многие привычные сферы творчества окажутся для Левидова закрытыми. Прежде всего это коснулось теоретической деятельности, но и публицистической в значительной степени. Лишенный возможности продолжать работать так, как хотел, он был вынужден отойти на более безопасные позиции, то есть вернуться в художественную литературу: по-прежнему пишет пьесы («Аэроплан над городом», «Осторожный человек»), высказывается как критик (в «Литературной газете», «Литературной учебе», «Литературном критике», «Литературном обозрении», «Интернациональной литературе», «Современном театре», «Советском искусстве», «Знамени» и пр.). Но наиболее приемлемым форматом стала биографическая проза, в которой усиливали друг друга историк, публицист и бытописатель.

В 1936 г. вышла в печать книга Левидова, посвященная великим шахматистам В. Стейницу и Э. Ласкеру. Она стала 55-м по счету томом в серии ЖЗЛ, перевоссозданной с 1933 г. В отличие от прасновы (павленковской библиотеки), в ней особое место занимали биографии революционеров, хотя по-прежнему много было романов о писателях, ученых и пр. Но ни у Ф. Павленкова, ни в новой серии ни разу не были представлены шахматисты. Между тем для Левидова, потерявшего в 1930-е гг. многие привычные каналы коммуникации с массовым читателем, освещение шахматной повести (не только через ЖЗЛ) стало одним из способов восстановить диалог с ним.

Но наиболее ценным произведением писателя последнего десятилетия, «вершинным явлением биографического жанра» (А.А. Аникст) является документальная книга «Путешествие в некоторые отдаленные страны мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом воина в нескольких сражениях». Она состоит из 19 глав, окольцованных прологом и эпилогом. В названии глав использована анафора, в основе которой лежит фамилия английского писателя. Левидов уподобляет жизненный путь Свифта и процесс формирования его мировоззрения самому известному свифтовскому роману. Но, субъективистски перевоссоздавая реальность, автор делал это так, что эксперты квалифицировали книгу Левидова как «строго научную в смысле фактической достоверности» (А.А. Аникст), а иногда даже упрекали ее автора в «излишней» историчности (М.С. Гус, О.С. Литовский)⁵.

Судьба книги неоднозначна. С одной стороны, она выдержала как минимум четыре издания (1939, 1964, 1986, 2008), что для произведения ее жанра, тем более написанного в непростые 1930-е гг., немало. С другой стороны, ее не раз обвиняли в «нарочитой усложненности повествования», указывали на вычурность названия, «в высшей степени сложного и претенциоз-

⁵ РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 19. Д. 791. Л. 71, 31, 11, 2.

ного»⁶. Стоит, однако, попытаться декодировать авторский месседж, усиленный этим калькированным заглавием. Свифт создал в своем произведении некий шифр, используя фантастику в литературе для фиксации реальности. Левидов делает обратное: он создает литературное произведение, в котором старается отразить не только реальную личность английского писателя, но через призму этой личности обнажить все то, что Свифт завуалировал в своих текстах. Свифт использует манипуляции с героями, чтобы остаться безнаказанным за смелость бросить вызов обществу. Он пишет для несогласных, и его литература – это способ донести до них свою точку зрения. Для этой цели он использует изогнутое зеркало литературы. А Левидов противопоставляет ему призму журналистики. Вольно пересказывая произведения и биографию Дж. Свифта, Михаил Юльевич строит свой рассказ по лекалам «литературы факта» и в параллель с ней. А освещая деятельность Свифта в контексте Английской революции XVII в., Левидов явно имеет в виду параллель с Русской революцией XX в.

Литература и журналистика не воспринимались Левидовым разными сферами жизни, одно вливалось в другое. Так оно и в реальности случилось, даже в педагогической плоскости: когда работать в институтах журналистского образования разгромленным в 1931 г. газетоведам стало невозможно, Левидов оказался востребован в Литературном институте – перед войной он вел там семинар прозы и художественного перевода.

Заключение

Обоснованность тезиса о разносторонней продуктивности Левидова и связанной с этим синкретичности его письма проиллюстрирована нами на протяжении всей его творческой эволюции. Уже на раннем ее этапе (1914–1917) мы зафиксировали авторскую активность в области литературы, критики и газетной журналистики. В зрелости (1918–1931) к этим сферам прибавились наука и педагогика, а критическая деятельность достигла уровня «цветущей сложности» за счет расширения диапазона креативных отраслей, в которых Левидов блестяще реализовался. Но в последнее десятилетие (1932–1942) сфера приложения его творческой энергии была вынужденно сужена: теоретические работы прекращены, а практическая деятельность сфокусирована на литературном творчестве. Тем не менее в свернутом виде все «утраченное» и «прерванное» давало о себе знать, проявляясь как раз усилением синкретичности текстов, выходявших из-под пера писателя.

Список литературы

- Березницкий Я.А. Левидов Михаил Юльевич // Краткая литературная энциклопедия: в 9 томах. Том 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. URL: <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/default.asp> (дата обращения 07.08.2023).
- Елина Е.Г., Раева А.В. Формы и функции медиакритики в Советской России 1920-х годов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. Вып. 2. С. 219–224. <http://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-2-219-224>

⁶ РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 19. Д. 791. Л. 2.

- Левидов М.Ю.* Информация в советской прессе (к постановке проблемы). М.: Издание РОСТА, 1925. 37 с.
- Левидов М.Ю.* К истории союзной интервенции в России. Т. 1. Дипломатическая подготовка. Ленинград: Прибой, 1925. 181 с.
- Левидов М.Ю.* Человек и кино: эстетико-социологический этюд. М.: Кинопечать, 1927. 112 с.
- Миндлин Э.Л.* Необыкновенные собеседники: литературные воспоминания. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Советский писатель, 1979. 559 с.
- Привалов В.З.* От «школы журнализма» до факультета журналистики (руководящая роль В.И. Ленина и Коммунистической партии в формировании системы подготовки кадров советской печати) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1982. № 1. С. 10–21.
- Фатеева И.А.* Газетоведение как научно-образовательная школа в России: сто лет спустя: монография. М.: МПГУ, 2020. 388 с.
- Фатеева И.А.* Первая научно-образовательная школа по журналистике России: ГИЖ // Век информации. 2017. № 3. С. 64–72.
- Фатеева И.А.* Среднее специальное образование для журналистов: российский опыт // Медиаобразование. 2008. № 1. С. 35–45.

Сведения об авторах:

Фатеева Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, профессор Центра проектной деятельности, Московский политехнический университет, Российская Федерация, 107023, Москва, ул. Большая Семеновская, д. 38. ORCID: 0000-0003-2119-2120. E-mail: fateevafia@gmail.com

Гаврилов Александр Сергеевич, аспирант, кафедра журналистики и медиакоммуникаций, Московский педагогический государственный университет, Российская Федерация, 119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1. ORCID: 0009-0009-6300-6999. E-mail: alexander.gaw@ya.ru

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-381-389

EDN: RKEPDB

УДК 82.0

Обзорная статья / Review

Категория мифопоэтики в трудах российских и азербайджанских исследователей

Х. Султанова

Бакинский славянский университет, Баку, Азербайджанская Республика

✉ sultanovaxanim@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о статусе и содержании термина «мифопоэтика», который при всей его распространенности требует большей четкости и ясности в понимании. Приводится обзор статей российских и азербайджанских литературоведов, в которых эта категория осмысливается как инструмент филологического анализа текста на стыке мифологии, фольклора и художественной литературы.

Ключевые слова: миф, фольклор, литература, мифопоэтические традиции, художественный текст, мифологическая структура, мифологический образ

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 1 июня 2023 г.; отрецензирована 30 августа 2023 г.; принята к публикации 10 декабря 2023 г.

Для цитирования: Султанова Х. Категория мифопоэтики в трудах российских и азербайджанских исследователей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 381–389. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-381-389>

The category of mythopoetics in works of Russian and Azerbaijani researchers

Khanym Sultanova

Baku Slavic University, Baku, Republic of Azerbaijan

✉ sultanovaxanim@gmail.com

Abstract. The article examines the issue of the status and content of the term mythopoetics, which, despite its prevalence, requires greater clarity and clarity in understanding. A review of articles by Russian and Azerbaijani literary scholars is provided, in which this category is

© Султанова Х., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

conceptualized as a tool for philological analysis of text at the intersection of mythology, folklore and fiction.

Keywords: myth, folklore, literature, mythopoetical traditions, artistic text, mythological structure, mythological image

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted June 1, 2023; revised August 30, 2023; accepted December 10, 2023.

For citation: Sultanova, Kh. (2024). The category of mythopoetics in works of Russian and Azerbaijani researchers. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 381–389. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-381-389>

Мифопоэтика охватывает область отношений мифа и литературы. Однако разнообразные связи мифа и литературы усложняют художественно-эстетический и теоретико-методологический смыслы понятия. Представления разных ученых на этот счет разнятся. Так, мифолог рассматривает эти отношения как рост, развитие и трансформацию мифа; фольклорист трактует миф как источник фольклора, а литературу – как его продолжение; литературовед же понимает под мифопоэтикой изучение архаических элементов поэтической структуры художественного текста. Этим не ограничивается разнообразие интерпретаций. Исследователь мифопоэтики Д.П. Козолупенко трактует ее как феномен культуры вообще и как тип творческого восприятия действительности (Козолупенко, 2010 с. 496). Обоснование границ явления заставляет обращаться как к изучению смыслового поля термина, его структуры и взаимоотношений элементов внутри этой структуры, так и к уяснению места, которое оно занимает среди других филологических и общекультурных категорий.

В наиболее общем виде мифопоэтика определяется как «раздел поэтики, изучающий мифологические структуры и образы в произведениях, отражающих индивидуальное творчество». В структуре понятия, таким образом, выделяются три доминантных элемента: а) художественный текст; б) мифологическая структура; в) мифологический образ. Стоит, однако, отметить неполноту и противоречивость приведенной формулы. Текст может быть продуктом не только индивидуального творчества, но и коллективного. И тогда к нему будет применим другой подход, который условно может быть назван «мифологической реставрацией». Произведения коллективного творчества – это преимущественно фольклорные тексты. Между мифологическими структурами и образами в письменных художественных текстах, с одной стороны, и мифологизмами в фольклорных текстах, с другой стороны, существуют функционально-смысловые различия. Мифологические тексты являются предшествующей стадией фольклора, а фольклорные тексты – продолжением мифологических текстов.

Азербайджанский исследователь Рахим Алиев в своей работе «О мифе слова, происхождении фонетического слова и фонетического письма», говоря о гарантии идентичности написанного фонетического слова и напоминая о существовании мифа до письма, отмечает: «До появления письменности существовали слова-мифы. Теперь подчеркнем принципиальный момент: слова-

мифы старше современной способности говорить. Эти слова были мифами и тотемами. Первобытные люди считали эти словесные мифы столь же реальными, как природных животных и самих себя. Так как разница между вещью и именем еще не была осознана. Но сюжеты, связанные с ними, появились только после фонетического письменного языка» (Алиев, 2011, с. 78).

Исходя из такого подхода, «слова-мифы» играли роль знака в мифологическом мышлении и указывали на мифические верования. Например, слово-миф, обозначающее тотем, маркировало всю поведенчески-культурную систему, определяло характер ритуала, связанного с этим тотемом в поведении первобытного человека. Это поведение регулировалось представлением о мифической модели мира. Каждое действие основывалось на сакральных прецедентах. В этом смысле отношение первобытного человека к тотему или другим мифологическим божествам не было произвольным, свободным, так как в сознании первобытного человека существовала готовая модель (ритуал) того, как следует обращаться с каждым божеством.

По мнению Р. Алиева, миф – это «свойство индивидуальной мысли безоговорочно верить словам и текстам. Литературно-эстетическое восприятие целиком основано на естественной вере человеческой мысли в слова и тексты (зримые образы). Человек, читающий рассказ, как только берет книгу в руки, относится к этому произведению как к мифу и все описанное в нем с самого первого предложения воспринимает как реальность, хотя и условную. Без этого нет литературного восприятия и эстетического явления. На самом деле контакт людей с произведениями искусства, общение с ними основаны на естественной и индивидуальной потребности человеческой мысли в мифотворчестве... То есть чтение любого произведения, соприкосновение с тем или иным произведением искусства всегда сопровождается добровольной и сознательной готовностью принятия их индивидуальным мышлением как условной и истинной реальности. Это и есть психологическая основа мифа в природе человека, суть которой составляет свойство индивидуальной мысли и воли безоговорочно верить словам и текстам» (Алиев, 2011, с. 80). В приведенном высказывании указывается на одну из важных поэтических особенностей мифа, его обусловленность верой. В эпоху мифологического мышления мифы, которые сегодня нами воспринимаются как фантастика, осознавались не как вымысел или плод воображения, а как объект верования.

Мифологические тексты, независимо от их содержания, формы и жанра, являются продуктом мифологического сознания. Позднее они претерпевали трансформацию и стали восприниматься как тексты фольклорные. Мифы о предках превратились в героические дастаны, мифы о животных – в сказки о животных. Обращение к легендам позволяет увидеть различия между текстами легенд, наиболее распространенным видом азербайджанского эпического фольклора, и текстами мифов.

По мнению видных мифологов, этиологическая, то есть объяснительная, функция является первой функцией любого мифологического текста. Е.М. Мелетинский полагал, что этиологические мифы объясняют зарождение различных природных, культурных и социальных объектов. Как показал

ученый, объяснительная функция в принципе присуща большинству мифов; под этиологическими мифами, в первую очередь, следует понимать повествования о животных и растениях, горах и морях, небесных светилах, видах трудовой деятельности и др. (Мелетинский, 1990, с. 635–637). С.А. Токарев следует этой же гипотезе. Он отмечает, что в объяснительных мифах «разъясняется в мифологической олицетворенной форме происхождение какого-либо явления природы или социальной жизни. В широком смысле вообще все мифы в той или иной мере выполняют „этиологическую“ функцию, чем и отличаются от сказки, где обычно связи с элементами окружающей действительности нет. Чаще термин „этиологические мифы“ употребляется в более узком смысле, обозначая те мифы, сама суть которых сводится к объяснению происхождения чего-либо существующего» (Токарев, 1982, с. 672).

Этиологическую функцию несут в себе, в частности, тексты азербайджанских легенд, в которых мы обнаруживаем объяснение происхождения названий различных местностей, крепостей, рек, родников, озер, святилищ и т. д. В этом смысле изучение мифологических структур и образов в фольклорном тексте есть непосредственная реконструкция древнейших представлений о мире. Однако, когда речь идет о мифологических структурах и образах в текстах, принадлежащих письменной литературе, картина совершенно меняется. Причина – в различиях, существующих между формами творчества.

Фольклорные тексты, как и мифы, являются продуктом коллективного творчества и обусловлены фактором коллективного мышления. Мифологизмы в фольклорном тексте не зависят от интенций или произвольного выбора их создателей. Фольклорный текст любого жанра – это слепок, форма. В этом смысле наличие мифологических структур и образов в этой форме является особенностью и нормой данного текста. Фольклорный текст не может возникнуть вне этой формы и нормы, а если возникает, то в этом случае перестает быть фольклором и становится событием индивидуального творчества.

В связи с этим обращает на себя внимание интересный тезис профессора Яшара Гараева. Он пишет: «Пожалуй, наиболее распространенным устным жанром в этой таинственной и чудесной фольклорной стране являются волшебные сказки, получеловеческие, полубожественные небылицы и легенды. Каждая из них – это отдельные фрагменты единого приключенческого, судьбоносного сюжета Гейче, ставшего теперь для нас воображаемой, недоступной сказкой в обоих (прямом и переносном) смыслах слова. Хотя одно и то же этническое пространство, единое социальное пространство в мифах, легендах и сказках время от времени меняет своих обитателей (тип мифического героя и типологию реально-человеческих персонажей), границы собственной им общей генетической общности никогда не нарушаются. Во всех без исключения примерах историко-познавательным контекстом являются топонимы, воплощенные (документированные) в фольклоре, быте и этнографии, кодах этногенетических знаний, универсальных этико-нравственных и социально-философских воззрениях» (Гараев, 2016, с. 86).

Изучение мифологических структур и образов в тексте предполагает учет двух особенностей. Первая из них заключается в том, что миф изна-

чально существует в глубинах каждого текста как архетип или генетическая основа текста. Мифология является первоначальной формой, основой культуры, в том числе и литературы. В этом смысле можно говорить о мифических корнях любого текста. С другой стороны, авторы в своих произведениях иногда целенаправленно обращаются к мифическим образам и мотивам.

Таким образом, возможны две формы присутствия мифа в тексте: 1) миф, существующий в тексте независимо от автора. Здесь мифическая структура уходит корнями к бессознательному, к подсознанию; 2) мифический образ, мотив (мифологема), идея, тема и т. п., сознательно введенные в текст автором. Автор в соответствии со своим замыслом волен обращаться к любым мифологическим мотивам, образам и идеям, при этом он опирается на мифопоэтическую традицию. Изучением этой традиции в письменной литературе занимается мифопоэтика, являющаяся частью общей поэтики.

Значение термина «мифопоэтика» со временем претерпевает изменение, расширяется и углубляется. Так, С.П. Белокурова дает следующее толкование термина «в современном значении термин М. можно истолковать как исследование „проекции“ мифа (мифологического сюжета, образа, мотива и т. д.) на произведение. При этом термин „миф“ следует понимать расширительно» (Белокурова, 2006, с. 151). Ссылаясь на «Словарь культуры XX века» В. Руднева, исследовательница показывает, как мифологемы проецируются на тексты детской литературы. Трансформированную мифологему мирового древа можно обнаружить в сказках А. Милна, где образы деревьев, их смысл и место в сюжетной линии произведения приобретают очевидную постмодернистскую окраску.

При всех подобных трансформациях того или иного конкретного мифа сущность «мифопоэтики», ее научная задача остаются неизменными: она исследует характер и специфику проявления мифа в художественном тексте, в любом случае обусловленной художественной стратегией автора и особенностью его миромоделирования. Автор свободен в своем отношении к мифу. Он может трансформировать его по своему усмотрению, составлять разнообразные образные комбинации. Отсюда наличие двуединой задачи исследователя текста. Во-первых, это задача по выявлению «архетипической идентичности» мифа в художественном тексте, реставрация мифологизмов (мифического образа, мотива, элемента, идеи и т. д.), использованных в тексте. Исследователь ищет корни мифологических знаков, определяет, с какими мифологическими архетипами они связаны.

Другая задача направлена на изучение авторской «технологии» работы с мифом в художественном тексте. Она включает в себя определение статуса поэтического элемента, включенного в миф, функции и цели этой включенности, характера трансформации, глубину его творческой переработки.

Мифопоэтика предполагает одновременную опору на указанные подходы. Восстановление исходной архетипической структуры мифа является лишь частью задачи, относящейся, скорее, к собственно мифологии. Для исследователя объектом исследования может стать любое произведение, в котором миф может быть восстановлен. Миф можно обнаружить в живописи, скульптуре, драме, литературе, архитектуре, обрядах, моделях социального

поведения (традициях) и т. д. В этом смысле реконструкция мифа в любом тексте, в том числе и в художественном произведении, есть чисто мифологическое исследование. Мифопоэтический подход предполагает одновременное выполнение двух задач: восстановление мифа из художественного текста и изучение особенностей отношения автора к мифу, который обретает статус «строительного материала», структурного элемента художественного текста. Работа с мифическим материалом является выражением индивидуальных особенностей стиля, его мировоззрения, художественного мастерства.

Художественный текст может быть рассмотрен в контексте проблемы воплощения национального самосознания и национальной мифопоэтической традиции. Как пишет профессор А. Гаджиев, «Мифологизм и фольклоризм стали также одним из способов выражения этнических особенностей художественного мышления и национального менталитета» (Гаджиев, 1997, с. 7). Миф неизменно обращает нас к национальным истокам, является формой выражения национального сознания, средством национального самовыражения. Корни и генетические связи национального восходят непосредственно к мифу.

Методология мифопоэтики как инструмента исследования мифологических корней предполагает сочетание поисков национальных истоков и раскрытие универсального характера мифа как общечеловеческого феномена. Так, мифы о сотворении мира схожи, но имеют и специфические этнонациональные черты. На эту особенность мифологем в структуре текста, на генетическую природу «этнокосмического субстрата» мифологемы указывает проф. Сейфеддин Рзасой: «Мифология как этнокосмический субстрат каждой культуры образует одновременно (параллельно) ее диахроническую и синхроническую структуру. Мифология, являющаяся диахроническим началом человеческого сознания, является не только архетипической схемой его эволюционной диалектики, но и генетической основой синхронных формул роста всего исторического развития этого сознания. Все структурные признаки, определяющие историческое сознание, являющееся производным сознания мифологического (историко-диахроническая парадигма), исходят из мифологии» (Рзасой, 2008, с. 3). Это суждение автора, собственно, подтверждает идею «бессмертия мифа». Иными словами, хотя мифология представляет собой феномен, порожденный эпохой мифологического мышления, она продолжает жить в той или иной форме в виде «архетипического слоя» в более позднее время.

Говоря о структурно-семиотической диалектике мифо-фольклорно-литературных отношений, С. Рзасой также показывает, что «миф и фольклор образуют как диахронические, так и синхронные структурные уровни литературной мысли. С точки зрения диахронии это означает, что текст, формы и содержательные показатели литературы во всех случаях отражают историческое развитие... Синхронный взгляд на литературу означает поиск места мифа и фольклора как структурных уровней в поэтической структуре современной литературной мысли. Таким образом, и миф, и фольклор являются структурными слоями общественной мысли. В процессе развития от мифа к фольклору, от фольклора к литературе миф и фольклор превращаются

в структурные уровни литературной мысли. С этой точки зрения оценка литературы как одного из кодов национального самовыражения делает необходимым изучение ее в контексте мифа и фольклора» (Рзасой, 2019, с. 33). Таким образом, аргументы ученого о синхронном и диахронном аспектах изучения мифа вполне соотносятся с учением основателя исторической поэтики русского филолога А.Н. Веселовского о «повторяющихся отношениях» элементов в разных литературных рядах, единстве генетического и типологического изучения словесности. «миграция» и «самозарождение» дополняют друг друга.

Миф является фокусом, в котором сходятся индивидуальная творческая воля автора произведения и элементы коллективного сознания. Как отмечает С. Рзасой, «миф в художественном тексте возникает не только по воле автора, он имплицитно присутствует как „память текста“, „память жанра“. Он обнаруживает себя в структуре любой жанровой формы, которую автор использует для выражения своих мыслей, так как в процессе развития от мифа к фольклору, от фольклора к литературе миф преобразуется в структурные уровни литературной мысли» (Рзасой, 2019, с. 12). Заложенные в глубины образа мифопоэтические элементы несут «скрытую функцию».

Под «явной функциональностью» мифа понимается художественная задача, которой подчиняется художественное произведение, авторский замысел, его цель. В этом случае под «явной функциональностью» подразумевается «судьба», «работа» мифа в художественном тексте. Наряду с этим миф, включенный в художественный текст, имеет и «тайную цель», неподвластную «контролю» автора.

Как же реализуется «скрытая функциональность» мифа в художественном тексте? Структура мифа двуслойна, содержит видимые и невидимые слои, отделить которые друг от друга представляется чрезвычайно трудным. Рассматривая эксплицитные и имплицитные смысловые пласты в произведениях азербайджанского писателя Агарахима, С. Рзасой приходит к заключению, что «вся суть вопроса связана не со значением этих терминов, а с единовременным сосуществованием эксплицитного и имплицитного пластов в одном тексте. Иными словами, видимый слой текста во всех случаях связан со скрытым слоем: как явный пласт обладает неявным подпластом, который выражается через явный пласт. На наш взгляд, все неясности (загадки, неизвестности, тайны) художественного творчества Агарахима заключаются в том, что созданные им „простые“ художественные реалии всегда имеют имплицитно-скрытый подслей» (Рзасой, 2019, с. 36).

Уникальная многослойная текстовая структура мифологии обусловлена ее природой. Так, мифологическое мышление, в отличие от исторической системы мышления, обладающей линейной структурой, имеет замкнутую, повторяющуюся структуру. Замкнутость системы выражается в том, что каждый текст мифа имеет своих «соседей», существует с ними. Главный признак, который собирает их в один ряд и организует, заключается в наличии общих значений и феномен генетического сродства. Каждый мифический текст имеет «родителя» (порождающий миф) и «ребенка» (производный миф). При этом, когда автор включает какой-либо мифический элемент

(весь текст, образ, мотив, идею и др.) в художественное произведение, он не осознает, что этот элемент имеет двойственную структуру (эксплицитные и имплицитные пласты мифа). В своем тексте автор «работает» с известным (эксплицитным) мифом и составляет с ним творческие комбинации.

Контакт с мифической памятью становится возможным, когда воображение становится средством медиации между автором и архаическими пластами сознания. В этом случае художественное воображение, играя роль своеобразного моста, обеспечивает попадание архетипической художественной информации в созданный автором текст. П. Бекиргызы пишет: «Изучение культуры, в особенности, истории литературно-художественной мысли, доказывает тот факт, что на всех этапах своего развития литература всегда имела тесную и взаимную связь с мифологическим наследием и типом мифологического мышления» (Бекиргызы, 2015, с. 233).

Связь литературы и мифологии, по крайней мере на диахроническом уровне, позволяет констатировать закономерность эксплицитных и имплицитных связей мифотекстов. Другими словами, миф создает фольклор, а фольклор создает литературу, он приводит их в единую систему, в которой они и взаимодействуют. Любой отдельный миф включен в цепь эволюционных изменений, он является порождением предшествующих мифов и, в свою очередь, порождает новые варианты в последующем.

Задачей мифопоэтического исследования является изучение и выявление не только известного мифа, включенного в художественный текст, но и имплицитного мифа. Кстати, новизна неомифологических исследований проявляется именно в том, что они представляют собой открытую для таких направлений систему. Мифопоэтика как концепт филологической мысли сегодня находится в процессе непрерывного расширения своих смысловых рамок и в этих направлениях. А азербайджанская поэзия XX в. дает богатый материал для исследований такого рода.

Мифы и мифологические представления занимают широкое место в устной и письменной литературе нашего народа. В первом томе книги «История азербайджанской литературы» отмечается: «Миф есть первичное мыслительное событие, определяющее как основу, так и современное содержание каждой культуры. Подобно тому, как этнокультурная традиция отражается в мифологии в разных областях, тексты, относящиеся к этим областям, также содержат различный мифологический материал. Стереотипы мышления и поведения людей, принадлежащих к одной этнической системе, определяются в рамках возможностей, предоставляемых мифологией. Мифолингвистика также имеет непрерывный и стабильный характер как особый язык, составляющий основу текстов национальной культуры: семантические и структурные (грамматические) особенности этого языка в основном одинаковы во всех текстах национальной культуры (устных, письменных, изобразительных и т. д.), начиная с древнейших времен и до наших дней. Даже сегодня поведение людей и обществе происходит в границах национальной мифологической традиции» (История азербайджанской литературы: в 10 т., т. 1., 2018, с. 233).

Описание многих мифологических персонажей и сюжетов в классической азербайджанской литературе, особенно в поэзии Низами, подтверждает, что

внимание к мифологии имеет древнюю историю. Хотя мифология является явлением дописьменных культур, она присутствовала и присутствует в различных формах в истории поэзии в целом, в том числе и в современной.

В произведениях Низами, Насими, Физули, позже М.А. Сабира, А. Саиххата, М. Хади, Г. Джавида, А. Джавада, М. Мушфига, Р. Рзы, Р. Ровшана, С. Рустамханлы, Р. Бехруди и других поэтов отчетливо проявляются мифологические представления древности. Стихи представителей азербайджанской поэзии XX в. развивались в тесной связи с идейными течениями и философией своего времени, культурными достижениями предшествующих лет, а также с мифологическими представлениями, и стали поэтическим выражением своего времени.

Список литературы

- Алиев Р.* Миф о слове, о происхождении фонетического слова и фонетического письма. Баку: Переводчик, 2011. 378 с. [*Əliyev R. Sözü'n mifi, fonetik sözü'n və fonetik yazı'nın mənşəyi barədə.* Bakı: Mütərcim, 2011. 378 s.]
- Бекиргизы П.* Мифопоэтика и поэтическая структура азербайджанской литературы XX века. Баку: Наука и образование, 2015. 248 с. [*Bəkirqızı P. Mifopoetika və XX əsr Azərbaycan ədəbiyyatının poetik strukturu.* Bakı: Elm və təhsil, 2015. 248 s.]
- Белокурова С.П.* Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2006. 314 с.
- Гаджиев А.* Поэтика современной прозы. Баку: Мутарджим, 1997. 204 с.
- Гараев Ю.* Избранные произведения: в 5 томах. Том 5. Баку: Эльм, 2016. 728 с. [*Qarayev Y. Seçilmiş əsərləri 5 cilddə.* C. 5. Bakı: Elm, 2016. 728 s.]
- Козолупенко Д.П.* Мифопоэтика как феномен культуры и тип восприятия: учебный курс. М.: Наука, 2010. 496 с.
- Мелетинский Е.М.* Общее понятие мифа и мифологии // Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. 709 с.
- Рзасой С.* Мифология и фольклор: теоретико-методологический контекст. Баку: Нурлан, 2008. 188 с. [*Rzasoy, S. Mifologiya və folklor: nəzəri-metodoloji kontekst.* Bakı: Nurlan, 2008. 188 s.]
- Рзасой С.* Огузовская мифология. Баку: Нурлан, 2009. 363 с. [*Rzasoy S. Oğuz mifologiyası.* Bakı: Nurlan, 2009. 363 s.]
- Рзасой С.* Слои явных и имплицитных смыслов в системе художественного развития Язычи Агарахим // Научные труды. 2019. Т. 10. № 3. С. 35–40. [*Rzasoy S. Yazıçı Ağarəhimin bədii təhkiyə sistemində eksplisit və implisit məna layları // Elmi əsərlər.* 2019. C. 10. № 3. S. 35–40.]
- Токарев С.А.* Очерк «Этиологические мифы» // Мифы народов мира: в 2 томах. Том 2. М.: Советская энциклопедия, 1982. 672 с.
- Фольклор // История азербайджанской литературы: в 10 томах. Том 1. Баку: Эльм, 2018. 1072 с. [*Şifahi xalq ədəbiyyatı // Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi 10 cilddə.* C. 1. Bakı: Elm, 2018. 1072 s.]

Сведения об авторе:

Султанова Ханум, доцент, доктор философии филологических наук, Бакинский славянский университет. E-mail: sultanovaxanim@gmail.com

Bio note:

Khanym Sultanova, Associate Professor, Doctor of Philosophy in Philology, Baku Slavic University. E-mail: sultanovaxanim@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-390-396

EDN: RKHSUF

УДК 821.161.1

Обзорная статья / Review

Исследование пушкинских сказок в Китае: история и современность

Ц. Ван

Нанькайский университет, Тяньцзинь, Китайская Народная Республика

✉ 15212220464@163.com

Аннотация. Предпринята попытка систематизации и обобщения работ китайских филологов, посвященных пушкинским сказкам. Рассматривается история перевода пушкинских сказок на китайских язык. Уделено внимание исследованиям отдельных пушкинских сказок китайскими учеными, особенно «Сказки о рыбаке и рыбке». Сделан вывод о том, что изучению пушкинских сказок в Китае традиционно уделяется большое внимание, а в наши дни оно переживает новый подъем. Благодаря смене поколений в теории литературы ученые в Китае расширили области исследований и создали новые оригинальные интерпретации пушкинских сказок.

Ключевые слова: рецепция, перевод, китайские исследования, межкультурный диалог

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 января 2024 г.; отрецензирована 13 февраля 2024 г.; принята к публикации 16 марта 2024 г.

Для цитирования: Ван Ц. Исследование пушкинских сказок в Китае: история и современность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 390–396. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-390-396>

The study on Pushkin's fairy tales in China: history and modernity

Qingle Wang

Nankai University, Tianjin, People's Republic of China

✉ 15212220464@163.com

Abstract. The author attempts to systematize and summarize the review works of Chinese philologists devoted to Pushkin's fairy tales. The history of the translation of Pushkin's fairy tales into Chinese is considered. The works of studying Pushkin's fairy tales, which regard

© Ван Ц., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Pushkin's fairy tales as entirety, are presented. The studies of Chinese philologists on a separate Pushkin's fairy tale are shown, especially on "The Tale of the Fisherman and the Fish". It is concluded that the study of Pushkin's fairy tales in China is huge, and it has its own character. Nowadays, the study of Pushkin's fairy tales is experiencing a new upsurge. Because of the generational change in literary theory, philologists in China have expanded the fields of research and created new interpretations of Pushkin's fairy tales and are following wider and more research on Pushkin's fairy tales.

Keywords: reception, translation, Chinese study, intercultural dialogue

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 5, 2024; revised February 13, 2024; accepted March 16, 2024.

For citation: Wang, Q. (2024). The study on Pushkin's fairy tales in China: History and modernity. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 390–396. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-390-396>

История перевода пушкинских сказок на китайский язык

Изучение пушкинских сказок в Китае имеет давнюю историю, оно началось с чтения и перевода оригинальных произведений. Согласно имеющимся данным, самый ранний перевод пушкинской сказки появился в 1928 г. «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» (《死公主与七义士的故事》) в переводе Ван Цзяня была опубликована в 57-м номере «Еженедельника Северо-Восточного университета». В 1936 г. в первом номере «Перевода (《译文》) китайским читателям были представлены «Сказка о рыбаке и рыбке» (《渔夫与鱼的故事》), «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» (《死公主的故事》) и «Сказка о золотом петушке» (《金鸡的故事》) в виде гравюр на дереве. С 1937 г., когда проводился фестиваль, посвященный 100-летию со дня рождения Пушкина, энтузиазм китайских ученых по отношению к изучению Пушкина был беспрецедентно высок. С тех пор ученые приложили значительные усилия к переводу его произведений. С 1937 по 2000 г. пушкинские сказки предстали перед глазами читателей в двух видах.

Во-первых, они включались в собрания сочинений. Книги, в которых напечатаны пушкинские сказки: «Сборник произведений Пушигэна» (《普式庚创作集》) (1937), составитель Цю Луофу, опубликовано издательством «Культурное общество»; «Пиковая дама» (《铲形的皇后》) (1942), перевод Мэн Шихуань и др., опубликовано издательством «Наука и Искусство»; «Собрание сочинений Пушкина» (《普希金文集》) (1947), перевод Гэ Баоцюань, опубликовано издательством «Время»; «Избранные чтения произведений Пушкина» (《普希金作品选读》) (1959), с аннотациями Би Цзялу, опубликовано «Коммерческой прессой»; «Собрание сочинений Пушкина» (8 томов) (《普希金文集》) (1990–1999), перевод Фэн Чунь, опубликовано «Шанхайским издательством переводов»; «Собрание сочинений Пушкина» (7 томов) (《普希金文集》) (1995), составитель Лу Юн, опубликовано издательством «Народная литература»; «Избранные стихотворе-

ния Пушкина» (《普希金诗选》) (1996), составитель Лу Юн, опубликовано издательством «Народная литература»; «Избранные произведения Пушкина» (《普希金精选集》) (1997), составитель Гу Юнпу, опубликовано «Шаньдунским издательством литературы и искусства»; «Избранные стихотворения Пушкина» (《普希金诗选》) (1997), перевод Ван Чжигэн, опубликовано «Издательством литературы и искусства Хуашань»; «Полное собрание сочинений Пушкина» (8 томов) (《普希金全集》) (1997), редакция Сяо Ма и У Ди, опубликовано «Чжэцзянским издательством литературы и искусства»; «Собрание сочинений Пушкина» (10 томов) (《普希金文集》) (1999), перевод Фэн Чунь, опубликовано «Шанхайским издательством переводов»; «Полное собрание сочинений Пушкина» (десять томов) (《普希金全集》) (1999), редакция Лю Вэньфэй, опубликовано «Образовательной прессой Хэбэя»; «Собрание сочинений Пушкина» (《普希金文集》) (2000), редакция Тянь Лицюань, опубликовано «Китайским общественным издательством». Все приведенные выше работы содержат переводы пушкинских сказок.

Во-вторых, в виде сборников пушкинских сказок. Сборники переводов пушкинских сказок включают: «Золотой петушок» (《小金鸡》) (1950) и «Сказка о царе Салтане» (《沙皇撒尔丹》) (1950), перевод Чэнь Бочуй, опубликовано издательством «Чжунхуа»; «Сказка о рыбаке и рыбке» (《渔夫和鱼的故事》) (1951), переписанная Чжань Хуайсином, опубликовано издательством «Книжный магазин знаний Тяньцзинь»; «Сказка о попе и о работнике его Балде» (《牧师和工人巴尔达》) (1951), перевод Чэнь Боци, опубликовано издательством «Чжунхуа»; «Пушкинские сказки» (《普希金童话诗》) (1954), перевод Мэн Хай, опубликовано издательством «Новая литература и искусство»; «Сказка о рыбаке и рыбке» (《渔夫和金鱼的故事》) (1959), перевод Гэ Баоцюань, опубликовано «Детским издательством»; «Сказка о рыбаке и рыбке» (《渔夫和金鱼》) (1961), перевод Гэ Баоцюань, опубликовано издательством «Письменная реформа»; «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» (《死公主和七勇士的故事》) (1964), аннотировано Би Цзялу, опубликовано издательством «Советская детская книга»; «Сказки Пушкина: Конек-Горбунок» (《普希金童话诗 小驼马》) (1984), перевод Жэнь Жунжун, опубликовано издательством «Народная литература»; «Пушкинские сказки» (《普希金童话诗》) (1991), перевод Лю Чжаньцю, опубликовано «Хунаньским издательством детской литературы»; «Пушкинские сказки» (《普希金童话》) (1993), перевод Чэнь Бочуй, опубликовано «Детским издательством»; «Пушкинские сказки» (《普希金童话》) (1997), перевод Юнь Цин, опубликовано «Китайским женским издательством»; «Сборник пушкинских сказок» (《普希金童话诗集》) (1997), перевод Ван Шоужэнь, опубликовано издательством «Цзели»; «Пушкинские сказки» (《普希金童话》) (1999), перевод Гу Юй, опубликовано «Чжэцзянским издательством литературы и искусства»; «Пушкинские сказки» (《普希金童话诗》) (1999), перевод Ли Ганг, опубликовано «Сычуань-

ским издательством литературы и искусства». Особенно примечательно то, что среди многих переводов произведений Пушкина перевод Гэ Баоцюан является новаторским. Говоря о его величайшем вкладе в китайскую пушкинистику, можно сказать, что именно он познакомил китайских читателей с гениальным русским поэтом.

Комплексное исследование пушкинских сказок китайскими учеными

Академическое изучение произведений Пушкина в Китае также непрерывно развивалось, его результаты весьма богаты. Особенно это касается исследований, связанных с пушкинскими сказками. Ученые склонны рассматривать пушкинские сказки как единое целое и считают, что они систематичны и уникальны.

Прежде всего китайские ученые попытались восстановить творческую биографию Пушкина. Это тесно связано с интересом к личной жизни Пушкина и к русской истории в целом. Например, в монографии Ли Тецзюня «Живописная биография Пушкина» творческая подоплека почти всех произведений Пушкина представлена в виде биографии. При анализе пушкинских сказок Ли Тецзюнь изобразил брачный и карьерный кризисы, с которыми столкнулся Пушкин во время написания сказок, что в данном контексте несет трагическую окраску. Различные метафоры в сказках могут также указывать на реальность, с которой столкнулся поэт.

Во-вторых, пушкинские сказки в целом имеют свои идеологические коннотации и эстетические характеристики, отличные от других жанров произведений писателя. В своей монографии «Читая Пушкина» Лю Вэньфэй интерпретировал пушкинские сказки и поэмы, обобщив их, утверждая, что пушкинские сказки также обладают «присущим сказкам метафорическим» (Лю Вэньфэй, 2002, с. 49) и «персонализированным значением» (Лю Вэньфэй, 2002, с. 49). Такого рода персонализация – важная причина, по которой пушкинские сказки отличаются от других сказок. В своей монографии «Жизнь и творчество Пушкина» Чжан Тьфу рассматривает поздние произведения Пушкина как «регрессивный подъем» (Чжан Тьфу, 2004, с. 341) его творчества. Исследователь считает, что такого рода регрессия и совершенствование отражены в тематике и языке пушкинских сказок. В статье «Творчество Пушкина и идеалы просвещения» У Сяоду показывает, что «большинство пушкинских сказок имеют прогрессивное значение для просветительской культуры» (Сяоду, 2014, с. 122–125), он приводит пример образа «моря» в «Сказке о рыбаке и рыбке», утверждая, что «образ моря в произведении не только используется в качестве фона для раскрытия сюжета, но и становится символом пробуждения народа, сыграв роль нравственного наставления в эпоху Просвещения» (Сяоду, 2014, с. 122–125).

Наконец, китайские ученые попытались расширить изучение русской культуры посредством пушкинских сказок. Они не только распространили исследования до области русского религиоведения, но и фольклора. Например, в статье «Религиозные элементы в сказках Пушкина» Гу Сюэмэй перечисляет религиозные элементы в сказках Пушкина и утверждает, что

Русская Православная Церковь склонна к двоеверию: это не только поклонение иконам, но и поиск помощи от природы. В статье «О фольклорных элементах в пушкинских сказках» Сюань Сюмин раскрывает укорененность пушкинских сказок в фольклоре посредством анализа народного языка и народного опыта в этих произведениях.

Можно заметить, что исследование пушкинских сказок китайскими учеными включает в себя как углубленное обсуждение самих сказок, так и других более широких вопросов. Ученые попытались использовать исследование пушкинских сказок в качестве отправной точки для расширения своего понимания русской истории и культуры.

Тематические исследования пушкинских сказок китайскими учеными

Тематические исследования пушкинских сказок китайскими учеными, как правило, посвящены «Сказке о рыбаке и рыбке». С непрерывным обновлением литературной теории и трансформацией во взглядах на литературную критику исследовательская перспектива пушкинских сказок также приобрела новый статус, а понимание пушкинских сказок стало более разнообразным.

Мы можем разделить тематические исследования на следующие три типа: культурологические исследования, нарративные исследования, а также исследования в области гендера и прав, связанные с деконструкционизмом.

В области культурологических исследований ученые относят «Сказку о рыбаке и рыбке» к мировой литературе, пытаясь сопоставить различные трансформации этой сказки в разных странах и проанализировать культурную уникальность каждой страны посредством сравнения вариантов. Репрезентативным исследованием в данной области является «Сравнительное культурологическое исследование эволюции „Сказки о рыбаке и рыбке“, сосредоточенное на Индии, Германии, России и Китае». В данной статье Чжоу Вэньчжао использовал метод сравнительного повествования, чтобы проанализировать сходства и различия сказок на одну и ту же тему, представленных в разных странах, и прокомментировать культурные различия и мотивы, стоящие за одной и той же сказкой разных национальностей.

В области нарративных исследований некоторые ученые обсуждали методы написания «Сказки о рыбаке и рыбке», такие как «Феномен повтора в „Сказке о рыбаке и рыбке“» Чжао Цзюаня и Вэнь Шаосюна. Авторы считают, что повторение – самый важный художественный прием в «Сказке о рыбаке и рыбке». Благодаря использованию повторов слов, элементов повествования, действий, построения сюжета, а также повторов сцен сказка обретает литературно-художественные качества. Кроме того, некоторые ученые ввели новые литературно-критические термины, например, «явный нарратив» и «имплицитный нарратив», что помогает определить больше значений в «Сказке о рыбаке и рыбке». Репрезентативным исследованием в этой области является «Светский нарратив в явном процессе и сакральный нарратив в имплицитном процессе – многообразия повествовательных процессов пушкинской „Сказки о рыбаке и рыбке“». Автор статьи У Цзинчжи считает, что пушкинская «Сказка о рыбаке и рыбке» раскрывает тему жела-

ния в явном повествовательном процессе, а в имплицитном идеографическом ключе она основана на «Книге Бытия» как прототипом тексте. Священное и светское повествования являются как взаимоисключающими, так и дополняющими друг друга, что придает «Сказке о рыбаке и рыбке» более глубокое духовное и философское значение, то есть «продвижение духовности и обесценивание материальности, а также трансцендентность светской этики и стремление к духовной свободе» (Цзинчжи, 2023, с. 41–47).

В области гендерных исследований и исследований в области власти, которые тесно связаны с деконструкционизмом, ученые стремятся использовать различные теории для анализа социальной экологии, раскрытой в «Сказке о рыбаке и рыбке». Например, в статье «Гендер и власть в мире сказок – интерпретация „Сказки о рыбаке и рыбке“ Пушкина» Лю Чунь использовала традиционную психоаналитическую теорию Фрейда, чтобы раскрыть механизм дискурса власти, скрытого в этой сказке. Автор считает, что «Сказка о рыбаке и рыбке» показывает патриархальное общество и тяжелое положение женщин.

Можно заметить, что с углублением литературной теории и трансформацией критических взглядов изучение пушкинских сказок, особенно «Сказки о рыбаке и рыбке», стало более разнообразным в Китае, а сказки Пушкина обрели современное звучание.

Заключение

Подводя итог, можно обобщить некоторые характеристики исследований пушкинских сказок в Китае. Прежде всего, большое внимание уделялось исследованию этих произведений, поскольку статус автора постепенно повышался как в Китае, так и за рубежом. Ученые добились плодотворных результатов в различных областях и аспектах своих исследований. Во-вторых, исследования пушкинских сказок за рубежом имеют разную направленность, в то время как подобные исследования в Китае до определенной степени лишены комплексного взгляда. Результаты исследований сосредоточены в разных монографиях, посвященных изучению творчества Пушкина в целом, и не имеют системной интеграции. Отдельные работы в основном касаются «Сказки о рыбаке и рыбке», что порождает феномен несбалансированного исследования. Наконец, ученым в Китае все еще предстоит продолжить изучение духовного подтекста и эстетических характеристик, содержащихся в пушкинских сказках. Смена теории литературы от поколения к поколению позволила дополнить методы литературных исследований, расширить идеи и пространство для творчества. Мы уверены, что классические произведения также могут получить более полное объяснение и интерпретацию.

Список литературы

- Лю Вэньфэй. Читая Пушкина. Пекин: Народная литература, 2002. С. 49. [刘文飞：阅读普希金，北京：人民文学出版社，2002年，第49页。]
- У Сяоду. Творчество Пушкина и идеалы просвещения // Обучение и исследования. 2014. № 10. С. 122–125. [吴晓都.普希金的创作与启蒙主义理想 // 学习与探索, 2014(10): 122–125.]

У Цзинчжи. Светский нарратив в явном процессе и сакральный нарратив в имплицитном процессе – переосмысление многообразия повествовательных процессов пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке» // Журнал педагогического университета Ланфан. 2023. № 6. С. 41–47. [吴静之. 显性进程中的世俗叙事与隐性叙事中的神圣叙事 – 重审普希金《渔夫与金鱼的故事》的多重叙事进程 // 廊坊师范学院学报, 2023(6): 41–47.]

Чжан Тэфу и др. Жизнь и творчество Пушкина. Пекин: Китайское издательство социальных наук, 2004. С. 341. [张铁夫等著: 普希金的生活与创作, 北京: 中国社会科学出版社, 2004年, 第341页。]

Сведения об авторе:

Ван Цинлэ, докторант, Институт иностранных языков, Нанкайский университет, Китайская Народная Республика, 300071, Тяньцзинь, Нанькайский р-н, ул. Вэйцзинь, д. 94. ORCID: 0000-0003-2717-3414. E-mail: 15212220464@163.com

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-397-405

EDN: QVDLZT

УДК 821:81'255.2

Обзорная статья / Review

Стихотворения А.С. Пушкина на кыргызском языке: эквивалентность, вольность и адекватность переводов Омора Султанова

Ж.О. Султанова

*Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого президента
Российской Федерации Б.Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызская Республика*

 jeep502@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности художественных переводов стихотворений А.С. Пушкина на кыргызский язык, автором которых выступает Народный поэт Кыргызской Республики Омор Султанов. Проблема исследования лежит в плоскости малоизученности своеобразия, этапов развития художественных переводов на кыргызский язык произведений даже самых известных русских поэтов. Объектом исследования являются художественные переводы стихотворений Пушкина на кыргызский язык, осуществленные О. Султановым. Предмет исследования – характеристики эквивалентности, вольности и адекватности изучаемых художественных переводов. Новизна и научная ценность данного исследования состоят в том, что оно основано на теоретико-практическом подходе. В работе путем построчного сопоставления оригиналов и кыргызских переводов конкретных стихотворений определяются основные нюансы, критерии и художественные обстоятельства их сходства или различия. Изучается взаимодействие неродственных друг другу языков – русского и кыргызского – в рамках осуществления художественного перевода. Проследить их взаимовлияние в контексте происходящих сегодня интеграционных процессов между Россией и Кыргызстаном, в том числе и в сфере культуры, видится весьма актуальным. В данном случае исследование художественных переводов поэзии Пушкина как самого популярного русскоязычного поэта вполне объяснимо. Художественные переводы его стихотворений на кыргызский язык в варианте О. Султанова обладают элементами необходимой эквивалентности, вольности и адекватности.

Ключевые слова: художественный перевод, кыргызский язык, эквивалентность, адекватность

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 января 2024 г.; отрецензирована 13 февраля 2024 г.; принята к публикации 16 марта 2024 г.

Для цитирования: Султанова Ж.О. Стихотворения А.С. Пушкина на кыргызском языке: эквивалентность, вольность и адекватность переводов Омора Султанова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 397–405. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-397-405>

© Султанова Ж.О., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Poems by A.S. Pushkin in Kyrgyz language: equivalence, freedom and adequacy of Omor Sultanov's translations

Zhypar O. Sultanova

*Kyrgyz Russian Slavic University named after First President of Russia B.N. Yeltsin,
Bishkek, Kyrgyz Republic*

✉ jeep502@inbox.ru

Abstract. The article examines the features of literary translations of A.S. Pushkin's poems into the Kyrgyz language, authored by the People's Poet of the Kyrgyz Republic Omor Sultanov. The problem of the research lies in the lack of knowledge of the originality and stages of development of literary translations into the Kyrgyz language of the works of even the most famous Russian poets. The object of the study is literary translations of Pushkin's poems into the Kyrgyz language, carried out by O. Sultanov. The subject of the research is the characteristics of equivalence, freedom and adequacy of the literary translations being studied. The novelty and scientific value of this study lies in the fact that it is based on a theoretical and practical approach. In the work, by line-by-line comparison of the originals and Kyrgyz translations of specific poems, the main nuances, criteria and artistic circumstances of their similarities or differences are determined. The interaction of unrelated languages, Russian and Kyrgyz, within the framework of literary translation is studied. It seems very relevant to trace their mutual influence in the context of the ongoing integration processes between Russia and Kyrgyzstan, including in the sphere of culture. In this case, the study of literary translations of poetry by Pushkin as the most popular Russian-language poet is quite understandable. Literary translations of his poems into the Kyrgyz language in O. Sultanov's version have elements of the necessary equivalence, freedom and adequacy.

Keywords: literary translation, the Kyrgyz language, equivalence, freedom, adequacy

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 5, 2024; revised February 13, 2024; accepted March 16, 2024.

For citation: Sultanova, Zh.O. (2024). Poems by A.S. Pushkin in Kyrgyz language: Equivalence, freedom and adequacy of Omor Sultanov's translations. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(2), 397–405. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-2-397-405>

К 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина

Введение

Поэзия А.С. Пушкина переведена на десятки языков мира, его творчество пользуется огромным успехом у переводчиков разных стран. Исключением не стал и Кыргызстан. Отметим, что «первые попытки перевести Пушкина на кыргызский язык сделаны еще в 20-е годы. Однако только к концу 30-х годов появляются переводы всех пушкинских сказок, десятков стихотворений. <...> В Кыргызстане всегда был огромный общественный интерес к творчеству Пушкина. В 1920–1930 гг. произведения Пушкина в Кыргызстане на кыргызском языке вошли в круг чтения и культурную жизнь кыргызского народа, Пушкин стал любимым поэтом кыргызского народа. Переводы произведений Пушкина выходили массовыми тиражами» (Кокоева, 2020, с. 78).

Безусловно, интерес кыргызских переводчиков к творчеству Пушкина с каждым годом только возрастал – каждый из них хотел прикоснуться к великому.

В Кыргызстане переводчиков различных произведений А.С. Пушкина (как поэтических, так и прозаических) очень много. Одним из мастеров поэтического перевода является Омор Султанов – Народный поэт Кыргызской Республики, автор многих популярных произведений, поэтических книг, романов, киносценариев и переводов. В данной работе мы обращаемся к изучению переводов поэтических творений Пушкина именно в варианте О. Султанова. Им переведен ряд самых известных стихотворений Пушкина. Целью исследования является выявление степени эквивалентности, вольности и адекватности поэтических переводов стихотворений А.С. Пушкина на кыргызский язык, осуществленных О. Султановым.

Для того чтобы оценить точность и качество переводов, стоит обозначить используемые определения базовых оценочных понятий. В данном исследовании мы придерживаемся следующих формулировок эквивалентности, вольности и адекватности художественного перевода:

1. Эквивалентность сводится к переводу, воспроизводящему содержание оригинала на одном из уровней эквивалентности. Поскольку важность максимального совпадения между текстом-оригиналом и переводом очевидна, эквивалентность рассматривается как основной признак и условие существования перевода (Межова, 2012, с. 78–79).

2. При переводе литературного произведения вольность воспринимается как в положительном, так и в отрицательном смысле. Оценивается в положительном смысле, если стиль и художественная целостность подлинника не искажены индивидуальным подходом переводчика. Воспринимается отрицательно в случае несообразности чуждых картин, нюансов стиля и произведению автора (Акопян, 2015, с. 40).

3. Адекватность в рамках данного исследования трактуется, исходя из неповторимости художественного текста, и, как следствие, принципиальной невозможности достижения абсолютной эквивалентности исходного и конечного текстов, как относительная равноценность реконструкции семантической модальности текста оригинала, то есть речь идет о воссоздании концептуальной, субъективно-оценочной специфичности планов содержания и выражения исходного текста (Нуриев, 2003, с. 83).

Материалами для данного исследования стали тексты кыргызских переводов стихотворений А.С. Пушкина, сделанных Омором Султановым. В качестве главного метода литературоведческого исследования применен сопоставительный анализ кыргызских переводов стихотворений русского поэта и их оригиналов на русском языке. Анализ произведен построчно с целью достижения наибольшей точности при оценке тех или иных нюансов, связанных с переводческими решениями.

Обсуждение

Эквивалентность, вольность и адекватность кыргызских переводов стихотворений А.С. Пушкина. В контексте изучения заявленной темы о художественном переводе поэзии А.С. Пушкина на кыргызский язык стоит

рассмотреть конкретные примеры художественного перевода, осуществленного Омором Султановым.

Первым проанализируем известное произведение «К***» («К Керн», «Я помню чудное мгновенье»). Написано оно было в 1825 году и представляет собой яркую любовную лирику Пушкина. На кыргызском языке название звучит «А.П. Кернге» («К А.П. Керн»). Интересен перевод знаменитых первых строк стихотворения.

У Пушкина (Пушкин, 1994, т. 2, с. 358):

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

У Султанова (Султанов, 2016, т. 6, с. 14) с обратным подстрочным переводом на русский язык получается следующее:

Ал көз ирмем аруу эсимде
То мгновенье чистое я помню,
Бет алдымдан капыс көрүнүп,
Перед лицом неожиданно возникнув,
Аян бердиң жарк деп сезимге
Видением стала для вспыхнувшего чувства,
Ай перидей көркүң төгүлүп.
Льется твоя красота, как у лунной красавицы.

Перевод стихотворения «К***» («К Керн») можно назвать достаточно вольным, однако сохраняющим общий смысл, посыл переводимых строк. Вольность перевода в данном случае может быть оправдана стилистическими особенностями переводящего, то есть кыргызского языка. Например, во-первых, ради сохранения стихотворной формы меняется порядок слов в предложении: «Я помню чудное мгновенье» переводится как «*Ал көз ирмем аруу эсимде*» («*То мгновенье чистое я помню*»). В контексте перевода слово «чудное» меняется на слово «чистое». Это объясняется тем, что в кыргызской культуре чистота, непорочность, в том числе и момента, ценится, имеет большее значение, чем чудо. Исходя из нюансов кыргызского миропонимания, переводчик и производит подобную замену слов. Во-вторых, для кыргызского языка характерно употребление деепричастных оборотов. Строчка «Передо мной явилась ты» превращается в «*Бет алдымдан капыс көрүнүп*» («*Перед лицом неожиданно возникнув*»). Султанов смягчает пушкинский глагол «явилась», меняет его на оборот «неожиданно возникнув», тем самым подчеркивая внезапность произошедшей встречи. В-третьих, переводчик пытается расширить границы выражаемых русским поэтом эмоций: «Как мимолетное виденье» переведено как «*Аян бердиң жарк деп сезимге*» («*Видением стала для вспыхнувшего чувства*»). На кыргызском языке констатируется не только сам факт возникновения неожиданного видения, но и дается пояснение того, что оно стало причиной «*вспыхнувшего чувства*», то есть появляется уточнение, отсутствующее в исходном поэтическом тексте. В-четвертых, точнее перевести строчку «Как гений чистой красоты» не представляется возможным, потому как в этом случае возрастает риск потерять художественность перевода, уйти в бессвязный буквализм. Это связано

с тем, что выражение «гений чистой красоты» не укладывается в паттерны кыргызского восприятия прекрасного. О. Султанов перевел данную строку следующим образом: «*Ай перидей көркүң төгүлүп*» («*Льется твоя красота, как у лунной красавицы*»). В данном случае переводчик опирается на образный ряд, связанный с лунной красавицей, принятый в традиционной кыргызской культуре, соответственно, понятный кыргызскоязычной аудитории. Для современных лингвистических изысканий характерен также текстоцентрический принцип, который выражается в том, что все языковые реалии приобретают истинный смысл только в тексте (Лукманова, 2010, с. 105). Таким образом, перевод данного стихотворения можно назвать отчасти вольным, но вполне адекватным.

Проанализируем перевод еще одного известного стихотворения Пушкина «Зимний вечер», написанного также в 1825 г. Название переведено на кыргызский язык дословно: «Кышкы кеч» («Зимний вечер»). Обратимся к популярным первым строкам поэтического произведения.

Оригинал (Пушкин, 1994, т. 2, с. 387):

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшало
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Кыргызский перевод (Султанов, 2016, т. 6, с. 15) данного отрывка с обратным подстрочным переводом на русский язык:

Бурганак асман көрүнбөй
Неба не видно из-за снежной вьюги,
Кар тозоң учат куюндап.
Снежная пыль летит вихрем.
Улуса бирде бөрүдөй
То, как волк, она завоет,
Баладай бирде уңулдап.
То заплачет, как дитя.
Бүлүнтүп үйдү чапкылайт
Волнуясь, бьет по дому,
Бирөөгө окшоп үн каткан.
На чей-то похожий издавая звук,
Терезе чертип каккылайт
Играя, стучится в окно,
Жолоочу өңдүү түн каткан.
Как путник, пожаловавший в ночь.

Данный отрывок демонстрирует как вольный, так и эквивалентный переводы поэтического текста. Безусловно, фрагменты вольного перевода преобладают. В переводах строк «Буря мглою небо кроет» – «**Бурганак асман көрүнбөй**» («*Неба не видно из-за снежной вьюги*») и «Вихри снежные крутя» – «**Кар тозоң учат куюндап**» («*Снежная пыль летит вихрем*») мы можем наблюдать композиционные перестановки при переходе текста из русского языка в кыргызский, в данном случае такая трансформация целесообразна, учитывая стилистические особенности переводящего кыргызского языка. Для того чтобы на кыргызском языке образность стихотво-

рения сохранилась, переводчик использует языковые приемы, входящие в арсенал именно переводящего языка. Как мы видим, при переводе меняются слова и композиционные особенности оригинала, но суть исследуемых строк остается неизменной и передается довольно точно. Эквивалентность перевода мы наблюдаем при переводе следующих строк: «То, как зверь, она завоет» – «Улуса бирде бөрүдөй» («То, как волк, она завоет») и «То заплачет, как дитя» – «Баладай бирде унудап» («То заплачет, как дитя»). В этих строчках заменено лишь одно слово «зверь» на «волк», поскольку для горной местности Кыргызстана характерно присутствие именно волков, соответственно, перевод адаптирован под местные реалии для лучшего восприятия и понимания текста кыргызской аудиторией. Зато перевод следующих строк можно назвать абсолютно вольным: «То по кровле обветшалой» – «Бүлүнтүп үйдү чапкылайт» («Волнуясь, бьет по дому») и «Вдруг соломой зашумит» – «Бирөөгө окшоп үн каткан» («На чей-то похожий издавая звук»). При внимательном прочтении оригинала и перевода данных строк можно заметить, что суть происходящего передана верно, однако образный ряд исходного стихотворения в этих строках переводчиком полностью переработан. Сделано это с целью сохранения структурной целостности и формальной стройности стихотворения при переводе на кыргызский язык. При этом вопрос о том, насколько правомерно настолько кардинально менять образы оригинала произведения, остается открытым. При переводе последних двух строк анализируемого отрывка О. Султанов меняет их местами с целью сохранения композиционно-смысловой составляющей кыргызского перевода: «К нам в окошко застучит» – «Терезе чертип каккылайт» («Играя, стучится в окно») и «То, как путник запоздалый» – «Жолоочу өндүү түн каткан» («Как путник, пожаловавший в ночь»). Общая канва при переводе данных строк прослеживается, но переводчик немного видоизменил подачу материала при переводе, дополнил его новыми смыслами, сделав бурю более «игривой» и, как следствие, активной. Такое отступление от оригинала не всегда негативно, так как перевод можно оценить как адекватный. В этом случае можно сказать, что «главное, чтобы перевод не расходился с замыслом автора. Перевод оперирует на стыке концептуальных систем аллюзий. Векторы эмоционального воздействия коннотативно-аллюзивного потенциала оригинала и перевода не могут совпадать» (Кутьева, 2011, с. 27).

Разберем также знаменитое стихотворение Пушкина «Поэту», написанное в 1830 г. На кыргызский язык название переведено дословно: «Акынга» («Поэту»). Проанализируем первые строки.

Оригинал (Пушкин, 1995, т. 3, с. 223):

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Перевод на кыргызский язык (Султанов, 2016, т. 6, с. 19) с обратным подстрочным переводом на русский язык:

Акын, сен! Мактоолорго ишенбегин.

Поэт, ты! Не верь речам хвалебным,

Айткан сөз өрөпкүтүп өтөт бир күн.

Сказанное исчезнет как-то в один день.

Ким кандай былжыраса уга бергин

Кто какую чушь несет, ты просто слушай,

Катуу тур, бирок болсун сабыр сүрүң.

Будь тверд, но будет пусть сдержан важный вид.

Сен өзүң падышасың: жалгыз жашап

Ты сам царь: живя один,

Эркин жүр, эркин ойго жетелетип.

Свободен будь, ведомый мыслью свободной.

Эч кимден сыйлык күтпө, аздектетип

Не жди ни от кого наград с любовью,

Эрдигиң уланта бер акыл калчап.

Продолжай свой подвиг, поступая по уму.

Перевод стихотворения «Поэту» на кыргызский язык можно отнести к эквивалентным, так как суть, содержание и форма оригинала и перевода в данном случае в большей степени соответствуют друг другу. В переводах строк «Поэт! Не дорожи любовью народной» – *«Акын, сен! Мактоолорго ишенбегин»* («Поэт, ты! Не верь речам хвалебным»), «Восторженных похвал пройдет минутный шум» – *«Айткан сөз өрөпкүтүп өтөт бир күн»* («Сказанное исчезнет как-то в один день»), «Услышишь суд глупца и смех толпы холодной» – *«Ким кандай былжыраса уга бергин»* («Кто какую чушь несет, ты просто слушай»), «Но ты останься тверд, спокоен и угрюм» – *«Катуу тур, бирок болсун сабыр сүрүң»* («Будь тверд, но будет пусть сдержан важный вид»), «Ты царь: живи один. Дорогою свободной» – *«Сен өзүң падышасың: жалгыз жашап»* («Ты сам царь: живя один») и «Иди, куда влечет тебя свободный ум» – *«Эркин жүр, эркин ойго жетелетип»* («Свободен будь, ведомый мыслью свободной») мы можем наблюдать максимальную образную и композиционную приближенность текста перевода стихотворения к его оригиналу. Возможны изменения порядка слов в предложениях, замены некоторых фраз на синонимичные, но образный ряд остается нетронутым, оригинальным. От этой схемы немного отходит перевод следующих двух строк, которые переводчик отчасти меняет местами: «Не требуя наград за подвиг благородный» – *«Эч кимден сыйлык күтпө, аздектетип»* («Не жди ни от кого наград с любовью») и «Усовершенствуя плоды любимых дум» – *«Эрдигиң уланта бер акыл калчап»* («Продолжай свой подвиг, поступая по уму»). Если в оригинале стихотворения поэт просит «не требовать наград за подвиг», то в кыргызскоязычном переводе пожелания «не требовать наград» и «продолжать подвиг» разделены на две части и представляют собой две отдельные идеи. И здесь мы сталкиваемся с элементами вольного перевода. Стоит отметить, что и эквивалентный, и вольный переводы входят в данном случае в понятие адекватности, ведь «переводчик должен создать новый поэтический текст, эквивалентный оригиналу по его концептуальной и эстетической информации, но использующий по необходимости совсем иные языковые, а иногда и стиховые формы» (Цатурян, 2021, с. 236).

Заключение

На основе построчного сопоставительного анализа кыргызских переводов стихотворений А.С. Пушкина, автором которых выступил Омор Султанов, и их оригиналов на русском языке можно сделать вывод о том, что в рамках своих переводческих решений О. Султанов представляет на суд кыргызскоязычных читателей как эквивалентные, так и вольные переводы поэзии русского поэта. Ярким примером эквивалентного перевода, когда разные, композиционные и структурные компоненты оригинала и перевода стихотворения пересекаются в нескольких точках или даже сходятся в одной из этих точек, выступает кыргызский перевод стихотворения «Поэту» («Акынга»). К «положительным» вольным переводам, сохраняющим художественную целостность оригиналов произведений, но при этом имеющим возможность внести коррективы в используемый в исходном тексте образный ряд в соответствии с отличающимся от оригинала мировоззрением и мировосприятием переводящего языка и культуры, можно отнести кыргызские переводы стихотворений «К***» («К Керн», на кыргызском языке – «А.П. Кернге») и «Зимний вечер» («Кышкы кеч»). Если говорить об адекватности переводов О. Султанова, то нужно учесть, что «настоящий перевод – это не бинарное дело между двумя языками, а треугольник. Третья точка треугольника – это то, что стояло за словами оригинального текста до его написания» (Буматова, 2023, с. 123). Именно такой подход к осуществлению художественных переводов поэзии А.С. Пушкина предпринят О. Султановым, и, соответственно, его можно назвать адекватным. Исходя из выводов, сделанных о степени необходимой эквивалентности, вольности и адекватности исследованных в данной статье художественных переводов, можно констатировать, что поэтические переводы Омора Султанова стихотворений А.С. Пушкина можно назвать качественными при оценке по заданным критериям.

Список литературы

- Акопян А.А.* Мера вольности в системе оценки литературного перевода // Вестник Университета Российской академии образования. 2015. № 1. С. 40–44.
- Буматова А.М.* Перевод поэзии: средства воспроизведения в переводе // World science: problems and innovations: сборник статей LXXIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 июня 2023 г. Пенза: Наука и просвещение, 2023. С. 122–124.
- Кокоева Т.С.* О переводах произведений А.С. Пушкина на кыргызский язык // Наука. Образование. Техника. 2020. № 1 (67). С. 77–81.
- Кутьева М.В.* Лирика Лорки на испанском и русском языках: авторский замысел и переводческий вымысел (прагматико-семантический аспект) // Иностранные языки в высшей школе. 2011. № 4 (19). С. 17–27.
- Лукманова Р.Р.* Семантическая адекватность оригинального и переводного текстов: к постановке проблемы // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15. № 1. С. 105–109.
- Межова М.В.* Проблема культурологической эквивалентности слова в переводе художественного текста // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 20. С. 78–82.

- Нуриев В.А. Адекватность перевода как лингвистическая проблема // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 1. С. 80–87.
- Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 томах. Том 2. Книга 1. М.: Воскресенье, 1994. 568 с.
- Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 томах. Том 3. Книга 1. М.: Воскресенье, 1995. 635 с.
- Султанов О. Многотомный сборник произведений. Переводы. Т. 6. Бишкек: Турар, 2016. 492 с. [Султанов О. Чыгармалардын көп томдук жыйнагы. Котормолор. К. 6. Бишкек: Турар, 2016. 492 с.]
- Цатурян М.М. Трудности перевода поэтического текста // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 07. С. 234–236. <http://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.07.42>

References

- Akopyan, A.A. (2015). A measure of freedom in the literary translation evaluation system. *Herald of the University of Russian Academy of Education*, (1), 40–44. (In Russ.)
- Bumatova, A.M. (2023). Translating poetry: Means of reproduction in translation. *World Science: Problems and Innovations: Collection of Articles of the LXXIII International Scientific and Practical Conference*, June 30, 2023 (pp. 122–124). Penza: Nauka i Prosveshhenie Publ. (In Russ.)
- Kokoeva, T.S. (2020). About translations of Pushkin's works into the Kyrgyz language. *Science. Education. Technology*, (1), 77–81. (In Russ.)
- Kuteva, M.V. (2011). Lorca's lyrics in Spanish and Russian: Author's intention and translation fiction (pragmatic-semantic aspect). *Foreign Languages in Tertiary Education*, (4), 17–27. (In Russ.)
- Lukmanova, R.R. (2010). Semantic adequacy of original and translated texts: towards the formulation of the problem. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 15(1), 105–109. (In Russ.)
- Mezhova, M.V. (2012). Problem of cultural equivalence of the word in the translation of literary text. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, (20), 78–82. (In Russ.)
- Nuriev, V.A. (2003). Adequacy of translation as a linguistic problem. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, (1), 80–87. (In Russ.)
- Pushkin, A.S. (1994). *Complete works* (vol. 2, book 1). Moscow: Voskresenie Publ. (In Russ.)
- Pushkin, A.S. (1995). *Complete works* (vol. 3, book 1). Moscow: Voskresenie Publ. (In Russ.)
- Sultanov, O. (2016). *A multi-volume collection of works. Translations* (vol. 6). Bishkek: Turar Publ. (In Kyrgyz.)
- Tsaturyan, M.M. (2021) Difficulties of translating a poetic text. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series of Humanities*, (7), 234–236. (In Russ.) <http://doi.org/10.37882/2223-2982.2021.07.42>

Сведения об авторе:

Султанова Жыпар Оморовна, доктор филологических наук, профессор кафедры международной журналистики, Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, Кыргызская Республика, 720000, Бишкек, ул. Киевская, д. 44. ORCID: 0009-0009-6675-3818. E-mail: jeep502@inbox.ru

Bio note:

Zhypar O. Sultanova, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of International Journalism, Kyrgyz Russian Slavic University named after First President of Russia B.N. Yeltsin, 44 Kiyevskaya St, Bishkek, 720000, Kyrgyz Republic. ORCID: 0009-0009-6675-3818. E-mail: jeep502@inbox.ru